

УЧЕНЫЕ ТРУДЫ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
АДВОКАТУРЫ И НОТАРИАТА

Научно-правовой журнал
Издается 1 раз в 3 месяца

ISSN: 1997-0986

№ 1
(36)
2015

Учредитель и
издатель:
Российская академия
адвокатуры и
нотариата

Главный редактор
Г.Б. МИРЗОЕВ

Заместитель главного
редактора
А.А. ВЛАСОВ

Выпускающий
редактор
Р.В. ШАГИЕВА

Ответственный
секретарь
Н.Н. КОСАРЕНКО

Решением Президиума
ВАК журнал включен
в Перечень
рецензируемых
научных журналов
и изданий
для опубликования
основных результатов
диссертационных
исследований
на соискание
ученой степени доктора
и кандидата наук
(по праву).

Включен в Российский
индекс научного
цитирования (РИНЦ)
<http://www.info-pravo.com>
E-mail: info@info-pravo.com

Журнал основан
в 2000 г.

Зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору
за соблюдением
законодательства
в сфере массовых
коммуникаций и охране
культурного наследия

Свидетельство о
регистрации
ПИ № ФС77-35106
от 26 января 2009 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

журнала «Ученые труды Российской академии
адвокатуры и нотариата»

Председатель – Г. Б. МИРЗОЕВ, ректор РААН, президент Гильдии российских адвокатов, первый вице-президент Федерального союза адвокатов РФ, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор.

Заместитель председателя – Р. В. ШАГИЕВА, первый проректор РААН, заведующая кафедрой теории и истории права и государства РААН, доктор юридических наук, профессор.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

А. П. АЛЬБОВ, заведующий кафедрой теории государства и права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

М.М. БАБАЕВ, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России, заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор;

С. В. БАРАБАНОВА, заместитель директора института дополнительного образования Казанского национального исследовательского технологического университета, доктор юридических наук, доцент, Почетный работник ВПО;

И. Н. БАРЦИЦ, директор Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Л. А. БУКАЛЕРОВА, заведующая кафедрой уголовного права и процесса Российского университета дружбы народов (РУДН), доктор юридических наук, профессор;

А. А. ВЛАСОВ, проректор по научной работе РААН, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, член Экспертно-консультативного совета Министерства юстиции РФ, доктор юридических наук, профессор;

С. И. ВОЛОДИНА, проректор РААН, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ, кандидат юридических наук;

А. П. ГАЛОГАНОВ, вице-президент РААН, президент Федерального союза адвокатов России, президент Адвокатской палаты Московской области, профессор кафедры адвокатуры и правоохранительной деятельности РААН, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук;

Г. Г. ГОЛЬДИН, заведующий кафедрой международного права и публично-правовых дисциплин РААН, доктор политических наук, профессор;

Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать» – 36802

Адрес редакции:
105120, Москва,
Малый Полупурославский пер., 3/5.
Тел./факс: 917-22-39.
E-mail: nauka-raa@mail.ru,
info@raa.ru;
http://www.raa.ru

Корректор –
О.Б. Дровосекова
Компьютерная верстка –
Е.В. Мусатова
Фото – В.Н. Алтабаев

Перепечатка материалов без согласования с редакцией журнала «Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата» не допускается.

За содержание публикаций авторов редакция ответственности не несет.

© Российская академия адвокатуры и нотариата, 2015

Подписано в печать 20.03.2015.
Формат 84x108/16
Печ. офсет.
Бумага офсетная.
Печ.л. 10,5.
Тираж 500 экз.
Заказ № 2205.

Отпечатано в типографии ООО «Канцлер» 150008, г. Ярославль, ул. Клубная, 4-49

К. А. КОРСИК, вице-президент РААН, профессор кафедры нотариата РААН, президент Федеральной нотариальной палаты РФ, доктор юридических наук;

М. С. КРУТЕР, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин РААН, заслуженный юрист РФ, заслуженный работник высшей школы РФ, доктор юридических наук, профессор;

В. В. КУЛАКОВ, заведующий кафедрой гражданского права Российской академии правосудия, доктор юридических наук, профессор;

В. В. РАЛЬКО, заведующий кафедрой нотариата РААН, нотариус города Москвы, член комиссии по нотариату Ассоциации юристов РФ, доктор юридических наук;

И. М. РАССОЛОВ, профессор кафедры правовой информатики МГЮА им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук;

Е. В. САРЫЧЕВ, заведующий кафедрой социально-гуманитарных и общеобразовательных дисциплин РААН, доктор философских наук, профессор;

А. Д. СЕЛЮКОВ, заведующий кафедрой административного и финансового права Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор;

Г. Г. ЧЕРЕМНЫХ, президент РААН, проректор РААН, нотариус Московской городской нотариальной палаты, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор;

Т. М. ШАМБА, нотариус Московской городской нотариальной палаты, доктор юридических наук, профессор, академик восьми международных академий и Российской академии наук;

С. С. ЮРЬЕВ, профессор кафедры теории и истории права и государства РААН, председатель Московской коллегии адвокатов «Межрегион», доктор юридических наук;

В. В. ЯРКОВ, нотариус Свердловской областной нотариальной палаты, доктор юридических наук, профессор.

ИНОСТРАННЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

А. В. БЕЛОКОНОВ, член Адвокатской палаты г. Вены, магистр юриспруденции (Австрия);

Ф. БЕЛО, член Коллегии адвокатов в Париже, доктор юридических наук (Франция);

В. Л. КВИНТ, заведующий кафедрой финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. Ломоносова, иностранный член РАН, доктор экономических наук, профессор (США);

М. С. НАРИКБАЕВ, президент Казахского гуманитарно– юридического университета, доктор юридических наук, профессор, академик Международной академии высшей школы (Казахстан);

М. УЛЬМЕР, доктор истории и культурологии (г. Тюбинген, Германия);

А. ЧИРИЧ, заведующий кафедрой торгового права, арбитража внешнеторговых арбитражей, член Научного совета общественных наук Министерства образования и науки Сербии, доктор юридических наук, профессор Международного торгового права на юридическом факультете Университета г. Ниш, приглашенный профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Сербия).

СОДЕРЖАНИЕ

АДВОКАТУРА. НОТАРИАТ. СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ.

З.Я. БЕНЬЯМИНОВА. Адвокатура, гражданское общество и государство: некоторые исторические факты	5
Л.И. МАСЛОВА. Проблема совершенствования механизма судебной защиты избирательных прав граждан РФ, имеющих конституционно-правовые основания	10

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

К.В. АГАМИРОВ. Прогнозирование в теории и социологии права	14
А.В. АХМАТОВ. Учение о государстве и праве евразийцев	19 (отозвана 25.09.2017)
В.И. АФАНАСЬЕВА. Патентование советских изобретений за рубежом: историко-правовой аспект	25
В.Н. КАЗАКОВ, С.В. ГОРЯЧЕВА. Законность – главный критерий правомерности в сфере реализации публично-правовых отношений	31
Р.В. ШАГИЕВА. Законотворчество как социально-правовой процесс: понятие, сущность и предназначение	35

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

П.Х. АЛИЕВА. Право потерпевшего на обеспечение безопасности	40
Е.В. ВАЛДАЕВ, А.И. ГУРОВ. Эволюция законодательства об ответственности за транспортные преступления по праву России	45
М.В. ВЫСОЦКАЯ. О детерминантах преступности несовершеннолетних	50
С.С. ГУРКОВСКИЙ. К вопросу о понятиях терроризм и террор	53
Д.В. МИРОШНИЧЕНКО, А.Н. САЙГАШКИН. Теоретические и практические проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка	56
Б.А.МОЛЧАНОВ, Ю.С.АНЦИФЕРОВА. Индетерминистские воззрения представителей классической школы уголовного права XIX – начала XX в. на свободу воли как свойство субъекта преступления	60
А.Ю. ЧУПРОВА. Уголовно-правовая оценка мошенничества	66

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ОБЩЕСТВО.

Л.А.БУКАЛЕРОВА, Р.В. ШАГИЕВА. Коррупционные преступления в сфере образования	71
Г.Г. ГОЛЬДИН, Л.О. ТЕРНОВАЯ. Роль символического прочтения этических кодексов юристов в новой международной обстановке	76
Н.Н. КОСАРЕНКО. К вопросу формирования медицинского страхования в условиях развития рыночной экономики Российской Федерации	83
А.А. ЛОБАЧЕВ. Понятие налогового правонарушения	89
А.Н. НИКИТИН. Генерал Крымов: революционер-корниловец	94
Ю.А. СВИРИН, Г.Б. РОЖКО. Нормотворчество работодателей в сфере социального партнерства в России и зарубежных странах (сравнительно-правовой анализ)	98

Трибуна молодых ученых

К.А. ГИТЛИНА. Суррогатное материнство в законодательстве Израиля и России	103
В.В. ИВАНОВА. К вопросу о сущности российской адвокатуры	107
Д.Ш. ЛАНСКАЯ. Основные принципы осуществления адвокатской деятельности в условиях формирования гражданского общества	113 (отозвана 25.09.2017)
В.А. ЛЕОНТЬЕВ. К вопросу о законности	118
Б.Н. ЛОПОТУН. Финансовые правоотношения в правовом демократическом государстве	122
А.О. НАДМИДОВ. Банковская система Российской империи в период 1900-1917 годов	126
Д.А. НАЗАРОВ. Особенности развития государственной национальной политики в условиях идеологического и политического многообразия в Российской Федерации	131
Е.В. УЛЬЯНОВА. Конституционные положения законодательной инициативы в конституциях СССР и РСФСР	135

ЗА РУБЕЖОМ

Р.Ф. АЗИЗОВ. Методы правового регулирования в сети Интернет в Австралии. Сравнительно-правовой анализ	140
А.А. ГАЛУШКИН. Кибершпионаж: вопросы теории и практик	151
В.Ф. ДЖАФАРЛИ. Уголовно-правовая борьба с высокотехнологичными преступлениями в странах постсоветского пространства	156

КОРОТКО О КНИГАХ. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Р.В. ШАГИЕВА. Рецензия на монографию «Гражданско-правовые договоры: актуальные проблемы правового регулирования отдельных видов» (под редакцией доктора юридических наук, профессора В.В. Кулакова и кандидата юридических наук, доцента С.В. Никулюкина. М.: ЮРЛИТИФОРМ, 2014)	160
М.С. КРУТЕР, А.И. ГУРОВ. Рецензия на монографию Л.А. Букалеровой и Р.А. Питикина «Служебный подлог – коррупционное преступление» (М.: ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2014)	161
В.М. ШАМАРОВ. Рецензия на монографию Р.В. Шагиевой и В.Н. Казакова «Человек в правовой сфере: лично-деятельностный подход» (М.: НОРМА, 2015. -13 п.л.)	163

CONTENT

ADVOCACY. NOTARY. ACTIVITY AND JUDICIAL SYSTEM

Z.YA. BENYAMINOVA. Civil society and the state: some historical facts	5
L.I. MASLOWA. The problem of improving the mechanism of judicial protection of electoral rights of citizens of the Russian Federation, having constitutional – legal basis	10

PROBLEMS OF THEORY, HISTORY OF STATE AND RIGHTS

K.V. AGAMIROV. Forecasting in the theory and sociology of law	14
A.V. AKHMATOV. Studies about the state and right of Eurasians.	19
V. I. AFANASYEVA. Patenting Soviet inventions abroad: historical and legal aspects	25
V.N. KAZAKOV, S.V. GORJACHEVA. Law – the main criterion of lawfulness in the implementation of public legal relations	31
R. SHAGIEVA. Legislation as a socio-legal process: concept, essence and purpose.	35

CRIMINAL LAW. LAW ENFORCEMENT

P.H. ALIEVA. Right for a victim on providing of safety.	40
E.V. VALDAEV, A. I. GUROV. The evolution of the legislation on responsibility for traffic offences by the law of Russia	45
M.V. VYSOTSKAYA. About the determinants of juvenile crime.	50
S.S. GURKOVSKY. To the concepts of terrorism and terror	53
D.V. MIROSHNICHENKO, A.N. SAYGASHKIN. Theoretical and practical problems of qualification murder the mother of a newborn baby	56
B.A. MOLCHANOV, Y.S. ANCIFEROVA. Indeterministic views of representatives of the classical school of criminal law XIX – early XX century on the free will of the will as a property of the subject of crime	60
A.U. CHUPROVA. Criminal law assessment of fraud	66

RIGHT. ECONOMY. SOCIETY

L. BUKALEROVA, R. SHAGIEVA. Crimes of corruption in education	71
G.G. GOLDIN, L.O. TERNOVAYA. Role of symbolic reading of ethics codes of lawyers in the new international situation	76
N.N. KOSARENKO. The question of formation of health insurance in the conditions of development of market economy of the Russian Federation	83
A.A. LOBACHYOV. The Essence of the tax offense	89
A.N. NIKITIN. General Krymov: revolutionary-kornilovets	94
U.A. SVIRIN, G.B. ROZHKO. The setting of employers in the sphere of social partnership in Russia and foreign countries (comparative analysis)	98

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

K.A. GITLINA. Rights of the child to the context surrogacy for accepting the law of Israel and Russia	103
V.V. IVANOVA. To the question about the essence of the Russian advocacy	107
D.Sh. LANSKAYA. Basic principles for the profession in the conditions of formation of civil society.	113
A.A. LEONTIEV. For questions about the legality	118
B.N. LOPOTONG. The financial legal relationship in the constitutional democratic state	122
A. NADMIDOV. The banking system of the Russian Empire in the period of 1900–1917 years	126
D.A. NAZAROV. Features of development of the state national policy in terms of ideological and political diversity in the Russian Federation	131
E.V. ULYANOVA. Constitutional provisions of legislative initiative in the constitutions of the USSR and RSFSR	135

ABROAD

R.F. AZIZOV. Methods of legal regulation in the Internet in Australia. Comparative legal research	140
A.A. GALUSHKIN. Cyber Espionage: Questions of Theory and Practice	151
V.F. DZHAFARLI. Criminal Law fight of the countries of the former Soviet Union Against Hi-tech Crimes	156

SHORTLY ABOUT BOOKS. CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

R.V. SHAGIEVA. Review of the monograph "Civil contracts: actual problems of legal regulation of separate types" (under edition of the doctor of jurisprudence, professor V. V. Kulakov and candidate of jurisprudence, the associate professor S.V. Nikol'yukina. M.: YURLITIFORM, 2014)	160
M.S. KRUTER, A.I. GUROV. Review of L.A. Bukalerova and R.A. Pitikin's monograph "Office forgery – a corruption crime" (M.: ChOUVO "MU of S.Yu. Witte", 2014)	161
V.M. SHAMAROV. Review of R.V. Shagiyeva and V.N. Kazakov's monograph "The person in the legal sphere: personal and activity approach". (M.: NORM, 2015.-13 items of I)	163

З.Я. БЕНЬЯМИНОВА

Адвокатура, гражданское общество и государство: некоторые исторические факты

АННОТАЦИЯ. Гражданское общество России сегодня только формируется, и, очевидно, именно адвокатуры как наиболее независимому институту гражданского общества предстоит гарантировать незыблемость нравственных и политических основ развития страны. В советский период нашей истории отношение государственной власти к деятельности адвокатуры чаще всего было негативное. Это связано с тем, что адвокатура противостояла власти и ее представителям. Системе власти, основанной на подавлении личности, конечно, был неудобен институт адвокатуры, который апеллировал к ценностям иного порядка и ставил под сомнение «аксиомы» власти. Очень часто адвокат отождествлялся с подзащитным. Автор статьи полагает, что несложно было бы предсказать судьбу адвоката, который бы стал защищать «врагов народа». Но было бы несправедливо говорить о том, что подобные эпизоды были свойственны только нашей стране. Отнюдь. История стран с развитой демократией дает нам аналогичные примеры отношения власти к адвокатам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: адвокатура, государство, гражданское общество, присяжный поверенный, подзащитный, судья, демократия, нравственность, юридическая помощь, закон.

БЕНЬЯМИНОВА ЗИНАИДА ЯКОВЛЕВНА – декан юридического факультета РААН, кандидат юридических наук.

Z.YA. BENYAMINOVA

Civil society and the state: some historical facts

ANNOTATION. Civil society of Russia is only formed today and it is obvious to legal profession as the most independent institute of civil society should guarantee firmness of moral and political bases of development of the country. During the Soviet period of our history the government relation to activity of legal profession most often was negative. It is connected with that the legal profession resisted to the power and its representatives. To system of the power of the personality based on suppression the institute of legal profession which appealed to values of other order, of course, was inconvenient and called into question "axioms" of the power. Very often the lawyer was identified with the client. The author of article believes that it would be simple to tell the fortunes of the lawyer who would begin to protect "enemies of the people". But it would be unfair says that similar episodes were peculiar only to our country. Not at all. The history of the countries from the developed democracy gives us similar examples of the attitude of the power towards lawyers.

KEYWORDS: legal profession, state, civil society, barrister, client, judge, democracy, moral, legal aid, law.

BENYAMINOVA Z.YA. – candidate of jurisprudence, Dean of the law faculty RAAN.

Конституция Российской Федерации не раскрывает, да и не может раскрыть всех механизмов защиты прав и свобод человека, акцентируя внимание лишь на самых важных — защите прав и интересов в судебном порядке и участии адвоката на стадиях уголовного судопроизводства. Однако и этого достаточно для того, чтобы понять, насколько глубоко институт адвокатуры введен в массив конституционного законодательства. Именно на адвокатуру возложена ответственная

функция обеспечения населения юридической помощью, а тех, кто столкнулся с уголовным преследованием — профессиональной защитой. Вышеуказанные тезисы позволяют сказать, что, по существу, на адвокатуру возлагаются публично-правовые функции. Если это верно, а мы в этом не сомневаемся, то тогда государство должно создать условия для выполнения данной миссии.

Если обратиться к истории адвокатуры в нашей стране, то будет очевидно, что руководство

адвокатским сообществом со стороны органов государственной власти было односторонним. Гражданское общество России сегодня только формируется, и, очевидно, именно адвокатуры как наиболее независимому институту гражданского общества предстоит гарантировать незыблемость нравственных и политических основ развития страны. В советский период нашей истории отношение государственной власти к деятельности адвокатуры чаще всего было негативное.

Почему? Это связано, прежде всего, с тем, что адвокатура противостояла власти и ее представителям. Системе власти, основанной на подавлении личности, конечно, был неудобен институт адвокатуры, который апеллировал к ценностям иного порядка и ставил под сомнение «аксиомы» власти. Кроме того, зачастую адвокат отождествлялся с подзащитным. Полагаем, что несложно было бы предсказать судьбу адвоката, который стал бы защищать «врагов народа». Но было бы несправедливо говорить о том, что подобные эпизоды были свойственны только нашей стране. Отнюдь. История стран с развитой демократией дает нам аналогичные примеры отношения власти к адвокатам.

Исторически сложилось так, что народы и общества проходят в своем развитии различные периоды. Совокупность политических и экономических условий, культура и религия, несомненно, влияют и на то, какое правовое мировоззрение у них формируется. Из этой среды вырастают представители разнообразных профессий, в том числе судьи, сотрудники правоохранительных органов и руководители государства. Они мыслят, думают и поступают так, как им диктует их правосознание. И если сегодня в нашей стране отношение к адвокатам еще нельзя считать в полной степени идеальным, то это связано, прежде всего, с особенностями «эпохи перемен», которая, несомненно, минует.

Обратимся к истории. Негативное отношение к адвокатам до известной реформы 1864 года было продиктовано, пожалуй, теми способами и приемами, которыми последние (как, впро-

чем, и их предшественники) пользовались для разрешения дел. Дореформенной России были известны стряпчие (при коммерческих судах) и поверенные (ходатаи), которые имели дурную славу.

Общество, впрочем, как и власть, считало, что одна из причин бедственного положения отечественного судопроизводства заключается в том, что лица, имеющие хождение по делам, люди большей частью очень сомнительной нравственности, не имеющие никаких сведений — ни юридических, ни практических. Просто мошенники или «крапивное семя» — по меткому народному выражению. Такая оценка защитников середины XIX века особенно любопытна для нас, так как отчасти с той же проблемой столкнулось общество и на рубеже XX—XXI вв.

Большие социальные изменения привели в адвокатуру людей случайных, чуждых ее величайшему предназначению. Возможность «договориться» с судьей, следователем и прокурором стала для них мерилем «квалификации», что, несомненно, не могло не сказаться на имидже представителей этой профессии.

Вернемся к реформе 1864 года — «о создании института адвокатуры в результате судебной реформы можно говорить с определенной долей условности». Действительно единой ассоциации адвокатов создано не было. Вместе с тем адвокатура воплощала в себе новую форму социальной активности. В судебной и адвокатской деятельности активная часть российского общества находила относительную независимость и силу нравственного авторитета.¹

Активная гражданская позиция адвокатов проявлялась весь досоветский период. Адвокаты активно участвовали в общественно-политической жизни страны, жили ее проблемами и с высоты своих высоких моральных принципов отстаивали права и свободы граждан. Активное участие адвокаты принимали в работе Государственной Думы. В состав I Думы входило 36 присяжных поверенных и их помощников, во II Думе их насчитывалось 32, в III Думе — 29 и в

1 Шеломов М.П. История советской адвокатуры. М., 1939. С. 3. Стецовский Ю. И. Советская адвокатура. М., 1989. С. 25.

IV Думе — 23. Первую Думу возглавлял авторитетнейший адвокат и политик С.А. Муромцев.

Революция 1917 года и последовавшая за ней смена политической власти изменила направление развития адвокатуры. Всеохватывающее воздействие марксизма привело к тому, что право стало пониматься как продолжение политической власти. В этих условиях правовые институты стали инструментами, которые использовались революционным большинством по своему усмотрению исходя из политической ситуации.

Возможность влияния общих судов на культуру профессиональной деятельности адвокатов и кадровый состав адвокатуры в общем-то очевидна, вместе с тем устранение адвокатов от участия в квалификационных коллегиях судебного сообщества оценивается адвокатами как неудачное решение.

Адвокатское сообщество и адвокат как его представитель, участвуя в рассмотрении дел в судах, с профессиональной точки может оценить мастерство и профессионализм судьи, накопленная им информация о деятельности судей, конечно же, может быть полезной для решения кадровых вопросов судебной системы.

Суд является органом государственной власти, а адвокатура — институтом гражданского общества. Их явное несомненное различие, тем не менее, позволяет говорить об их духовном родстве, единой миссии — защите прав и свобод граждан Российской Федерации. Поэтому в целях выполнения этой задачи взаимодействие судебного сообщества и адвокатуры должно строиться на основе взаимопонимания и равного публично-правового статуса в государственной системе. Рассмотренные вопросы взаимоотношений адвокатуры и государства позволяют говорить о стойкой тенденции к пониманию государством и его представителями роли адвокатов и созданию им приемлемых условий для выполнения своей функции — оказания квалифицированной помощи и защите прав граждан, их объединений и общества в целом.

Без необходимого удаления адвокатуры от органов государственной власти выполнение ею своей миссии невозможно. Вместе с тем, соз-

давая условия реализации судебной защиты, предусмотренной статьями 46 и 48 Конституции Российской Федерации, адвокатура выполняет и функцию участника государственной правоохранительной деятельности и правосудия. Из единства этих, казалось бы, полярных составляющих и формируется общественная значимость адвокатуры.

В Древнем Риме адвокатура первоначально возникла также в форме родственной взаимопомощи в суде. Сохранившиеся известия о древнейших судебных процессах показывают, что еще до основания города Рима в них деятельное участие принимали родственники сторон.

Однако именно патронат был непосредственным источником, из которого развилась адвокатура как свободная профессия. По мере распада древнего патроната как цельного общественно-политического института патриархальные отношения между патронами и их клиентами слабели, сохраняясь исключительно в судебно-процессуальной форме, в рамках которой патрон как знаток законов выполнял обязанности судебной защиты, а клиент оплачивал такое покровительство какой-нибудь услугой или подарком. Причем отношения эти уже не были постоянными, а возникали только на время процесса.

Более того, с течением времени функции судебной защиты перестали быть прерогативой патрициев, поскольку их монополия на знание норм материального права была разрушена изданием законов XII таблиц. Что же касается норм процессуального права, то доступ к ним был открыт опубликованием таблицы присутственных дней и исковых формул. Так адвокатура сделалась вполне свободной профессией.

Дальнейшее развитие профессии пошло в Древнем Риме двумя путями: одни юристы занялись исключительно консультированием по правовым вопросам, другие предались судебной защите, впрочем, иногда совмещая с ней и консультирование. Первые носили название юрисконсультов, или правоведов. Главнейшей их функцией было толкование законов XII таблиц, но не буквальное, а распространительное, поскольку имелась настоятельная необходимость подводить

вновь возникавшие общественные отношения под правила старого «строгого» права. В отличие от юрисконсультов и законников (прагматиков) адвокаты были, прежде всего, судебными ораторами. Причем первоначально сам термин «адвокат» (*advocatus*) относился исключительно к родственникам и друзьям тяжущегося, которые являлись вместе с ним в суд, чтобы давать ему советы или поддерживать просто своим присутствием.²

Такой обычай, аналогичный древнерусскому институту пособников, был весьма почитаем, и не раз римские императоры являлись в суд в качестве таких адвокатов. Различия между видами судебной деятельности были предельно ясно сформулированы Аскинием: «Кто защищает кого-либо в суде, тот называется патроном, если он оратор; адвокатом, если он помогает юридическими советами (*jus suggerit*) или своим присутствием выражает дружеское участие (*praesentiam commodat amico*); поверенным, если ведет дело, и коннитором, если принимает на себя дело присутствующего и защищает как будто свое». Окончательную форму древнеримская адвокатура получает в кодексах Юстиниана. Адвокатская профессия приравнивалась к должностной службе, а занятие ею допускалось с разрешения начальника провинции. В адвокатское сословие не допускались женщины, несовершеннолетние, глухие и слепые, лишенные гражданской чести, подвергшиеся уголовному наказанию, занимающиеся позорными ремеслами и т.п. Прежде чем стать адвокатом кандидат должен был окончить 5-летний курс в одной из юридических школ и сдать государственный экзамен в присутствии начальника провинции.³

Адвокаты вносились в списки (*rotula*) по префектурам в порядке их допущения к профессии. Первый по списку назывался старшиной (*primas*). Все адвокаты разделялись на штатных (*statuti*) и сверхштатных (*supernumerarii*).

Разница между ними состояла в том, что первые имели право выступать во всех судах, а вторые практиковали в низших судах. Дисциплинарный надзор за адвокатами принадлежал начальнику провинции. Главными профессиональными деликтами считались: вероломная измена клиенту (*perjuratio*), вымогательство больших гонораров, выговаривание себе части спорного имущества и кляузничество.

Наказанием было запрещение адвокатской практики: навсегда или на известное время, при всех судах или при некоторых, всякая практика вообще или какой-то вид ее. Для адвокатов была установлена особая присяга, которую они должны были произносить в начальной стадии каждого судебного процесса.⁴

В этой присяге они клялись, во-первых, приложить все силы к тому, чтобы оправдать законные и справедливые требования клиента, а во-вторых, немедленно отказаться от ведения дела, если убедятся в его нечестности (*causa improba*) или юридической неосновательности (*penitus desperata*). На суде адвокату предписывалось воздерживаться от оскорбительных выражений и не затягивать процесс. Чтобы поставить предел чрезмерному многословию адвокатов, Древний Рим измерял право слова защиты песочными часами (современные законодательства, по примеру французского, заменили часы дискреционной властью судьи).

Что же касается гонораров, то адвокат мог ставить этот вопрос только после окончания процесса. Если соглашение о вознаграждении было заключено, то размер гонорара определялся им; если же его не было, то по иску адвоката суд назначал ему гонорар в зависимости от характера дела, таланта адвоката, обычаев адвокатуры и важности судебной инстанции. Ни в коем случае гонорар не мог превышать 10 тысяч сестерциев.

Кодексы Юстиниана, как известно, послужили основой для правовых систем практически всех

2 Грудцына Л.Ю. Концептуальные основы формирования институтов гражданского общества в Российской Федерации // Российская юстиция. 2008. № 12. С. 42-47; Иванов А.А., Шагиева Р.В. Становление адвокатуры в Древнем Риме // Ученые труды РАН. 2014. № 1. С. 13-18.

3 Невядомский Д. Вечные вопросы адвокатуры. По поводу «этюда по адвокатской этике» гр. Джаншиева. М., 1886. С. 123.

4 Грудцына Л.Ю. Конституционно-правовые основы формирования государством институтов гражданского общества в России // Образование и право. 2010. № 7. С. 80.

цивилизированных народов. Благодаря им в Средние века структурообразующие идеи института адвокатуры распространились по всей Европе.⁵

Пожалуй, наибольшего расцвета институт адвокатуры получил во Франции. Явные следы юстинианова права можно найти в одном из актов обычного права, датированного уже 1282 годом: «...Если кто-либо хочет стать адвокатом... – он должен присягнуть, что, исполняя свои обязанности адвоката, он будет вести себя хорошо и честно, что он, насколько ему будет известно, будет вести только добрые и законные дела, что если он начнет дело, которое в начале покажется ему правильным, а потом узнает, что оно нечестно, он сразу, как только узнает об этом, бросит его». Со временем социальный статус сословия адвокатов все более укреплялся. На то были несколько причин.

Во-первых, адвокаты все более становились необходимы тяжущимся. В XIV–XV веках право на устное выступление в суде предоставлялось уже только адвокатам.

Во-вторых, адвокаты все более становились необходимы судебной системе, поскольку судьи не всегда являлись знатоками права (с 1592 по 1789 год должности судей покупались).

В-третьих, за исключением двух веков, когда

судебные должности находились в торговом обороте, адвокат выполнял роль главного кадрового резерва судебной системы.

В-четвертых, уже к XIV веку французская адвокатура институционально сумела оформить в организацию, способную:

а) обеспечивать собственную независимость от вмешательства властей,

б) вырабатывать и сохранять особую этическую среду,

в) солидарно отстаивать интересы и права своих членов. Организационная сплоченность сообщества французских адвокатов проявилась еще в 1602 году, когда парижские адвокаты объявили забастовку в ответ на распоряжение Парижского парламента (так назывались в то время суды) об обязательном указании сумм гонораров.⁶

В 1720 году сословие французских адвокатов вновь прибегло к забастовке, когда председатель Парижского парламента объявил адвокату замечание за отказ снять головной убор во время судебных прений, тем самым поставив под сомнение древнюю привилегию французских адвокатов, подчеркивавшую их независимость от суда. И судебные власти были вынуждены подтвердить право адвокатов «читать законы, не снимая шляпы».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бойков А. Д., Капинус Н. И. Адвокатура в России. М., 2000. С. 53.
2. Васильковский Е. В. История адвокатуры. СПб. 1893. С. 25.
3. Грудцына Л.Ю. Конституционно-правовые основы формирования государством институтов гражданского общества в России // Образование и право. 2010. № 7. С. 80.
4. Грудцына Л.Ю. Концептуальные основы формирования институтов гражданского общества в Российской Федерации // Российская юстиция. 2008. № 12. С. 42-47.
5. Иванов А.А., Шагиева Р.В. Становление адвокатуры в Древнем Риме // Ученые труды РААН. 2014. № 1.
6. Невядомский Д. Вечные вопросы адвокатуры. По поводу «этнода по адвокатской этике» гр. Джаншиева. М., 1886. С. 123.
7. Стецовский Ю. И. Советская адвокатура. М., 1989. С. 25.
8. Шеломов М.П. История советской адвокатуры. М., 1939. С. 3.

BIBLIOGRAPHY

1. Boykov, A. D., Kapinus N. I. the legal profession in Russia. M., 2000. S. 53.
2. Vaskovsky E. Century History of advocacy. SPb. 1893. С. 25.
3. Grudtsyna L. Yu Constitutional and legal basis for the formation of state institutions of civil society in Russia // education and the right. 2010. No. 7. S. 80.
4. Grudtsyna L. Yu Conceptual basis for the formation of civil society institutions in the Russian Federation // the Russian justice. 2008. No. 12. S. 42-47.
5. Ivanov A.A., Shagieva R.V. Formation of legal profession in Ancient Rome // Uchyonye trudy RAAN. 2014. N 1.
6. Niewiadomska A. D. Eternal questions of advocacy. About the “study on ethics” gr. Janshev. M., 1886. S. 123.
7. Stezowski Y. I. Soviet advocacy. M., 1989. С. 25.
8. Shalamov M. P. History of the Soviet bar. M., 1939. С. 3.

5 Васильковский Е. В. История адвокатуры. СПб. 1893. С. 25.

6 Бойков А. Д., Капинус Н. И. Адвокатура в России. М., 2000. С. 53.

Л.И. МАСЛОВА

Проблема совершенствования механизма судебной защиты избирательных прав граждан РФ, имеющих конституционно-правовые основания

АННОТАЦИЯ: Подвергнув анализу законодательные акты субъектов РФ, регулирующих отношения по формированию судебной власти и сопоставив их с регулирующими те же отношения нормативными актами федерального уровня, автор делает выводы по совершенствованию механизма судебной защиты избирательных прав граждан РФ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Развитие судебной системы России, судебная власть, уставные суды, мировые суды.

МАСЛОВА ЛЮБОВЬ ИВАНОВНА – заместитель Председателя Тверского областного суда г. Тверь, соискатель ученой степени кандидата юридических наук (lim_tver@mail.ru).

L.I. MASLOWA

The problem of improving the mechanism of judicial protection of electoral rights of citizens of the Russian Federation, having constitutional – legal basis

ANNOTATION: Subjecting the analysis of subjects of the Russian Federation laws regulating the relations n formation of the judiciary, and comparing them with regulating those relations regulations of the federal level, the author draws conclusions on improving the mechanism of judicial protection of electoral rights of citizens of the Russian Federation.

KEYWORDS: Development of the Russian judicial system, the judiciary, constitutional courts, magistrates' courts.

MASLOWA LYUBOV IVANOVNA – Deputy Chairman of the Tver regional court of Tver.

Согласно Концепции Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» (утв. распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2012 г. № 1735-р) судебная система как механизм государственной защиты имеет большое значение в любом правовом государстве.¹ Со времен римского права хорошо известно, что, исполняя роль общественного арбитра, она защищает одновременно все

сферы деятельности, регулируемые правом.² Система судебных органов обеспечивает незыблемость основ конституционного строя, охраняя правопорядок, единство экономического пространства, имущественные и неимущественные права граждан и юридических лиц, а также гарантирует свободу экономической деятельности.

Институт народных голосований на муниципальном уровне – голосования по вопросам

1 Чепурной А.Г. Конституционные основы социальной политики государства: Современные концепции // Вестник московского университета МВД России. 2013. № 11. С.44–52.

2 Рассолов М.М. Горбунов М.А. Римское право: учебник. 2-е изд. М.: Юнити, 2015; Ерофеева Д.В. Источники права в римской правовой традиции // Ученые труды РААН. 2014. № 3(34). С. 23–29.

изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования, появился с нормами Федерального закона от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»³. Ими закреплено обязательное получение согласия населения при изменении границ или преобразовании муниципальных образований. В связи с изменением действующего федерального законодательства в данной сфере законодатели субъектов начали приводить свое законодательство в рамки, установленные Федерацией. Например, Закон Санкт-Петербурга от 17 декабря 1997 г. № 228-74 «Об учете мнения граждан при установлении и изменении границ муниципальных образований» утратил силу в связи с принятием Закона Санкт-Петербурга от 25 июля 2005 г. № 411-68⁴.

Институт судебной власти в России имеет сложную правовую природу, обусловленную, с одной стороны, провозглашенной на конституционном уровне независимостью и самостоятельностью судебной власти (ст. 120 Конституции РФ), а с другой – необходимостью государственного обеспечения организации и деятельности судебной системы на всей территории России. Последнее реализуется посредством перманентного развития законодательства

о судебной системе, ее реформированием и модернизацией, которые происходят два последних десятилетия.⁵

В настоящее время, в том числе по мере реализации концепции «укрупнения» российских регионов, можно констатировать появление новых нормативных правовых актов о мировых судьях, в числе которых Закон Красноярского края от 20 июня 2006 г. № 19-4817 «О мировых судьях в Красноярском крае», Закон Иркутской области от 15 ноября 2007 г. № 111-оз «О мировых судьях в Иркутской области», Закон Пермского края от 5 декабря 2006 г. № 28-КЗ «О мировых судьях в Пермском крае»⁶.

Кроме того, некоторые субъекты РФ также посчитали целесообразным «обновить» соответствующее законодательство, руководствуясь, как полагает диссертант, все той же тенденцией приведения законов о мировых судьях в полное соответствие с федеральными законами. Так, в 2007 г. был принят Закон Владимирской области от 07 декабря 2007 г. № 171-ОЗ «О мировых судьях во Владимирской области»; в 2006 г. – законы о мировых судьях в Астраханской, Московской, Новосибирской, Пензенской, Тамбовской, Ульяновской областях; в 2009 г. – в Республике Адыгея и др.⁷

В целом анализ соответствующих нормативных правовых актов позволяет прийти к выво-

3 Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, с изм. от 08.11.2007 г. // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822; 2004. № 25. Ст. 2484; 2005. № 1. Ст. 12, 17, 25, 37; № 17. Ст. 1480; № 30. Ст. 3104; № 42. Ст. 4216; № 52. Ст. 5597; 2006. № 1. Ст. 10, 17; № 8. Ст. 852; № 23. Ст. 2380; № 30. Ст. 3296; № 31. Ст. 3427, 3452; № 43. Ст. 4412; № 50. Ст. 5279; 2007. № 1. Ст. 21; № 10. Ст. 1151; № 21. Ст. 2455; № 25. Ст. 2977; № 26. Ст. 3074; № 43. Ст. 5084.

4 О территориальном устройстве Санкт-Петербурга: Закон Санкт-Петербурга от 30 июня 2005 г. № 411-68 // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 2005. № 11.

5 См., напр.: Чепурнова Н.М., Белоусов Д.В. Судебная защита в механизме гарантирования прав и свобод: конституционно-правовой аспект. Монография. – М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2010. – 167 с.

6 О мировых судьях в Красноярском крае: Закон Красноярского края от 20 июня 2006 г. № 19-4817 // Ведомости высших органов государственной власти Красноярского края. 2006. № 24 (117). 03.07; О мировых судьях в Иркутской области: Закон Иркутской области от 15 ноября 2007 г. № 111-оз // Областная (газета). 2007. № 135. 21.11; О мировых судьях в Пермском крае: Закон Пермского края от 5 декабря 2006 г. № 28-КЗ // Собрание законодательства Пермского края. 2007. № 1. II часть. 26.01.

7 О мировых судьях Республики Адыгея: Закон Республики Адыгея от 27 октября 2009 г. № 288 // Советская Адыгея. 2009. № 210. 03.11; О мировых судьях в Астраханской области: Закон Астраханской области от 09 сентября 2005 г. № 47/2005-ОЗ // Астраханские известия». 2005. № 38. 22.09; О мировых судьях во Владимирской области: Закон Владимирской области от 07 декабря 2007 г. № 171-ОЗ // Владимирские ведомости. 2007. № 249. 19.12; О порядке назначения на должность и деятельности мировых судей в Московской области: Закон Московской области от 16 мая 2005 г. № 122/2005-ОЗ // Вестник Московской областной Думы. 2005. № 11. Ноябрь; О мировых судьях Новосибирской области: Закон Новосибирской области от 26 сентября 2005 г. № 314-оз // Ведомости Новосибирского областного Совета депутатов. 2005. № 40, 30.09; О мировых ►

ду о том, что основы правового регулирования конституционных (уставных) судов и мировых судей, по сравнению с 1998–2000 гг., в настоящее время уже не имеют столь существенного различия⁸. Так, в законах субъектов РФ о конституционных (уставных) судах и мировых судьях все более часто проявляется формальный подход законодателя к регламентации их статуса.

К примеру, не используются возможности проведения выборов мировых судей населением либо осуществления предварительного конституционного контроля конституционными (уставными) судами. Кроме того, на рубеже 2004–2010 гг. федеральный законодатель существенно ограничил полномочия законодателя субъектов РФ в анализируемой сфере правового регулирования, а именно: запретил устанавливать субъектам РФ дополнительные требования к кандидатам на должности мировых судей; лишил права вводить дополнительные гарантии для мировых судей, не предусмотренные федеральным законом; исключил возможность рассмотрения административных дел в порядке, определяемом законом субъекта Российской Федерации.

Более того, несмотря на отсутствие каких-либо требований со стороны федерального законодателя, в начале XXI в. большинство законов о конституционных (уставных) судах субъектов РФ также были приведены в полное соответствие с Законом Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации». Следует заметить, что имевшие место «отли-

чительные особенности» анализируемого законодательства субъектов РФ, как правило, никоим образом не противоречили федеральной Конституции и нормативным правовым актам, а, напротив, создавали дополнительные гарантии для судейского корпуса (например, такие функции выполняла квалификационная коллегия судей Кабардино-Балкарии), обеспечивали необходимые требования к судьям конституционных (уставных) судов (как это было в республиках Адыгея, Марий Эл, Северная Осетия – Алания, Карелия и др.).

Представляются достаточно спорными положения соответствующих нормативных правовых актов, предусматривающие возможность пересмотра решений уставных судов (Самарская, Свердловская области), а также запрещающие судам субъектов РФ самостоятельно принимать регламенты суда (г. Санкт – Петербург) и т.д.

В этом плане справедливым является мнение ученых о том, что «соблюдение основ конституционного строя и общих принципов, установленных федеральным законом, не означает шаблонизацию, копирования федеральной системы... подгонку под эту систему, установление единообразия для всех субъектов РФ, что может сыграть негативную роль в реализации конституционного принципа федерализма»⁹. Также, по нашему мнению, указанные тенденции не позволяют реализовать многие потенциальные позитивные качества и свойства изучаемых судов, препятствуют процессу

◀ судьях в Пензенской области: Закон Пензенской области от 09 марта 2005 г. № 781-ЗПО // Пензенские губернские ведомости. 2005. № 6. 18.03. Ст. 61; О порядке назначения и деятельности мировых судей в Тамбовской области: Закон Тамбовской области от 30 марта 2005 г. № 303-З // Тамбовская жизнь. 2005. 68 (23270). 09.04; О мировых судьях Ульяновской области: Закон Ульяновской области от 02 ноября 2005 г. № 109-ЗО // Ульяновская правда. 2005. № 103–104 (22.417– 22.418). 08.11.

8 На федеральном уровне правовое регулирование статуса судей судов субъектов РФ осуществляют, конечно, и многие другие нормативные правовые акты. Так, например, Федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» предусматривает участие судов субъектов РФ в избрании делегатов на Всероссийский съезд судей (ст. 6); в формировании Совета судей Российской Федерации (ст. 8) и квалификационной коллегии судей субъекта РФ (ч. 4 ст. 11); Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (п. «з» ч. 3 ст. 5) указывает, что назначение судей конституционных (уставных) судов осуществляется постановлением законодательного (представительного) органа власти субъекта РФ и т.д. Федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 11. Ст. 1022; Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // РГ. 1999 г. 19 октября.

их институционализации как единой системы региональных органов российского правосудия и игнорируют наличие однородных признаков и свойств в статусе конституционных (уставных) судов и мировых судей, имеющих общую правовую природу судов субъектов Российской Федерации.

Вместе с тем, перспективы развития изучаемых судов автор связывает с организацией взаимодействия конституционных (уставных) судов и мировых судей и формированием систем судов субъектов РФ. С одной стороны, как неоднократно отмечалось, они имеют общую правовую природу как суды субъектов РФ, с другой, фактический статус, цели, место и роль, как в федеральной, так и региональной судебной системе кардинальным образом отличаются друг от друга. Тем не менее, представляется возможным их взаимодействие, к примеру, в сфере формирования в каждом субъекте РФ единых органов судейского сообщества и, прежде всего, квалификационных коллегий для судей судов субъектов РФ.

Здесь следует отметить, что на практике сложилась достаточно неординарная ситуация,

связанная с тем, что вопрос о прекращении полномочий судьи конституционного (уставного) суда может быть разрешен самим этим судом, что достаточно сомнительно с точки зрения гласности принимаемого решения.¹⁰

Думается, что единообразному и, главное, объективному разрешению вопросов, связанных с рекомендацией судей изучаемых судов для назначения, их поощрением и наказанием, в том числе таким, как досрочное прекращение полномочий, способствовало бы формирование специальной квалификационной коллегии судей судов субъектов РФ. Соответственно, представляется целесообразным создание как квалификационных коллегий в каждом субъекте РФ для судей федеральных судов, так и квалификационных коллегий в каждом субъекте РФ для судей судов субъектов РФ.

Формирование квалификационной коллегии для судей судов субъектов РФ обеспечит условия для появления дополнительных гарантий независимости судей изучаемых судов. Кроме того, можно будет обеспечить открытое для общества принятие соответствующих решений в отношении судей конституционных (уставных) судов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Большаков С.В., Казьмин В.И., Гришина М.В., Бударина Н.А. Средства массовой информации и выборы: Вопросы и ответы/Отв. ред. А.А. Вешняков, канд. юрид. наук; рец. М.А. Федотов, докт. юрид. наук; Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. М., 2003.
2. Брежнев О.В. Судебный конституционный контроль в России: проблемы методологии, теории и практики: Дисс... докт. юрид. наук. М., 2006.
3. Витрук Н.В. Верность Конституции. М.: Изд-во «РАП», 2008.
4. Ерофеева Д.В. Источники права в римской правовой традиции // Ученые труды РААН. 2014. № 3(34).
5. Рассолов М.М. Горбунов М.А. Римское право: учебник. 2-е изд. М.: Юнити, 2015.
6. Чепурной А.Г. Конституционные основы социальной политики государства: Современные концепции // Вестник московского университета МВД России. 2013. № 11.

BIBLIOGRAPHY

1. Bolshakov S.V., Kazmin V. I., Grishina M. V., Budarin N. A. Mass media and elections: Questions and answers / Отв. edition A.A. Veshnyakov, edging. юрид. sciences; rets. M. A. Fedotov, doctor of jurisprudence; Russian Central Election Commission. M, 2003.
2. Brezhnev O. V. Judicial constitutional control in Russia: problems of methodology, theory and practice: dissertation of doctor of jurisprudence. M, 2006.
3. Vitruk N. V. Vernost of the Constitution. M.: Publishing house of "BRINES", 2008.
4. Erofeeva D.V. Right sources in the Roman legal tradition // Uchyonye trudy RAAN. 2014. N 3(34).
5. Brines M. M. Gorbunov M. A. Roman right: textbook. 2-nd edition. M.: Unity, 2015.
6. Chepurna A.G. Constitutional bases of social policy of the state: Modern concepts. Bulletin of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia, 2013, No. 11.

9 Витрук Н.В. Верность Конституции. М.: Изд-во «РАП», 2008. С. 264.

10 Большаков С.В., Казьмин В.И., Гришина М.В., Бударина Н.А. Средства массовой информации и выборы: Вопросы и ответы/Отв. ред. А.А. Вешняков, канд. юрид. наук; рец. М.А. Федотов, докт. юрид. наук; Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. М., 2003.

К.В. АГАМИРОВ

Прогнозирование в теории и социологии права

АННОТАЦИЯ. Обособляясь все более в гносеологическую функцию юридической науки, прогнозирование в теории и социологии права, или юридическое прогнозирование, приобретает на этапе постиндустриального общества особенное значение. Исследуя правовую надстройку, происходящие в ней под влиянием экономических, политических и идеологических факторов процессы, выявляя вероятностные изменения социально-правовой надстройки и предлагая, в итоге, наилучшие пути развития законодательства и его отраслей, юридическое прогнозирование способствует перспективно-долгосрочному подходу к решению важнейших проблем общества, главным производственным ресурсом которого являются информация и знание. Научные исследования становятся основной движущей силой развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: юридическое и социальное прогнозирование, уровни юридического прогнозирования, методологические аспекты юридического прогнозирования, стратегия развития законодательства, перспективное и текущее планирование законодательства, соотношение правотворчества и прогнозирования, вероятностные изменения социально-правовой надстройки, методика прогнозирования отдельных видов правонарушений, прогнозирование правового поведения.

АГАМИРОВ КАРЭН ВЛАДИМИРОВИЧ – доцент кафедры информационного, предпринимательского и торгового права Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, кандидат юридических наук, доцент (agamirow@yandex.ru).

K. V. AGAMIROV

Forecasting in the theory and sociology of law

ANNOTATION. Standing apart more and more in gnoseological function of jurisprudence, forecasting in the theory and sociology of the right, or legal forecasting gains special value at a stage of post-industrial society. Investigating a legal superstructure, the processes happening in it under the influence of economic, political and ideological factors, revealing probabilistic changes of a social and legal superstructure and offering, as a result, the best ways of development of the legislation and its branches, legal forecasting promotes perspective long-term approach to the solution of the major problems of society which main production resource are information and knowledge. Scientific researches become the main driving force of development.

KEYWORDS: legal and social forecasting, levels of legal forecasting, methodological aspects of legal forecasting, strategy of development of the legislation, advance and routine planning of the legislation, ratio of law-making and forecasting, probabilistic changes of a social and legal superstructure, technique of forecasting of separate types of offenses, forecasting of legal behavior.

AGAMIROV K. V. – Associate professor of information, enterprise and commercial law of Plekhanov Russian Academy of Economics, candidate of jurisprudence, associate professor (agamirow@yandex.ru).

В условиях постиндустриального общества особенное значение приобретает усиление воздействия научного уровня планирования на ускорение социально-экономического развития страны, эффективное использование производственного и научно-технического потенциала, формирование прогрессивной политической структуры, управление социальными процессами.

В свою очередь, повышение уровня научной обоснованности планирования и в целом управления экономическими, политическими и социальными процессами предполагает прогнозирование этих процессов, укрепление взаимосвязи прогнозирования с перспективным и текущим планированием.

Юридическое прогнозирование является важнейшим видом социального прогнозирования. Они тесно взаимосвязаны. Для предвидения возможных изменений в социальной жизни без анализа происходящих процессов в социально-правовой сфере не обойтись. Но, с другой стороны, одного такого анализа недостаточно, ибо правовое регулирование общественных отношений определяется наличествующими политическими, экономическими и идеологическими явлениями. Налицо необходимость комплексного подхода к юридическому прогнозированию, учета многочисленных факторов при выводах о тенденциях развития социально-правовых отношений.

Обособляясь все более в гносеологическую функцию юридической науки, юридическое прогнозирование приобретает на этапе постиндустриального общества особенное значение. Исследуя правовую надстройку, происходящие в ней под влиянием экономических, политических и идеологических факторов процессы,

выявляя вероятностные изменения социально-правовой надстройки и предлагая, в итоге, наилучшие пути развития законодательства и его отраслей, юридическое прогнозирование способствует перспективно-долгосрочному подходу к решению важнейших проблем общества, главным производственным ресурсом которого являются информация и знание. Научные исследования становятся основной движущей силой развития.

Методологические, теоретические и прикладные аспекты юридического прогнозирования изложены в трудах Аванесова Г.А., Алексева С.С., Витрука Н.В., Гаврилова О.А., Гончарова П.К., Гулиева В.Е., Закоморного И.В., Казимирчука В.П., Керимова Д.А., Кудрявцева В.Н., Лапаевой В.В., Лаптева В.В., Лазарева В.В., Лицицына-Светланова А.Г., Лукашевой Е.А., Малейна Е.С., Нерсисянца В.С., Никитинского В.И., Овчинникова И.И., Оксамытного В.В., Полениной С.В., Рассолова И.М., Самощенко И.С., Сафарова Р.А., Шаргородского М.Д., Шахназарова Г.Х., Явича Л.С. и других экспертов как в области юридического, так и социального прогнозирования.

Проблема юридического прогнозирования стала привлекать к себе внимание специалистов в 60-70-е годы двадцатого столетия. С рядом статей выступает Р.А. Сафаров, который и ввел понятие «юридическое прогнозирование»¹. Появляются исследования Г.А. Аванесова в области криминологического прогнозирования². Проблеме прогнозов в правовой науке посвящает свою статью М.Д. Шаргородский³. О необходимости прогнозирования в сфере правотворчества и реализа-

- 1 Сафаров Р.А. Социальный эксперимент и проблемы государства и права // Советское государство и право. 1964. № 10; Он же: Прогнозирование и юридическая наука // Советское государство и право. 1969. № 3; Он же. Прогнозирование – функция социалистического государственного управления // Советское государство и право. 1969. № 10; Он же. Прогнозирование в системе принципов государственного управления // Советское государство и право. 1970. № 9; Он же. Юридическое прогнозирование // Право и социология. М.? 1973.
- 2 Аванесов Г.А. Теория и методология криминологического прогнозирования. М., 1972. Он же. Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с преступностью. М., 1972.
- 3 Шаргородский М.Д. Прогноз и правовая наука // Правоведение. 1971. № 1.

ции права пишет В.В. Лазарев⁴. Проблемы криминологического прогнозирования затрагивает В.Н. Кудрявцев⁵. Выходит в свет комплексное исследование И.В. Бестужева-Лады по проблемам социального прогнозирования, в котором юридическое прогнозирование рассматривается как одно из его основных направлений⁶. Вопросами научного предвидения, прогнозирования науки и техники занимаются В.Г. Виноградов и Г.М. Добров⁷.

В коллективной монографии ИГП АН СССР «Право и социология» рассмотрению понятия и проблематики юридического прогнозирования посвящена отдельная глава⁸. Разрабатывается также методика прогнозирования отдельных видов правонарушений⁹.

В последующие годы и новое время ученые продолжают интересоваться проблемами социального и юридического прогнозирования. Так, методологические аспекты прогнозирования, соотношение правотворчества и прогнозирования исследует О.А. Гаврилов¹⁰. Правотворческие вопросы

прогнозирования находят также отражение в трудах С.В. Полениной¹¹. В.Н. Кудрявцев подвергает комплексному анализу прогностические аспекты правового поведения¹². Этой же теме посвящена коллективная монография В.Н. Кудрявцева, Ю.В. Кудрявцева, В.С. Нерсесянца и работа В.В. Оксамытного¹³.

В.А. Леванский предлагает методику прогнозирования правового поведения¹⁴. В коллективной статье сектора общей теории и социологии права ИГП АН СССР юридический прогноз рассматривается как важнейший фундамент развития правовой системы¹⁵. Выходит исследование коллектива авторов ВНИИСЗ Минюста СССР, в котором рассматриваются вопросы методологии и методики прогнозирования эффективности действия норм права¹⁶.

Еще один коллективный труд, в котором нашли отражение методические основы прогнозирования, его комплексные системы и основные сферы — «Рабочая книга по прогнозированию»¹⁷, — по праву и сегодня является настольной книгой прогнозиста.

4 Лазарев В.В. Особенности реализации правовых предписаний // Советское государство и право. 1972. № 2; Он же. Правомерное поведение как объект юридического исследования // Советское государство и право. 1976. № 10.

5 Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М., 1968.

6 Бестужев-Лада И.В. Окно в будущее. М., 1970; См. также: Он же. Прогнозирование в социологических исследованиях. М., 1978; Он же. Прогнозирование социальных потребностей молодежи: опыт социологических исследований. М., 1978.

7 Виноградов В.Г. Научное предвидение. М., 1973; Добров Г.М. Прогнозирование науки и техники. М., 1977.

8 См: Право и социология / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров, В.П. Казимирчук. М., 1973. Гл. II.

9 Вопросы научного прогнозирования. М., 1968. Вып.2. С.198-199.

10 Гаврилов О.А. Правотворчество и прогнозирование // Научные основы советского правотворчества. М., 1981; Гаврилов О.А., Лукашева Е.А. Правовая система и социальный прогноз // Правовая система социализма / Под. ред. А.М. Васильева. М., 1987. Кн. 2; Гаврилов О.А. Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование. М., 1993; Он же. Теоретические и методологические проблемы юридического прогнозирования // Теория права: новые идеи. М., 1993. Вып. 3.

11 Поленина С.В. Теоретические проблемы системы советского законодательства. М., 1979; Ее же. Социология и планирование законотворчества // Социальные вопросы правотворчества. М., 1980. С.45-52; Ее же. Планирование правотворчества // Научные основы советского правотворчества. М., 1981.

12 Кудрявцев В.Н. Юридические нормы и фактическое поведение // Советское государство и право. 1980. № 2; Он же. Право и поведение. М., 1978; Он же. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982.

13 Кудрявцев В. Н., Кудрявцев Ю. В., Нерсесянц В. С. Социальные отклонения: Введение в общую теорию. М., 1984; Оксамытный В.В. Правомерное поведение личности. Киев, 1985.

14 Леванский В.А. Моделирование в социально-правовых исследованиях. М., 1986.

15 Правовая система социализма: проблемы функционирования и развития // Советское государство и право. 1986. № 8.

16 Глазырин В. В., Лапаева В. В., Морщакова Т.Г. и др. Методология и методика прогнозирования эффективности действия правовых норм. Депонирована в ИНИОН АН СССР. № 25756. М., 1986.

17 Рабочая книга по прогнозированию / Отв. ред. И.В. Бестужев-Лада. М., 1982.

Отдельными проблемами юридического прогнозирования занимаются В.В. Андриук, В.Н. Белоглазов, В.А. Верещагин, А.С. Гатилова, И.В. Закоморный, О.А. Иванюк, М.П. Клейменов, В.С. Ломтева, А.Я. Минин, С.С. Овчинский, И.В. Плюгина, В.И. Радченко, А.Ф. Токарев, С.Р. Тютиков, А.М. Цирин, Г.Т. Чернобель и некоторые другие авторы¹⁸. Продолжает исследовать проблему правомерного поведения личности как одно из направлений юридического прогнозирования В.В. Оксамытный¹⁹.

В.В. Лапаева, Ж. Карбонье, В.Н. Кудрявцев и другие авторы обосновывают выделение социологии права в самостоятельную юридическую дисциплину²⁰, в рамках которой юридическая конфликтология, как подчеркивает В.В. Лапаева, изучает социальный конфликт как социальное явление, содержанием которого является процесс развития и разрешения противоречий в отношениях и действиях

людей. Именно поэтому третий уровень юридического прогнозирования — прогнозирование правового поведения — составляет одно из направлений социологии права.

С учетом возрастающей роли социальной составляющей в государстве и обществе заслуживает внимания работа В.М. Сафроновой²¹. Продолжает исследовать проблему социальной прогностики ее отец-основатель И.В. Бестужев-Лада²².

В указанных работах затрагиваются базовые вопросы социального и юридического прогнозирования. Вместе с тем происходящие изменения в социально-правовой сфере постиндустриального общества настоятельно диктуют необходимость прогностических разработок, цельного системного рассмотрения юридического прогнозирования в его основных аспектах.

Юридическое прогнозирование — это систематическое исследование перспектив развития правовых явлений и процессов на определен-

18 Андриук В.В. Теоретико-методологические основы юридического прогнозирования. Дисс.... канд. юрид. наук. Иванов-Франковск, 2006; Верещагин В.А. Прогнозирование и профилактика противоправного поведения осужденных в местах лишения свободы. Дисс.... канд. юрид. наук. М., 1997; Гатилова А.С. Некоторые вопросы прогнозирования развития законодательства и их значение для адвокатской практики // Адвокат. 2014. № 4; Она же. Качество законов как объект прогнозирования // Юридическая наука. 2012. № 4; Закоморный И.В. Отдельные теоретические и практические аспекты юридического прогнозирования // Представительская власть. 2004. № 4 и № 5; Клейменов М.П. Уголовно-правовое прогнозирование и его роль в борьбе с преступностью. Омск, 1989; Он же. Уголовно-правовое прогнозирование. Томск. 1991; Он же. Уголовно-правовое прогнозирование. Дисс. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург. 1992; Ломтева В.С. Прогнозирование в правотворчестве и правоприменении. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006; Минин А.Я., Белоглазов В.Н. Криминологическое прогнозирование. Свердловск, 1991; Овчинский С.С. Оперативно-тактическое прогнозирование. М., 1992; Радченко В.И., Иванюк О.А., Плюгина И.В., Цирин А.М., Чернобель Г.Т. Практические аспекты прогнозирования законодательства и эффективности применения прогнозируемых норм // Журнал российского права. 2008. № 8; Токарев А.Ф. Криминологическое прогнозирование и планирование предупреждения преступлений. М., 1990; Тютиков С.Р. Криминологическое прогнозирование преступности среди осужденных к лишению свободы. Дисс. ... канд. юрид. наук. Рязань. 1998; Чернобель Г.Т., Иванюк О.А. Технология и техника правового прогнозирования // Юридическая техника / Под ред. Т.Я. Хабриевой, Н.А. Власенко. М., 2009.

19 Оксамытный В.В. Правомерное поведение личности. Киев, 2000.

20 Галко И.К., Сокол С.Ф. Социология. Социология права: Лекционные материалы. Барановичи. 1999; Гревцов Ю.И. Социология права: Курс лекций. СПб. 2001; Жоль К.К. Философия и социология права. М., 2005; Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986; Касьянов В.В. Социология права: Учебное пособие для студентов вузов. Ростов н/Д., 2002; Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П. Современная социология права: Учебник для вузов. М., 1995; Ксенофонтов В.Н. Социология права: Учебник. М., 1998; Лапаева В.В. Конкретно-социологические исследования в праве. М., 1987; Она же. Социология права: Краткий учебный курс. М., 2000; Лапина С.В., Лапина И.А. Социология права: история формирования и современное состояние. Минск, 2006; Лапина С.В., Лапина И.А. Социология права: Ответы на экзаменационные вопросы. Минск, 2008; Перевалов В.Д. Юридическая социология. М., 2000; Социология права: Учебное пособие / Под ред. В.М. Сырых. М., 2002.

21 Сафронова В.М. Прогнозирование, проектирование и моделирование в социальной работе: Учебное пособие. М., 2007.

22 Бестужев-Лада И.В. Поисковое социальное прогнозирование: Перспективные проблемы общества. Опыт систематизации. М., 1984; Он же. Нормативное социальное прогнозирование: Возможные пути реализации целей общества. Опыт систематизации. М., 1987; Бестужев-Лада И.В., Наместникова Г.А. Технология прогнозных разработок социальных процессов. М., 1992; Бестужев-Лада И.В. Прогнозное обоснование социальных нововведений. М., 1993; Он же. Социальное прогнозирование: Курс лекций. М., 2001.

ных уровнях: стратегии развития законодательства и правовой системы в целом (первый уровень), конкретных отраслей и институтов (второй уровень), правового поведения (третий уровень), то есть оно относится не только к нормативной системе, законодательному регулированию в чистом виде, но и правовому поведению как действию по реализации закона, претворению его в жизнь. Такой подход выражает переход при анализе правовых явлений (и юридического прогнозирования,

в частности) от теории права к теории правовой системы. Именно последняя нацеливает нас на рассмотрение проблемы юридического прогнозирования в комплексном виде — во взаимосвязи нормативного регулирования и правового поведения. Данной проблемой активно и плодотворно занимается профессор Р.В. Шагиева²³. Это соответствует процессу значительного возрастания на современном этапе роли и значения человеческого фактора во всех областях социальной действительности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аванесов Г.А. Теория и методология криминологического прогнозирования. М., 1972.
2. Андриук В.В. Теоретико-методологические основы юридического прогнозирования. Дисс.... кандидата юридических наук. Ивано-Франковск, 2006.
3. Бестужев-Лада И.В. Окно в будущее. М., 1970; Он же. Прогнозирование в социологических исследованиях. М., 1978; Он же. Нормативное социальное прогнозирование: Возможные пути реализации целей общества. Опыт систематизации. М., 1987; Он же. Социальное прогнозирование: Курс лекций. М., 2001.
4. Закоморный И.В. Отдельные теоретические и практические аспекты юридического прогнозирования // Представительская власть. 2004. № 4 и № 5.
6. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М., 1968.
8. Лапаева В.В. Конкретно-социологические исследования в праве. М., 1987; Она же. Социология права: Краткий учебный курс. М., 2000.
9. Ломтева В.С. Прогнозирование в правотворчестве и правоприменении. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
11. Право и социология / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров, В.П. Казимирчук. М., 1973. Гл. II.
14. Шагиева Р.В. Правовая деятельность: эволюция теоретических представлений и ее современное осмысление // Государство и право. 2014. № 6.

BIBLIOGRAPHY

1. Avanesov G.A. Theory and methodology of criminological forecasting. M.: 1972.
2. Andriyuk V.V. Teoretiko-metodologichesky bases of legal forecasting. Diss.... candidate of jurisprudence. Ivano-Frankovsk, 2006.
3. Bestuzhev-Lada of I.V. Okno in the future. M, 1970; It. Forecasting in sociological researches. M, 1978; It. Standard social forecasting: Possible ways of realization are more whole than society. Experience of systematization. M. 1987; It. Social forecasting: Course of lectures. M.: 2001.
4. Zakomorny I.V. Separate theoretical and practical aspects of legal forecasting//Representative power. 2004. N 4 and N 5.
6. Kudryavtsev V.N. Prichinnost in criminology. M.: 1968.
8. Lapayeva V.V. Concrete and sociological researches in the right. M, 1987; It. The sociology is right: Short training course. M.: 2000.
9. Lomteva V.S. Forecasting in law-making and right application. Diss. ... candidate of jurisprudence. M.: 2006.
11. Right and sociology / Отв. edition Yu.A. Tikhomirov, V.P. Kazimirchuk. M.: 1973. Hl. II.
14. Shagiyeva R.V. Legal activities: the evolution of the theoretical concepts and moden intelligent understanding // Gosudarstvo i pravo. 2014. N 6.

23 Шагиева Р.В. Правовая деятельность: эволюция теоретических представлений и ее современное осмысление // Государство и право. 2014. № 6. С. 63–70.

А.В. АХМАТОВ

Учение о государстве и праве евразийцев

АННОТАЦИЯ: В статье раскрываются основы государственно-правового учения евразийства – уникального интеллектуального течения русской эмиграции 1920-30-х годов. Государственно-правовая концепция евразийцев носит синкретический характер – с одной стороны, государственная компонента данного учения является продолжением естественно-правовой школы с чертами этатизма, но одновременно, с другой, в плане правовой составляющей, в концепции евразийцев присутствует феноменологическая философия Гуссерля.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право, государство, евразийство, Н.Н. Алексеев.

АХМАТОВ АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ – заместитель начальника отдела Юридического управления Государственного казенного учреждения города Москвы «Управление подготовки территорий» Департамента строительства города Москвы, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории права и государства РАН (Ahmatov@bk.ru).

A.V. AKHMATOV

Studies about the state and right of Eurasians

ANNOTATION: The article describes the basis of state – legal doctrine of Eurasianism – unique intellectual currents of Russian emigration 1920-30. State– legal concept of Eurasians is syncretic nature – on the one hand, the state component of the course is a continuation of the natural law school with the features of statism, but at the same time, on the other hand, in terms of the legal component in the concept of Eurasians present and phenomenological philosophy of Edmund Husserl.

KEYWORDS: law, state, Eurasianism, N.N. Alekseev.

АХМАТОВ А.В. – Deputy Head of Legal Department of State institution of Moscow "Management of training areas" of the Department of construction of Moscow, candidate of philosophical Sciences, docent of the Department of theory and history of law and state of the RAAN (ahmatov @bk.ru).

В современных условиях радикальных преобразований в России существенно возрастает роль философского осмысления проблем государства и права¹. Активизация исследований, связанных с философией и теорией государства и права последнего времени, выявило недостаточность и слабость современной юридической литературы, посвященной изучению прежде всего философско-правового наследия отечественных дореволюционных и постреволюционных философов и теоретиков права. Для осмысления особенностей отечественной школы философии и теории права особый интерес представляют работы представителей первой волны русской эмиграции, ярким и уникальным

явлением среди которых являются взгляды на государственно-правовую материю евразийцев.

Евразийство, как писали сами основатели этого течения, есть «русское пореволюционное политическое, идеологическое и духовное движение, утверждающее особенности культуры Российско-Евразийского мира»². Евразийство как интеллектуальное течение возникло в среде русской эмиграции 1920-30-х годов. Основной акцент оно делало на исследовании тесной исторической взаимосвязи русской культуры с рядом других, прежде всего восточных культур. В последнее время об идеях евразийства у нас в стране не утихают широкие общественные споры в связи с рядом уникальных составляющих

1 Альбов А.П. Морфологические уровни как инструмент изучения права в зарубежной юриспруденции // Ученые труды РАН. 2014. № 3(34). С. 123.

2 Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. Прага, 1932. С. 7.

данного течения (принципиально иная оценка роли татаро-монгольского ига в истории России и др.). Несмотря на очевидное значение проблематики евразийства и его государственно-правовой составляющей, ее постоянную и высокую актуальность, многие ее аспекты, однако, до сих пор не получили должной научной разработки и осмысления. Настоящая работа имеет своей целью попытаться восполнить этот пробел.

В евразийской литературе 1920-30-х годов отсутствует единое, целостное определение государства, которое бы разделялось всеми евразийцами. Однако, обобщая отдельные идеи евразийцев в области государственно-правовой материи, можно отметить, что в центре евразийских взглядов на государство лежат два основополагающих понятия — идеократия и демотия, на основании чего евразийцами конструировалось их «гарантийное государство», или «государство правды».

Развивая свои взгляды на государство и на отдельные составляющие государственного механизма⁴, евразийцы активно разрабатывали проблематику т.н. государственно-частной системы хозяйства в надклассовом обществе (что составляет экономическую базу евразийской концепции государства). Евразийцы выделяли три основных типа социальной организации с точки зрения взаимоотношения в них государственного и частного начал:

1. Государство всецело берет на себя задачу социального обеспечения, совершенно устраняя из него всякую частную деятельность;
2. Государство устраняется от социального обеспечения, предоставляя его частной инициативе;
3. Государственная и частная деятельность сосуществуют рядом как две отдельные сферы³.

Евразийцы утверждали, в свою очередь, четвертый тип, а именно: государственно-частную

систему социального обеспечения и экономики, организация и руководство социальным обеспечением в котором лежит на государстве и целиком входит в общий Госплан. «Плановое хозяйство и предоставляемая личности свобода выбора хозяйственных форм — вот два, по внешности противоречивых, а по существу вполне согласуемых принципа, на которых евразийство строит свою социальную систему»⁵. Однако государство не только не упреждает частных обществ и учреждений, но наоборот, поощряет их существование и поощряет их развитие. Оно предоставляет свободу деятельности частным учреждениям. Там, где они уже ведут работу, государство не устанавливает своих учреждений. Одновременно с этим государство руководит всей социальной работой, включая и сферу частной инициативы⁶.

Государство для евразийцев есть прежде всего организованная форма культурной жизни⁷. На этом фоне евразийцы выделяли условия существования надклассового государственного порядка. Главным условием существования такого порядка является образование социальной группы, на которую он мог бы опереться и силами которой он мог бы действовать. Так, группа должна быть прежде всего внеклассовой. Главным признаком принадлежности к такой группе должно стать исповедание евразийской идеи, подчинением ей «подданством». Таков т.н. ведущий отбор (своеобразная «евразийская избирательная система») в евразийском государстве, являющийся основой государственной власти, образуемый не по принадлежности к классу, но отбор чисто идеократический. Оттого евразийское государство носит имя идеократии. Евразийцы считали, что все исторические государства (за исключением тираний) были идеократиями, поскольку в основе их властных отношений лежал некоторый ведущий принцип, идея. Но евразийское государство определяет

3 См., например: Алексеев Н.Н. Записка о суде // Евразийская хроника. Вып. IX. Париж, 1927. С. 16-21 и др.

4 Клепинин Н.А. Материалы к социальной программе евразийства // Евразийский сборник. Кн. VI. Прага, 1929. С. 53.

5 Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. Прага, 1932. С. 22.

6 Клепинин Н.А. Материалы к социальной программе евразийства // Евразийский сборник. Кн. VI. Прага, 1929. С. 54, 55-57.

7 Евразийство и коммунизм. С. 27-28.

себя как сознательную идеократию, в которой ведущий принцип является реально руководящей целью, осознанным и проводимым в жизнь планом. Именно на основе такого принципа образуется ведущий отбор, чего нет в других формах государственного устройства⁸.

В евразийском государстве органы управления не совпадают по личному составу с ведущим отбором. Эти органы комплектуются как из членов ведущего отбора, так и из свободно избранных населением представителей всех интересов страны, к ведущему отбору не обязательно принадлежащих. С этой стороны евразийское государство является государством демотическим⁹. Демотия, с позиции евразийцев, это принцип «соучастия народа в своей собственной судьбе», причем соучастия «не только ныне живущих совершеннолетних граждан, принадлежащих к конкретной территории и социальной системе, но и некоего особого существа, народного духа, который складывается из мертвых, живых и еще не рожденных, из общего естественного пути народа как общины сквозь историю». В то же время демотия для евразийцев — это политическая форма деятельности, которая «дает возможность наибольшего проявления индивидуальных и коллективных воли, также культурного и государственного творчества»¹¹.

Характерной особенностью евразийских первоисточников по изучению именно государства является акцентирование в них внимания на тематике идеократии, которая, с позиции евразийцев, является важнейшей составляющей любого государства. Ярким примером особен-

ного внимания евразийцев к идеократии может служить публикация и коллективное обсуждение на страницах «Евразийской хроники» (периодического издания евразийцев) анкет под названием «Идет ли мир к идеократии?» авторами которых были Я. Бромберг, А. Пликевич и др. Много для изучения идеократии сделали также Л. Карсавин, П. Савицкий, Н. Трубецкой и К. Чхеидзе.

Евразийцы считали, что идеократическое государство, в отличие от демократического, имеет свою систему убеждений, свою идеуправительницу, носителем которой является т.н. правящий слой, под которым Н.С. Трубецкой понимал совокупность людей, фактически определяющих и направляющих политическую, экономическую, социальную и культурную жизнь общественного и государственного целого¹³ («ведущий слой», «ведущий отбор», у разных евразийцев эти понятия употребляются в качестве синонимов). Идеократическое государство «должно непременно само активно организовывать все стороны жизни и руководить ими»¹⁴. «Власть права» нуждается в реальных исполнителях, без которых она остается мертвой. Чтобы властвовало «право», нужно наличие людей, диктующих правовые веления другим людям¹⁵. У евразийцев это представители правящего слоя (отбора). Истоки концепции правящего отбора Алексеев усматривал у Платона, «для которого вопрос сознательной организации правящего отбора в государстве был самым основным и важным политическим вопросом»¹⁶. Правящий отбор формируется по

8 Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. Прага, 1932. С. 15.

9 Там же.

10 Дугин А. Теория евразийского государства // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 14.

11 К вопросу о преобразовании советского государственного строя // Евразийский сборник. Книга VI. Прага, 1929. С. 78.

12 Евразийская хроника. Вып. XI. Берлин, 1935.

13 Трубецкой Н.С. О государственном строе и форме правления // Евразийская хроника. Вып. VIII. Париж, 1927. С. 4. См. также: Карсавин Л.П. Евразийская идея в материалистической оболочке // Евразийская хроника. Вып. VIII. Париж, 1927. С. 74 и др.

14 Карсавин Л.П. Основы политики // Мысли о России. Тверь, 1992. С.38.

15 Алексеев Н.Н. Современное положение науки о государстве и ее задачи // Русский народ и государство. М., 1998. С. 477.

16 Алексеев Н.Н. Современное положение науки о государстве и ее задачи // Русский народ и государство. М., 1998. С. 588.

признаку мировоззрения, личной годности и заслуг, пополняясь таким образом все новыми и новыми силами. Он не может быть замкнутой кастой, он должен пополняться элементами из всех слоев народа, с тем чтобы всегда его высшей целью были общие интересы, а не интересы отдельных социальных групп. В то же время социальные функции правящего отбора не совпадают с функциями управления. Он является носителем идеалов данного общества, идейным представителем той культуры, к которой относится это общество. Правящий отбор должен организовать общество на основе внутреннего убеждения в истине, а не путем принудительной нивелировки его идейного богатства. Для выполнения этой задачи правящий отбор сам должен представлять собой нечто вроде духовного ордена, который призван водить морально, а не насильственно¹⁷. В случае же слияния его с аппаратом государственного принуждения ведущий отбор с неизбежностью превратится в род бюрократии, лишенной творческих идеалов¹⁸.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что с позиции евразийцев «государство правды» рассматривается как надклассовое демократическое идеократическое федеративное государство, основанное на государственно-частной системе хозяйства и идее евразийской культуры. Такое государство евразийцы и называли «государством правды», или «гарантийным государством», которому с точки зрения евразийцев принадлежит будущее¹⁹. В то же время сами евразийцы писали, что «наилучшая из государственных форм та, которая сумеет гармонически развить в себе три основных элемента государственной жизни — технико-экономический элемент, элемент духовно-нравственный и элемент правовой. Евразийское государство должно быть

истинной гармонией сфер, духовно-органическим целым своих органических стихий, — стихий коллективной нравственности, права и хозяйства. Евразийцы не обещают в таком государстве рай, но они видят в нем союз наиболее достойный человеческой жизни»²⁰.

Оценивая евразийскую концепцию государства в целостном виде, необходимо учитывать, что она является синтетическим и комплексным явлением. Как известно, это огромное количество точек зрения на государство, представленных в мировой философско-правовой мысли, можно с большой долей условности свести к двум основным базисным подходам: органическому (этатистскому) и атомистическому (индивидуалистическому).

Представляется возможным отметить, что в евразийском учении именно о государстве, несомненно, присутствуют характерные черты этатизма. Как известно, сторонники этатизма обосновывают необходимость активного вмешательства государства в экономическую и политическую жизнь общества, рассматривают это вмешательство как высший результат и цель общественного развития, а государство при этом возводится в ранг главного образующего основания человеческого сообщества. Кроме того, этатисты пропагандируют максимальное подчинение интересов личностей и их групп интересам государства, которое предполагается стоящим над обществом. В связи с этим нельзя не отметить статью Н.А. Бердяева «Утопический этатизм евразийцев» в журнале «Путь». С его точки зрения евразийское миросозерцание (которое он называл «натуралистическим монизмом») и мышление более базируется на категории необходимости, чем на категории свободы. Евразийцы не вводят момент нравственной оценки в политику, а

17 Здесь уместно отметить, что сами евразийцы отмечали, что их движение «по духу есть первый тип русского ордена» // Алексеев Н.Н. Евразийцы и государство // Евразийская хроника. Вып. IX. Париж, 1927. С. 93.

18 Алексеев Н.Н. Современное положение науки о государстве и ее задачи // Русский народ и государство. М., 1998. С. 589.

19 Алексеев Н.Н. О гарантийном государстве // Русский народ и государство. М., 1998. С. 385. См. также: Шахматов М.В. Государство правды: Опыт по истории государственных идеалов в России // Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. 4. С. 268-304.

20 Евразийство и коммунизм. С. 31.

«нравственный пафос в отношении к жизни всегда предполагает известного рода дуализм, не онтологический, но религиозно-нравственный дуализм»²¹. У евразийства, согласно Бердяеву, этого дуалистического момента, присущего христианству, нет. Под утопическим этатизмом евразийцев он понимал их отношение к личности и к свободе. Бердяев категорически отвергал тезис евразийцев о том, что государство есть становящаяся, не усовершенствованная Церковь, т.к. государство тогда приобретает всеобъемлющее значение. Таким образом, Бердяев не признавал у евразийцев этатическую тенденцию стирания граней между дуализмом Церкви и государства, что, по его мнению, не оставляет места для свободы личности в жизни общества²².

Однако отнести государственное учение евразийцев к этатизму в «чистом виде» нам не представляется возможным. И дело не только в уникальном понятийно-категориальном аппарате государственного учения евразийцев (эйдократия, демотия и др.), а в том, что в отличие от классического этатизма евразийцы не абсолютизировали роль государства и государственного механизма в жизни общества. Они акцентировали внимание на культурно-идеологической составляющей общественной жизни, т.е. на духовной сфере общества.

Таким образом, во многом основополагающим концептуальным теоретическим платформам государственное учение евразийцев можно

охарактеризовать как естественно-правовое идеалистическое с чертами этатизма (идеалистически-этатическое). Отдельные идеи евразийской государственной концепции можно найти уже у одного из основоположников идеализма Платона²³.

Если говорить о взглядах на право евразийцев, то особенностью правовой концепции евразийцев является то, что если проблемы государства обсуждались многими евразийцами, то вопросами именно философии и теории права среди евразийцев занимались преимущественно Н.Н. Алексеев. Именно на основании исследования его философско-правовых взглядов можно получить целостное представление о правовом наследии евразийцев.

Алексеев не видел возможности примкнуть или реализовать идеи базовых и ведущих направлений в философии права в его время (концепциям естественного права, юридического и социологического позитивизма). В связи с этим он использовал феноменологический метод Э. Гуссерля²⁴ при исследовании правовых феноменов и отмечал в связи с этим: «Я не думаю, чтобы какое-либо серьезное, настоящее или будущее философское направление могло бы рассчитывать на сколько-нибудь удовлетворительное разрешение своих познавательных задач, не приняв во внимание опыта, приемов и результатов новейших феноменологических изысканий. Не может обойти их молчанием и философия права»²⁵. По Алексееву, философия права в своем целом есть один из моментов

21 Бердяев Н. Утопический этатизм евразийцев // Путь. 1927. № 8. С. 141.

22 Бердяев Н. Утопический этатизм евразийцев // Путь. 1927. № 8. С. 142. Н.А. Бердяев писал: «Я откровенно должен сознаться, что мечтаю о несовершенном государстве и в нем вижу больше правды, чем в совершенном государстве» // Там же. В то же время Н.А. Бердяев разделял стремление евразийцев к преодолению индивидуализма, но считал неправильным полное отрицание его исторического значения для развития человеческой души. В отличие от большинства критиков евразийства Бердяев видел и положительную заслугу евразийцев в том, что они своими исследованиями поддерживают достоинство России и русского народа в эпоху, когда «русские, почитающие себя патриотами, его уничтожают» (Бердяев Н. Утопический этатизм евразийцев // Путь. 1927. № 8. С. 144), а также постоянно следят за происходящими событиями в России, и в этом была их сильная сторона по сравнению с другими эмигрантскими течениями.

23 Платон. Государство. Санкт-Петербург, 2005. С. 207 и др.

24 См. более подробно о феноменологии: Гуссерль Э. Философия как строгая наука (сб.). Новочеркасск, 1994; Он же. Собр. Соч. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени. М., 1994; Он же. Феноменология // Логос, 1991. № 1; Он же. Идея феноменологии. Пять лекций // Ступени, 1991, № 3; 1992, № 2(5); Он же. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Том I. Общее введение в чистую феноменологию. М., 1999. Он же. Картезианские размышления. СПб., 1998 и др.

25 Алексеев Н.Н. Основы философии права. М., 1999. С. 40.

миросозерцания, как целого философии²⁶. В то же время автор настоящей работы не может четко и однозначно объяснить, почему Алексеев выбрал именно феноменологию для базы своего учения. Возможно, это связано с тем огромным влиянием, которое на него оказала стажировка в 1908-1910 гг. в Берлине, Марбурге и Париже, где он посещал лекции и семинары известнейших тогда профессоров Г. Зиммеля, Г. Еллинека, Г. Когена, А. Бергсона и др.

В соответствии с феноменологическим методом Алексеев понимал под правом некую идеально существующую структуру, непосредственно данную познающему сознанию и состоящую из трех элементов: 1) субъект — носитель обнаруживающихся в праве ценностей: 2) ценности и 3) определения (основных два — «правомочие» и «правообязанность»), с помощью которых выявляется правовая связь между ценностями²⁷. Исследователь творчества Алексеева И. Дефорж справедливо отмечает, что совершенно очевидно, что такая трактовка права носит ярко выраженный субъективистский характер. С одной стороны, Алексеев пытается представить право как некое идеальное целое, существующее помимо индивидуального человеческого сознания и именно поэтому отчуждающееся ему

как «непосредственная объективная данность», но с другой — носителем правовых ценностей всегда является личность, первичный уровень обнаружения права — личностное сознание. При такой постановке вопроса право есть скорее нечто субъективное, а не объективное, право выступает здесь скорее проекцией субъективного сознания, а не объективно существующим реальным феноменом²⁸.

Таким образом, возможно говорить о том, что государственно-правовая концепция евразийцев носит синкретический характер — с одной стороны, государственно-правовой компонента данного течения является продолжением естественно-правовой школы с чертами этатизма, но одновременно, с другой, в плане правовой составляющей, в концепции евразийцев присутствует и феноменологическая философия Э. Гуссерля.

Изучение вышеуказанных и других составляющих философии и теории государства и права евразийцев — перспективная задача теории и истории государства и права. Кроме того, фрагментарность и спорность ряда положений государственно-правового учения евразийства отчасти могут быть объяснены неоднозначностью их решения в философии и теории государства и права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев Н.Н. Современное положение науки о государстве и ее задачи. Русский народ и государство. М., 1998.
2. Альбов А.П. Морфологические уровни как инструмент изучения права // зарубежной юриспруденции // Ученые труды РААН. 2014. № 3(34).
3. Гуссерль Э. Философия как строгая наука (сб.). Новочеркасск, 1994.
4. Дефорж И. Философия права Н.Н. Алексеева. Калуга, 2006.
5. Трубецкой Н.С. О государственном строе и форме правления // Евразийская хроника. Вып. VIII. Париж, 1927.

BIBLIOGRAPHY

1. Alekseev N.N. Modern position of science dealing with the state and her task. Moscow, 1998.
2. Al'bov A.P. Morphological levels as the instrument of studying of the right in foreign law // Uchyonye trudy RAAN. 2014. N 3(34).
3. Husserl E. Philosophy as strict science. Novocherkassk, 1994.
4. Desforjes I. Philosophy of right for N.N.Alekseev. Kaluga, 2006.
5. Troubetzkoy N.S. About the political system and form of government // Eurasian Chronicle. Vol. VIII. Paris 1927.

26 Алексеев Н.Н. Основы философии права. М., 1999. С. 44.

27 Алексеев Н.Н. Основы философии права. М., 1999. С. 74-75.

28 Дефорж И. Философия права Н.Н. Алексеева. Калуга, 2006. С. 45.

В.И. АФАНАСЬЕВА

Патентование советских изобретений за рубежом: историко-правовой аспект*

АННОТАЦИЯ. В статье автором рассматриваются вопросы, связанные с попыткой СССР после ВОВ восстановить взаимоотношения в области торговли, изобретательства и научно-технической помощи с иностранными государствами для восстановления и модернизации промышленного производства, технологического отставания от развитых европейских стран. Поначалу торговля лицензиями для Союза Советских Социалистических Республик носила лишь эпизодический характер, но после присоединения Союза Советских Социалистических Республик к ряду конвенций по охране промышленной собственности значительно были облегчены условия защиты отечественных изобретений, промышленных образцов и товарных знаков за рубежом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: научно-техническое сотрудничество, международный лицензионный рынок, патентование советских изобретений, Лицензинторг, ВОИС, международные конференции.

АФАНАСЬЕВА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории права и государства РААН (763.10.64. @rambler.ru).

V. I. AFANASYEVA

Patenting Soviet inventions abroad: historical and legal aspects

ANNOTATION. In the article the author discusses the issues associated with the attempt of the USSR after WWII to rebuild relationships in trade, innovation, and scientific and technical assistance with foreign governments for the rehabilitation and modernization of industrial production, the technological gap between developed European countries. Initially trading licenses for the USSR were only sporadic. But then the USSR joins a number of conventions for the protection of industrial property, which greatly facilitated the conditions for the protection of domestic inventions, industrial designs and trademarks abroad.

KEYWORDS: scientific and technical cooperation, international licensing market, patenting Soviet inventions, everybody, WIPO international conference.

AFANASYEVA V. I. – doctor of jurisprudence, Professor in the Department of theory and stories of the right and state of the RAAN (763.10.64. @rambler.ru).

С момента образования Союза Советских Социалистических Республик (далее СССР) патентование советских изобретений и других объектов промышленной собственности за рубежом являлось монополией государства¹. Отсюда ни сам изобретатель, ни его правопреемник не имели возможности самостоятельно и за свой счет получить иностранный патент, тем более предоставить зарубежной фирме лицен-

зию на использование своего изобретения. На международный рынок лицензий СССР вышел в начале 60-х годов. Сотрудничество заключалось в зарубежном патентовании советских изобретений, предоставлении охраны прав иностранным заявителям, заключении патентов лицензионных соглашений, обмене патентно-технической документацией с зарубежными государствами. Лицензия – это разрешение

* Статья завершает цикл научных статей автора.

1 РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 7. Д.1. Л.5; Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1919. № 34. Ст. 341.

продавца (лицензиара) на использование другим лицом — покупателем лицензии (лицензиатом) — и обретеня, технологии, технологических знаний, производственного опыта, секретов производства, торговой марки, которые необходимы для производства коммерческой и иной информации в течение определенного срока за обусловленное вознаграждение. Лицензии могут быть патентными и беспатентными. Патентная лицензия — это передача права использования патента без соответствующего ноу-хау («чистый патент»). Но подавляющая часть лицензионной торговли приходится на беспатентные лицензии, поскольку приобретение «чистого патента, как правило, требует дополнительных НИОКР, расходов на внедрение в производство»².

Сначала торговля лицензиями для СССР носила лишь эпизодический характер. Но в эпоху т. н. «хрущевской оттепели» значительно расширились экономические и научно-технические связи СССР со многими странами мира. Увеличился экспорт машин и оборудования, расширился объем технической помощи, обмен научно-технической информацией. Большое значение приобрели вопросы обеспечения патентной чистоты и патентоспособности советской продукции и связанного с этим обязательного использования патентных материалов при разработке новой техники. Для осуществления операций по продаже патентов на советские изобретения и лицензии и на их использование за рубежом, а также покупке патентов и лицензий на использование иностранных изобретений Приказом Министерства внешней торговли СССР № 208 от 04.07.62 г. было учреждено специализированное внешнеторговое экспер-

тно-импортное объединение «Лицензинторг». В работе по экспорту и импорту лицензий кроме «Лицензинторга» принимали участие всесоюзные внешнеторговые объединения МВЭС СССР, а также внешнеторговые фирмы министерств и ведомств, производственные объединения и предприятия, получившие право самостоятельного выхода на внешний рынок. Впоследствии приказом Министерства внешней торговли № 64 от 01.02.79 г. Лицензинторг преобразован во Всесоюзное хозрасчетное внешнеторговое объединение Лицензинторг. Но так как процесс выработки решений о зарубежном патентовании и продаже лицензий носил весьма сложный характер, он был детально регламентирован нормативными актами³. Все это обосновывалось принципом государственной монополии на внешнюю торговлю⁴. Затем Государственным комитетом по делам изобретений и открытий СССР были подготовлены Указания «О мерах по обеспечению патентоспособности и патентной чистоты объектов советских поставок за границу (ЗП-1-63)» от 7 мая 1963 г., введенные в действие с 15 августа 1963 г.

Желая укрепить и развить международное научно-техническое сотрудничество с зарубежными странами 20 апреля 1965 г. Государственным комитетом по изобретениям и открытиям принимается Указание «О порядке патентования советских изобретений за границей»⁵, а 1 июля 1965 г. Советское правительство приняло решение о присоединении СССР к Парижской конвенции по охране промышленной собственности, причем во всех ее редакциях. 19 сентября 1968 г. Указом Президиума Верховного совета СССР № 3104-VII был ратифицирован (вступил в

2 Торговое дело: экономика и организация. // Учебник подготовлен авторским коллективом кафедры торгового дела и логистики Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова. М., 1997.

3 Раздел VII. Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях 1973г., Указания о порядке патентования советских изобретений за границей, утв. Госкомизобретений СССР 12 ноября 1981 г. // Сборник нормативных актов по изобретательству и рационализации. М., 1983. С. 250–281; Инструкция о порядке работы по продаже лицензий и оказанию услуг типа инжиниринг, утв. Госкомизобретений 26 января 1979 г. и др.

4 Свядосц Ю.И. Правовая охрана научно-технических достижений и советский экспорт М., 1986. С. 22–24.

5 Сборник законодательных актов и постановлений по изобретательству и рационализации. М., 1961. С. 191–207.

силу 26 апреля 1970 г.) стокгольмский текст, что значительно облегчило условия защиты отечественных изобретений, промышленных образцов и товарных знаков за рубежом⁶.

Более 60% экспорта советских лицензий приходилось на страны СЭВ. Это являлось следствием работы, которую проводили по координации планов научно-технического развития в рамках СЭВ и хорошо налаженной системы взаимной информации о научно-технических достижениях. Но были операции по продаже лицензий с промышленно развитыми странами Запада, такими как ФРГ, Япония, Италия. Несколько меньше с Францией и очень незначительно с США, так как 18 марта 1980 г. США был введен запрет на продажу в СССР ноу-хау, техники и устройств, основанных на передовых технологиях. В Великобританию продажа лицензий носила эпизодический характер. Основную долю продаваемых за рубеж советских лицензий составляли лицензии в области машиностроения, энергетики и электроники. В 80-е годы на первое место (а это более 20%) вышли лицензии в области приборостроения, радиоэлектроники, связи и многие другие. Увеличена, и весьма существенно, была доля таких направлений, как строительство, производство строительных материалов, медицина, а также различные разработки институтов АН СССР, союзных республик и министерств, доля которых составляла 33%.

В международном частном праве объекты авторского и патентного права объединились в одну общую группу, получившую наименование «интеллектуальная собственность». Связано это с заключением Стокгольмской конвенции от 14 июля 1967 г., учредившей Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС). Согласно ст. 2 Конвенции, интеллектуальная собственность включает права, относящиеся: к литературным,

художественным и научным произведениям; исполнительской деятельности артистов, звукозаписи, радио- и телевизионным передачам; изобретениям во всех областях человеческой деятельности, научным открытиям; промышленным образцам; товарным знакам, знакам обслуживания, фирменным наименованиям, коммерческим обозначениям; защите против недобросовестной конкуренции, а также все другие права, относящиеся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях. Основные задачи этой организации – содействие охране интеллектуальной собственности во всем мире и обеспечении эффективного административного сотрудничества различных союзов. СССР принял участие в этой конференции, где участники поддержали предложение представителей социалистических стран о приравнивании заявки на авторское свидетельство к заявке на патент в части приоритета.

Авторское свидетельство – характерная для ряда социалистических стран правовая форма охраны изобретений. Оно предоставляет государству право использования изобретения, а автору – личные и имущественные права, в том числе и право на вознаграждение, исчисляемое на основе экономии, полученной от внедрения изобретения⁷. В результате всестороннего обсуждения этого вопроса было принято дополнение к ст. 4 конвенции о том, что заявка на авторское свидетельство рассматривается в странах – участницах Парижской конвенции как основание для предоставления конвенционного приоритета наравне с заявкой на патент. А это означает, что «правовое закрепление в Парижской конвенции по охране промышленной собственности института авторского свидетельства, что: институт правовой охраны изобретений, впервые сформулированный в Ленинском декрете об изобретениях

6 Международные договоры и соглашения в области охраны промышленной собственности. Нормативные акты и документы патентного поверенного. Т. 1. М., 1995.

7 Шатров В. Участие СССР в международном патентном сотрудничестве. Доклад на заседании секции // Научный симпозиум «Изобретательство и НТП, проблемы патентно-информационного поиска». М., 1969 г. С. 6.

1919 г. получил свое дальнейшее международное правовое признание»⁸.

Патентование советских изобретений за границей производилось государством с целью защиты экономических интересов СССР, как правило, при поставке экспортной продукции (машин, материалов, приборов, оборудования и т.д.), в том числе продаже лицензий иностранным фирмам. С этой целью СССР заключил ряд двухсторонних соглашений по патентным вопросам⁹. В октябре 1968 г. на дипломатической конференции в Локарно было подписано соглашение о международной классификации промышленных образцов. 19 мая 1970 г. в Москве было заключено межправительственное соглашение между СССР и Францией о взаимной охране и использовании прав промышленной собственности — Порядок решения вопросов охраны и использования прав промышленной собственности, связанных с осуществлением научно-технического и экономического сотрудничества между СССР и Францией. По советско-французскому Соглашению о взаимной охране и использовании прав промышленной собственности от 19 мая 1970 г. форму охраны права на изобретение в СССР (авторское свидетельство или патент), так же как и форму охраны во Франции в отношении совместных изобретений, созданных советскими и французскими гражданами в ходе научно-технического и экономического сотрудничества, советские и французские сотрудничающие организации выбирали по взаимной договоренности. Такой же подход наблюдался и в советско-австрийском Соглашении о правовой охране промышленной собственности 1981 года. 23 декабря этого же года СССР присоединился к Договору о патентной кооперации (РСТ).

В условиях развития патентования изобретений разработанные правила Парижской конвенции во многом становятся недостаточными, особенно для стран, которые производят зарубежное патентование в широких масштабах. Более половины общего количества заявок на изобретения, подаваемых во всех странах мира, дублируется, поскольку заявки подаются на одни и те же изобретения, но в разные страны. Возникла потребность в углублении международного сотрудничества в этой области. В результате большой подготовительной работы 19 июня 1970 г. в Вашингтоне было заключено другое многостороннее соглашение — Договор о патентной кооперации (РСТ). В 1973 году договор вступил в силу. В нем участвовало на тот период 50 государств. СССР ратифицировал договор в 1977 году¹⁰. Договор о патентной кооперации предусматривал возможность составления и подачу так называемой международной заявки. По этой заявке проводился поиск по выявлению предшествующего уровня техники, а это имело огромное значение для получения патента. Развитие научно-технического сотрудничества СССР с другими государствами привело к тому, что в ряде случаев создавались совместные изобретения. Под ними обычно понимаются изобретения, сделанные в соавторстве гражданами двух или более стран, или же изобретения, сделанные в международном институте либо иной международной организации. В случаях такого рода, если изобретение было сделано на территории СССР, обычно первая заявка на изобретение подавалась в Государственный комитет СССР по изобретениям и открытиям (Госкомизобретений СССР), а затем уже в патентное ведомство страны гражданства соавтора-иностранца. Такой порядок подачи первой заявки на совместное

8 Шатров В. Участие СССР в международном патентном сотрудничестве. Доклад на заседании секции // Научный симпозиум «Изобретательство и НТП, проблемы патентно-информационного поиска» М., 1969 г. С. 6.

9 Корчагин А.Д. Евразийское патентное ведомство и Роспатент. Состояние, проблемы и развитие сотрудничества. М., 2003. С. 3.

10 Богуславский М.М. Международное частное право. М., 1993; Он же. Патентные вопросы в международных отношениях. М., 1962; Воробьева О. В. Экономическое и научно-техническое сотрудничество СССР с зарубежными странами: Правовая охрана и использование изобретений. М., 1990.

изобретение в ведомство страны, где было сделано изобретение, предусмотрен, в частности, в заключенном странами – членами Совета экономической взаимопомощи (далее СЭВ) 12 апреля 1973 г. многостороннем Соглашении о правовой охране изобретений, промышленных, общепользных образцов и товарных знаков при осуществлении экономического и научно-технического сотрудничества¹¹. СССР к данной Женевской конвенции по охране авторских прав присоединился 27 мая 1973 г.

Положением «Об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях» от 21 августа 1973 г. № 584, введенного в действие с 1 января 1974 г., была установлена процедура выдачи охранных документов на изобретения и образцы, созданные самостоятельно и совместно. Порядок их использования при экспорте продукции в страны, которые не участвовали в их создании и не имели на них права. Инструкцией «О порядке выплаты вознаграждения за изобретения и рационализаторские предложения» была установлена система выплаты авторского вознаграждения при использовании изобретений и образцов за рубежом. Государственному комитету Совета Министров СССР по делам изобретений и открытий предоставлялось право издавать обязательные для министерств и ведомств указания и разъяснения по применению данного положения¹². Исполнительный комитет СЭВ в 1974 г. утвердил основные направления и задачи сотрудничества стран в области изобретательства и охраны промышленной собственности, в частности, совершенствование законодательства и экспертизы заявок на изобретения, улучшение планирования, расширение связей в области патентной информации и документации и т. д.

В 1975 г. состоялся советско-французский симпозиум «Организация патентно-лицен-

зионной работы на предприятиях и в научно-исследовательской организации». Где коснулись вопросов охраны совместных изобретений, возможности правовой охраны ЭВМ, условий обмена правами на изобретения и «ноу-хау». Принимая активное участие в международном сотрудничестве по охране промышленной собственности, СССР, таким образом, являлся членом восьми международных организаций и союзов, в том числе Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС); Парижской конвенции по охране промышленной собственности; Мадридского соглашения о международной регистрации товарных знаков; Ниццкого соглашения о международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков; Локарского соглашения о международной классификации промышленных образцов; Договора о патентной кооперации, Соглашения о международной патентной классификации.

В декабре 1976 г. в Гаване страны – члены СЭВ подписали Соглашение о взаимном признании авторских свидетельств и иных охранных документов на изобретения. Цель соглашения – обеспечить наиболее широкое и оперативное использование изобретений, созданных в одной из стран – участниц соглашения, в других странах и устранить дублирование и коллизии в экспертизе заявок на изобретения. В соответствии с постановлением Совета Министров от 28 декабря 1978 г. № 1078 (СПС 79-4) между ведомствами по изобретательству СССР, ЧССР и НРБ были подписаны соглашения о порядке и условиях проведения работ по патентному поиску и экспертизе заявок на изобретения. Соглашения содействовали созданию условий для проведения углубленного патентного поиска и экспертизы по заявкам на изобретения и получению

11 Богуславский М.М. Международное частное право. Гл. 2. М., 1995; Экономика внешних связей России. Учебник под ред. Богуславского А.С. М., 1995.

12 СП 1973. № 584 (с изм. и доп., внесенными Постановлениями Совмина СССР от 14.07.1976 № 562 – СП СССР, 1976, № 14, ст. 70; от 28.12.1978 № 1078 – СП СССР, 1979, № 4, ст. 17; от 09.01.1989 № 18 – СП СССР, 1989, № 11, ст. 31) (с изм. и доп., внесенными Постановлением Совмина СССР от 21.06.1988 № 773).

взаимных экономических выгод от исключения дублирования работ по экспертизе.

Для совершенствования законодательства стран – членов СЭВ в свое время были разработаны типовые положения об открытиях, изобретениях и товарных знаках, о правовой охране промышленных образцов и наименовании происхождения; методики экспертизы заявок на промышленные образцы, экспертизы товарных знаков.

В последней четверти XX века в СССР активно начали создаваться совместные предприятия, которые наделялись рядом льгот и преимуществ по сравнению с другими хозяйствующими субъектами, в том числе учредительными документами, позволяющими решать вопрос о передаче прав на промышленную собственность и ее защиту за рубежом¹³. 30 июля 1990 г. Госкомизобретений СССР был утвержден новый Временный порядок патентования изобретений за границей в соответствии, с которым право на получение зарубежных патентов предоставлялось всем гражданам и предприятиям¹⁴. Соответственно это право могло быть

передано другим заинтересованным советским и иностранным лицам, а также совместным предприятиям на договорной основе. Заявители о своем желании запатентовать разработку за границей должны были уведомить Патентное ведомство, которое могло и запретить патентование с указанием причин запрета. Несколько раньше аналогичный порядок был установлен в отношении заключения лицензионных соглашений с иностранными контрагентами¹⁵.

Принятые в 1991 г. Законы СССР «Об изобретениях в СССР» и «О промышленных образцах» подтвердили право граждан и юридических лиц на патентование разработок в зарубежных странах и свободное заключение ими лицензионных соглашений с зарубежными пользователями. С целью оказания заявителям методической помощи в этом непростом деле Патентным ведомством СССР были разработаны Методические рекомендации по патентованию изобретений в зарубежных странах¹⁶. Но СССР в 1991 г. как государство прекратил свое существование.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1919. № 34. Ст. 341.
2. Международные договоры и соглашения в области охраны промышленной собственности. Нормативные акты и документы патентного поверенного. Т. 1. – М., 1995.
3. Воробьева О. В. Экономическое и научно-техническое сотрудничество СССР с зарубежными странами: Правовая охрана и использование изобретений. М., 1990.

BIBLIOGRAPHY

1. The collection of statutes and orders of the workers and peasants government. 1919. No. 34. Article 341.
2. International treaties and agreements in the field of industrial property protection. Normative acts and documents of a patent attorney. So 1. – M.: 1995.
3. Vorobyov O. Century Economic and scientific-technical cooperation of the USSR with foreign countries: Legal protection and use of inventions. M.: 1990.

13 См., напр.: п. 17 Постановления Совета Министров СССР от 13 января 1987 г. № 49 «О порядке создания на территории СССР и деятельности совместных предприятий с участием советских организаций и фирм капиталистических и развивающихся стран» // СП СССР. 1987. № 9. Ст.40.

14 Вопросы изобретательства. 1990. № 11. С. 57-62. Применительно к промышленным образцам подобный акт был принят 20 сентября 1990 г. // Вопросы изобретательства. 1990. № 12. С. 45-47.

15 Порядок выдачи разрешений на экспорт в 1989–1990 годах советских изобретений и других результатов научно-технической деятельности, утв. Государственным комитетом СССР по науке и технике 21 июня 1989 г. // Вопросы изобретательства. 1990. № 5. С. 60-61.)

16 Вопросы изобретательства. 1991. № 9. С. 26-51; Патенты и лицензии. 1995. № 6. С. 5.

В.Н. КАЗАКОВ, С.В. ГОРЯЧЕВА

Законность – главный критерий правомерности в сфере реализации публично-правовых отношений

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется понятие законности через призму ее воздействия на субъектов публично-правовых отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. закон, законность, идея законности, субъекты законности.

КАЗАКОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории права и государства РААН, профессор Подольского института (филиала) МАМИ.

ГОРЯЧЕВА СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА – аспирант НИЕВ.

V.N. KAZAKOV, S.V. GORJACHEVA

Law – the main criterion of lawfulness in the implementation of public legal relations

ANNOTATION. The article analyzes the concept of legality in the light of its impact on the subjects of public law relations.

KEYWORDS: the law, the legality, the idea of law, subjects of law.

KAZAKOV V.N. – doctor of jurisprudence, Professor, Department of theory and stories of the right and state RAAN, Professor Podolsky Institute (branch) MAMI.

GORJACHEVA S.V. – graduate student NIEV.

Устанавливая те или иные нормы права, законодатель рассчитывает на определенный социальный результат. Достижение последнего возможно лишь посредством правомерного поведения, соответствующего требованиям законности.

В теории государства и права проблема законности занимает особое место. Актуальность ее всегда была и остается неизменной, а связь с практическими задачами общепризнанной. Законность, в конечном счете, означает отношение общества к праву в целом, характеризует состояние всей системы правовых отношений, а потому может рассматриваться как одна из центральных идей теории права. Идея законности, как справедливо заметил А.М. Васильев, одна из основных, центральных идей теории права, которая «служит как бы переходным звеном от правовых абстракций, определяющих право с его нормативной стороны, к категориям, выражающим правовые формы

практического воздействия государственной воли на общественные отношения». Иными словами, законность как особое правовое явление есть своего рода связующее и переходное звено от сущности, содержания (норм) и форм (источников) права к применению иным видам его реализации, правоотношениям, правопорядку.

В литературе законность рассматривается с различных сторон: как метод осуществления государственной власти, политико-правовой режим, элемент демократии, социальное состояние, категория долга, условия осуществления правопорядка, основной принцип деятельности государственных органов и должностных лиц и т.д. Все эти проявления законности характеризуют ее с разных сторон. Для нас же важно выработать четкое общее представление о ней как научной категории и реальном правовом явлении. Принципиальное значение имеет анализ юридического аспекта законности,

поскольку законность существует только потому, что есть право как конституциональное образование, что именно юридический аспект придает законности формально-обязательный характер, возводит ее в ранг правовой категории.

Становление идеи законности начинается с утверждения государственности и права, а представления о необходимости следования конкретным правилам существовали еще в религиозно-мифологических памятниках задолго до этого процесса. Еще Петр I выразил суть и значение законности в Российском государстве так: «Понеже ничто так ко управлению государства нужно есть, как крепкое хранение прав гражданских, понеже все законы писать, когда их не охранять, или ими играть, как в карты, прибирая масть к масти...». Окончательно формализация идеи законности происходит позже. Условно это можно выразить следующей схемой: по справедливости — по закону — законность. Сам же термин «законность» появляется на рубеже «Нового времени», когда для этого складываются соответствующие социально-экономические и мировоззренческие предпосылки.

В недавнем прошлом отечественная юридическая наука анализировала законность прежде всего с позиции требования всеобщего уважения к закону и обязательного его исполнения всеми субъектами права. Это было, по сути, правильное понимание, однако оно однобоко отражало содержание и сущность данного явления. В этом случае требование законности распространялось лишь на граждан и их организации, органы, непосредственно реализующие свои права и обязанности. Деятельность же органов, обеспечивающих правовое регулирование, находилось вне ее содержания. Указанное понимание однобоко ориентировало юридическую практику в сторону обвинительного уклона. И действительно, обеспечение законности сводилось главным образом к работе контрольно-надзорных и правоохранительных органов — выявлению нарушителей правовых предписаний и их последующему наказанию. В этой связи суд рассматривался как правоохранительный орган, а не орган правосудия, гарантирующий защиту прав и свобод граждан.

Традиционная трактовка законности предопределялась тем, что любой нормативный акт, исходящий от государства, в том числе и антигуманный, считался «правом» и соответственно требовал неукоснительной реализации, хотя такие акты ограничивали свободу граждан, допускали беззаконие в деятельности должностных лиц. Указанные обстоятельства, наряду с изменениями, происходящими в социальной структуре общества, настоятельно диктующими необходимость принципиального обновления российской правовой системы, требуют нового понимания законности.

Идея законности имеет много оттенков. Законность можно рассматривать как принцип государственно-правовой жизни. Принцип законности означает обеспечение точного, строгого и неуклонного исполнения всеми органами власти, должностными лицами и организациями действующих правовых актов.

Основу законности составляют конституция государства, а также законы, принятые в ее развитие. Наличие четкого, совершенного, отвечающего требованиям жизни законодательства — это принципиально важное и необходимое условие последовательного укрепления законности в деятельности всего государственного механизма.

Строгое и неуклонное соблюдение законности при издании на основе законов правовых актов — важнейший принцип деятельности не только государственных, но и негосударственных органов, учреждений и организаций, осуществляющих правоприменение. Конституция России (ч. 2 ст. 15) содержит предписание, согласно которому органы государственной власти и должностные лица, равно как и органы местного самоуправления, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы, что означает ее верховенство, незыблемость конституционных положений для всех субъектов права.

Однако в первую очередь это относится к аппарату государства, ибо нарушения Конституции органом власти, должностными лицами значительно опаснее, чем нарушение ее простым гражданином. Правонарушение органа государства будет нарушением государственным, т.к. орган,

олицетворяющий власть, призванный служить гражданину, защищать права его права и интересы, сам нарушает закон. Не случайно в юридической науке высказывалась мысль о том, что следует различать нарушение законности и нарушение закона. Закон нарушает гражданин, а органы государства и их должностные лица, нарушая закон, нарушают одновременно и законность как принцип деятельности государственной власти.

Об опасности нарушения закона органом власти весьма образно сказал Р. Йеринг: «Никакая несправедливость, выпадающая на долю человека, как бы она велика не была, далеко не может... сравниться с той, которую совершает установленная ... власть, когда она сама нарушает право, ибо в этом случае страж и блюститель закона превращается в его убийцу. Это — то же, что врач, отравляющий больного, опекун, придушающий опекаемого». Р. Йеринг называет нарушение закона властью юридическим убийством.

Законность можно рассматривать также в качестве метода поведения участников регулируемых отношений, в качестве метода государственного руководства обществом, состоящего в организации общественных отношений путем издания и обеспечения к исполнению юридических предписаний. И законность проявляется как особый режим общественной жизни. В указанном смысле законность призвана отразить реальное господство закона в общественной жизни, господство его в отношении между личностью и властью. Закон, и только он, устанавливает степень зависимости личности от власти и пределы притязаний власти по отношению к личности. Следовательно, законность есть режим обеспечения жизни, который характеризуется верховенством в ней закона и безусловным исполнением его требований гражданами и должностными лицами, наличием специальных механизмов, гарантирующих безопасность и защиту личности от произвола, беспрепятственное осуществление гражданских прав и свобод.

Предпосылкой законности являются правовые предписания, а первым условием законности является сам закон. Законность без законов невозможна. Но к этому постулату сегодня обозначился новый подход.

Конечно, без обязательного исполнения закона невозможно установление правопорядка, а понятие законности теряет всякий смысл, но названный признак (строгое и неуклонное исполнение законов) является хотя и обязательным, но недостаточным для определения законности. Он обращен только к сфере исполнения (реализации) закона, в то время как законность необходима и в сфере правотворчества. Ведь правовые предписания, образующие структуру материального и процессуального права, выступают в качестве стабильных моделей и критериев определения законного образа деятельности при применении права. Они задают рабочие параметры всему механизму внедрения режима законности в правоприменение.

Важным фактором понимания сущности законности является установление ее субъектов. Большинство ученых дает трактовку их состава, включая в него всех участников общественных отношений: государство, его органы, общественные организации, предприятия, учреждения, должностных лиц и граждан. Другие сужают состав субъектов соблюдения законности за счет исключения из него граждан. Законность в данном случае рассматривается как особый режим господства закона во взаимоотношениях граждан и государства. Граждане выступают в качестве пользователей благами законности через обеспеченность и защищенность государством своих прав и свобод. Указывалось и на то, что если связывать законность с деятельностью всех субъектов, то это приведет к смешению ее с правореализацией, в связи с чем понятие законности окажется излишним, а потому понятие законности должно связываться только с деятельностью субъектов, наделенных властными полномочиями. С данной точкой зрения вряд ли можно согласиться. Дело в том, что ч.2 ст.15 Конституции РФ закрепила, что органы государственной власти и органы местного самоуправления, должностные лица и граждане объявляются обязанными соблюдать Конституцию РФ и законы. Кроме того, исключение граждан из сферы воздействия законности может вызвать иллюзию необязательности для них соблюдения, исполнения правовых предпи-

саний. Происходит сужение сферы законности, и она из общесоциального, политико-правового феномена превращается в явление более узкое, связанное только с деятельностью ограниченного круга субъектов. Нарушается идея всеобщности законности, всеобщности правовых требований, равенства перед законом.

Таким образом, традиционный подход, заключающийся в том, что и граждане попадают в сферу деятельности законности, является более правильным, поскольку в условиях ориентации на гражданское общество все одинаково должны быть подчинены законам, что не позволяет исключить из понятия законности соблюдение и исполнение законов кем-то из субъектов правоотношений. Законность — это совокупность известных требований, предъявляемых ко всем субъектам в сфере правового регулирования.

Законность непосредственно примыкает к закону, выражается в требованиях его соблюдения, правопорядок — к осуществлению субъективных прав, исполнению юридических обязанностей. Такой ход рассуждений указывает на взаимообусловленность данных правовых явлений с другой категорией — правомерным поведением. В данном случае мы рассматриваем индивидуально-психологический подход к проблеме законности. Он основывается на том очевидном факте, что люди не рождаются законопослушными, а приобретают это качество в непрерывном процессе социализации путем накопления и усвоения опыта поведения в сфере правовой действительности, или же законность поведения выступает результатом сложной внутренней мотивации, протекающей в условиях выбора именно легальных способов удовлетворения возникающих потребностей и интересов.

Эти два направления правомерного поведения различаются между собой. Если в первом случае

имеется выработанная в процессах воспитания, образования ориентация на законность, программирующая деятельность индивида, то во втором случае устойчивая ориентация отсутствует. Она заменяется внутренней борьбой мотивов.

Акт внутреннего принятия требований законности означает превращение их в своеобразные ориентиры личного поведения, выделение их среди других жизненно важных целей деятельности. Он свидетельствует о том, что у личности сложился устойчивый тип мотивации в социально-правовой среде, который является следствием высокого уровня правовой культуры, сознательности и убежденности в социальной ценности законности.

Разумеется, ориентация на законность, основанная на приобретенной устойчивой установке правомерного поведения, не может во всех случаях приводить к законному результату деятельности индивида. Данный механизм может меняться, деформироваться или усложняться под воздействием различных факторов. Тем не менее, данную модель мотивации личности можно считать принципиальной в условиях правовой действительности. При всей своей единой сущности законность в различные периоды, в различных социальных условиях заметно отличается по своему объему характеру.

Значение законности многообразно. Оно предопределяется значением и социальной ценностью права. Ценность права для общества, государства, личности «преломляется» в требованиях законности. Главное же содержание законности заключается не только в ее полноте, всеобщности, непротиворечивости и т.д., как это подчеркивается в юридической литературе, но и в оценке ее с точки зрения последовательной реализации и воплощения в ней права, исполнения субъектом правовых предписаний.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Васильев А.М. Правовые категории // Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976.
2. Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. Т. 1. М., 1945.
3. Йеринг Р.фон. Борьба за право. — М., 1991.

BIBLIOGRAPHY

1. Vasiliev AM Legal category // Methodological aspects of the development of the theory of categories of rights. M.: 1976.
2. Resurrection NA Legislative Acts of Peter I. T. 1. M.: 1945.
3. Yering R.fon. The fight for the right. — M.: 1991.

Р.В. ШАГИЕВА

Законотворчество как социально-правовой процесс: понятие, сущность и предназначение

АННОТАЦИЯ: В статье с общетеоретических позиций рассматривается социальная природа законотворчества. На основе проведенного сопоставления с правовым регулированием автор обосновывает собственную позицию относительно его служебной роли – способствовать преобразованию, развитию средств и способов правового регулирования общественных отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: юридическая деятельность, правовое регулирование, правообразование, закон, законотворческий процесс, законоведение.

ШАГИЕВА РОЗАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Финансового университета при Правительстве РФ, первый проректор РААН (shagsas@mail.ru).

R. SHAGIEVA

Legislation as a socio-legal process: concept, essence and purpose

ANNOTATION: In this paper a general theoretical position is considered the social nature of lawmaking. On the basis of a comparison with the legal regulation of the author proves his own position on his official role – to promote transformation and the development of means and methods of legal regulation of social relations.

KEYWORDS: legal activity, legal regulation, lawmaking, legislative process, jurisprudence.

SHAGIEVA ROZALINA – doctor of jurisprudence, the professor of chair of theory and history of state and law of Financial University under the Government of the Russian Federation, first vice rector of RAAN (shagsas@mail.ru).

Законотворчество – это юридическая деятельность, посредством которой воля определенной, более или менее многочисленной, группы людей возводится во всеобщий ранг и, будучи выражена в виде правил поведения, официально оформляется в нормативном правовом акте высшей юридической силы. В отличие от правотворчества целью законотворчества является создание закона (законодательного акта), занимающего в правовой системе общества особое положение, что придает самому процессу его создания особый социально-правовой смысл.

Классическое понимание законотворчества и законотворческого процесса базируется на

принципе верховенства высшего законодательного (представительного) органа государственной власти в законодательной деятельности. Как отмечается в юридической литературе, это соответствует разделению властей по принципу и институционально-функциональной форме организации государственной власти, когда выразителем народного суверенитета и, следовательно, суверенитета государства выступают высшие органы народного представительства. Именно они закрепляют законодательно общие интересы и потребности общественного развития¹.

Благодаря законотворчеству, осуществляемому в современном обществе парламентом, в каждой

1 Нестеренко И.А. Правотворчество в Российской Федерации: учебное пособие. М., 2011. С. 53.

стране достигается две цели: во-первых, формируется первичный слой правового регулирования общественных отношений и, во-вторых, верховенство закона приобретает качество основополагающего начала всей общественной и государственной жизни. Как писал еще С.С. Алексеев, закон содержит первичные (изначальные) правовые нормы².

В теоретическом плане закон – это нормативный правовой акт, содержащий первичные юридические нормы, которых раньше в правовой системе не было, либо объединяющий разрозненные нормы, закладывая основы регулирования в полном объеме. При этом закон регламентирует основные, ключевые аспекты жизни страны: принципиальные экономические, политические и социальные вопросы. Иными словами, как указывал А.Б. Венгеров, «с закона юридическое регулирование по данному предмету начинается»³.

Однако сам закон как таковой не является регулятором социальных отношений, а представляет собой лишь один из основных инструментов такого регулирования. Он и законодательство в целом как инструмент социального регулирования формируется в результате взаимодействия двух относительно самостоятельных сфер общественной жизни – политики и права. Как указывает Ю.А. Свирин, в отличие от правотворчества, законодательство носит субъективные черты, поскольку всецело зависит от воли и сознания людей⁴.

Конечно, правовое регулирование органически связано с законодательством, но характеризует его не столько в организационном, сколько в функциональном, регулятивном срезе. Оно невозможно без законодательства так же, как последнее немислимо без общего правового регулирования тех или иных отношений. В юридической литературе это справедливо отмечается относительно правотворчества в целом, но эти

теоретические положения вполне применимы и к законодательству. Так, С.С. Алексеев писал, что лишь при рассмотрении правового регулирования, когда оно берется в единстве с правотворчеством, возможно предупредить гиперболизацию первой из указанной категорий, превращение правового регулирования в нечто самодавящее, оторванное от объективных факторов, его обуславливающих. В то же время и общетеоретическая характеристика вопросов правотворчества получает при таком подходе надлежащую ориентацию: они трактуются не вообще, не сами по себе, а в органической связи с той ролью, которую играет право в социальной жизни⁵.

В том аспекте, когда правотворчество характеризуется в сопоставлении и взаимосвязи с общим правовым регулированием, на первый план выдвигается его значение как технологии по созданию нормативного правового акта или другого официального юридического источника, который как результат правотворческой деятельности и выступает в качестве предпосылки воздействия права на общественные отношения⁶. Результат правотворческой деятельности связан с изменением существующих способов и средств правового регулирования общественных отношений, их развитием на основе имеющего опыта правоприменения с учетом экономических, политических, социальных и иных условий и потребностей, сложившихся в обществе и государстве. Этим определяется главное предназначение правотворческой деятельности – способствовать преобразованию, развитию средств и способов правового регулирования общественных отношений. Результатом правотворческой деятельности является создание новой правовой нормы, иначе регулирующей те или иные общественные отношения. В этом смысле правотворчество выступает как основное направление социальной деятельности, создающее условия

2 Алексеев С. С. Государство и право. Начальный курс. М., 1993. С. 56.

3 Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник. М., 1998. С. 122.

4 Свирин Ю.А. Исполнительное право в системе российского права : дис. ... док. юрид. наук. Москва., 2012. С.34.

5 Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т. Т.1. – М., 1981. С. 307.

6 Дрейшев Б.В. Правотворчество и правовое регулирование // Правоведение. 1985. № 1. С. 31.

для существования и воспроизводства самого общества⁷. Правотворчество — главный канал воздействия государственной власти на социальную жизнь через механизм правового регулирования и в связи с этим — главный канал придания нормам юридической силы, значения критерия правомерности поведения. Поэтому правотворчество определяют как «деятельность государства по выявлению потребности в нормативном правовом регулировании общественных отношений и создании в соответствии с выявленными потребностями новых правовых норм, замене и отмене действующих»⁸.

В итоге можно констатировать объективно-необходимую, природную взаимозависимость правового регулирования и правотворчества. Как два взаимосвязанных социально-правовых процесса, имеющих общую организационно-упорядочивающую составляющую, они при первом приближении позволяют использовать их понятия как взаимозаменяющие, что часто встречается в юридической литературе.

Следовательно, правотворчество органично «встроено» в современные процессы правового регулирования, является целенаправленным обеспечительным правовым процессом по созданию позитивного права как одного из необходимых элементов механизма правового регулирования. Оно осуществляется не спонтанно и самопроизвольно в порядке нормотворческой самостоятельности участников социального общения, а осознанно и планомерно, поэтому выступает серьезной альтернативой обычно-правовому способу правового регулирования, который уступил свое ведущее место правотворчеству и в первую очередь — законотворчеству⁹. В правовых системах романо-германского типа, включая Россию, именно закон, законодательство

выступает источником правового регулирования социальных порядков и правовых технологий применения государственной власти.

Существенна роль законов в социальном регулировании и государственном управлении и в правовых системах прецедентного, англосаксонского типа, основанных на судебном прецеденте. Мало этого, именно законы позволяют в наиболее полной мере реализовать достоинства писаного права как средства социального регулирования общественных отношений практически во всех национальных правовых системах, включая и такие, содержание которых во многом определяется религиозными, общинными, традиционалистскими началами, философскими, идеологическими доктринами.¹⁰

В современном мире законодательство охватывает большинство сфер человеческой жизнедеятельности, расширяет границы своего регулирующего воздействия на общественные отношения по мере усложнения социального бытия, непосредственно сопровождая людей в их общении друг с другом.

Столь значительная социальная роль законодательства в жизни личности и общества предполагает знание прежде всего того, каким образом оно создается, формируется и развивается, т.е. в чем суть законотворчества. Без такого знания исключается сколько-нибудь успешная деятельность по созданию законодательных актов.

С начала 90-х годов XX века для обозначения науки законотворчества или, точнее, о законодательной деятельности, в рамках которой российские и зарубежные ученые-юристы занимаются разработкой методологических и процедурных проблем подготовки законопроектов, научных основ законодательной техники, используется термин «законоведение». Впервые он введен во

7 Венгеров А.Б. Теория государства: учебник. — М., 2000. С. 416.

8 Научные основы советского правотворчества / под ред. Р.О. Халфиной. — М., 1981. С. 17.

9 Матвеева М.А., Шагиева Р.В. Правовое регулирование и правотворчество в правовой системе общества: теоретико-методологические основы соотношения // Государство и право. 2014. № 12. С. 9–12; они же. Рецензия на монографию Н.А. Придворова, В.В. Трофимова «Правообразование и правообразующие факторы в праве» // Ученые труды РААН. 2014. № 3(34). С. 139–141.

10 Нисевич Ю.А., Платонов В.М., Слизовский Д.Е. Законодательная деятельность: политико-правовой анализ: учебное пособие. М., 2007. С. 16.

французском языке профессором Л. Виттенсом.¹¹ В рамках этой науки законотворчество рассматривается, прежде всего, как интеллектуальная деятельность, сочетающая в себе искусство и науку, требующая особых знаний и умений. По результатам законотворческой работы – конституциям и законодательным актам – судят о государстве в целом, степени его демократичности, цивилизованности, культуры.¹²

Но более востребован специально-юридический аспект законотворчества, когда оно рассматривается в качестве разновидности правотворческого процесса, причем как единства самой законотворческой деятельности, так и порядка ее осуществления.

Процессу образования общей воли и ее выражению в законе предшествует огромная работа по изучению, исследованию и обобщению многочисленных фактов реальной жизни, из которых следует выделить факты, явления, отражающие потребности в правовом регулировании. Между возникновением идеи закона и ее воплощением в конкретном акте лежит целый сложный процесс, называемый законотворческим.

Для лучшего его уяснения следует учесть, что существует два основных подхода к пониманию правотворческого процесса: «узкое» и «широкое». Согласно первому подходу в понятие правотворческого процесса включается только процесс, связанный с непосредственным изданием нормативных правовых актов, и не включаются стадии подготовки проектов¹³.

Сторонники другого подхода более обширно понимают правотворческий процесс, который с их точки зрения охватывает и подготовку проекта нормативного правового акта, и его пред-

варительное обсуждение. В этом случае начало правотворческого процесса исчисляется с момента правотворческого замысла, обусловленного необходимостью правовой регламентации тех или иных общественных отношений, и – до практической реализации нормы права¹⁴.

Кроме этого, не следует забывать, что правотворчество – это часть правообразования, поэтому нельзя в правотворческом процессе обойтись без выявления общественных закономерностей, прогнозированием развития тех или иных общественных отношений и дальнейшей подготовки проекта.

Соответственно законотворчество в широком смысле включает в себя действия и отношения, предворяющие законотворческий процесс (законотворчество в узком смысле), в частности, такие, как выявление потребности в принятии закона, научная, экспертная и организационная подготовка законодательной инициативы. Именно в этом (широком) смысле законотворчество как главная составная часть правотворческого процесса характеризуется, по мысли О.А. Гаврилова, органическим единством трех его основных компонентов: познания, деятельности и результата, которые в своих диалектических взаимопереходах составляют относительно законченный цикл законотворчества, вслед за которым по восходящей линии следуют в той же последовательности аналогичные циклы, образующие в своей целостности систему этого процесса. На самом деле, для того чтобы в законах адекватно отражались происходящие в обществе процессы, надо постоянно обнаруживать, изучать и умело использовать объективные закономерности, направляющие

11 См. об этом: Нисевич Ю.А., Платонов В.М., Слизовский Д.Е. Законодательная деятельность: политико-правовой анализ: учебное пособие. М., 2007. С. 14.

12 Нестеренко И.А. Правотворчество в Российской Федерации: учебное пособие. М., 2011. С. 7.

13 См. напр.: Ковачев Д.А. Механизм правотворчества социалистического государства. М., 1977. С. 82-83; Антонова Л.И. О стадиях правотворческого процесса // Правоведение. 1996. № 1. С. 4; Назаренко Г.В. Общая теория государства и права. М., 2001. С. 68.

14 См. напр.: Правотворчество в СССР / Под ред. А.В. Мицкевича. М., 1974. С.70-75; Научные основы советского правотворчества. /Под ред. Р.О. Халфиной. С. 7; Проблемы теории государства и права учебник / Под ред. М.Н. Марченко. М., 2001. С. 581; Проблемы общей теории права и государства: учебник /Под ред. В.С. Нерсисянца. М., 1999. С. 315; Правовые акты. Учебн. практич. пос. /Под ред. Ю.А. Тихомирова, И.В. Котелевской. М., 1997. С. 37.

эти процессы. Именно поэтому предпосылкой создания закона является познание тех сложных условий, факторов и обстоятельств, тех развивающихся общественных отношений, правовое регулирование которых диктуется нуждами социального прогресса.

Однако ограничение законотворчества рамками «чистого» познания, не переходящего в «деятельную сущность», таит в себе опасность ограничения его пассивной умозрительностью. За познанием следует деятельность. Этот переход не является прямолинейным и одноразовым. Он представляет собой трудоемкое многоступенчатое развертывание и конкретизацию знания в творчестве необходимых обществу законов. Лишь после того, как осознаны потребности и цели правового регулирования тех или иных отношений, законодатель принимает решение о переходе от познания к деятельности. Наступает период создания самого закона, разделенный, в свою очередь, на ряд стадий, регулируемых обычно законом, и регламентом, установленными процедурами.

Если познание в законотворчестве является процессом преобразования объективной действительности в факт законодательного сознания и принятия соответствующего решения, то реализация этого решения в действительность по

созданию закона представляет собой обратный процесс превращения законодательного сознания в объективно существующий закон. Тем самым итогом законотворчества, его продуктом выступает результат — закон. Но этот итог — лишь промежуточный, первичный результат, вслед за которым наступает действие самого закона, заключающееся в практическом регулировании соответствующих общественных отношений. Изучение действия закона позволяет определить его эффективность, целесообразность, научную обоснованность и т. д., что в свою очередь воздействует в порядке обратной связи на законотворческий процесс, позволяет уточнить, откорректировать, дополнить существующее законодательство, повысить его уровень, обогатить его практическим опытом.¹⁵

Таким образом, по своей социальной сути и назначению законотворчество представляет собой осуществляемую на основе познанных потребностей и целей правового регулирования в рамках законодательного процесса юридическую деятельность парламента или народа, продуктом которой является законодательство как система нормативных правовых актов высшей юридической силы, регулирующее при помощи содержащихся в нем первичных правовых норм наиболее важные общественные отношения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антонова Л.И. О стадиях правотворческого процесса // Правоведение. 1996. № 1.
2. Матвеева М.А., Шагиева Р.В. Правовое регулирование и правотворчество в правовой системе общества: теоретико-методологические основы соотношения // Государство и право. 2014. № 12. С. 5-13.
3. Научные основы советского правотворчества / под ред. Р.О. Халфиной. — М., 1981. С. 17.
4. Нестеренко И.А. Правотворчество в Российской Федерации: учебное пособие. М., 2011.
5. Правотворчество в СССР / Под ред. А.В. Мицкевич. М., 1974.
6. Правовые акты. Учебн. практич. пос. /Под ред. Ю.А. Тихомирова, И.В. Котелевской. М., 1997.
7. Свирин Ю.А. Исполнительное право в системе российского права : дис. ... док. юрид. наук. М., 2012.

BIBLIOGRAPHY

1. Antonova L.I. About stages of law-making process // Jurisprudence. 1996. No. 1.
2. Matveeva M. A., Shagiyeva R. V. Legal regulation and law-making in legal system society: teoretiko-methodological bases of a ratio//State and right. 2014. No. 12. Page 5-13.
3. Scientific bases of the Soviet law-making / under the editorship of R. O. Halfina. — M.: 1981. Page 17.
4. Nesterenko I.A. Law-making in the Russian Federation: manual. M.: 2011.
5. Law-making in the USSR / Under the editorship of A.V. Mickiewicz. M.: 1974.
6. Legal acts. Uchebn. практич. the settlement / Under the editorship of Yu.A. Tikhomirov, I.V. Kotelevskaya. M.: 1997.
7. Svirin Yu.A. The executive right in system of Russian law: thesis of the doctor of jurisprudence. M.: 2012.

15 Гаврилов О.А. Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование. М., 1993. С. 400.

П.Х. АЛИЕВА*

Право потерпевшего на обеспечение безопасности

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются соотношение проблем обеспечения безопасности потерпевшего по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации. Результатом такого исследования стали обоснованные предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства Таджикистана, внесению дополнений и изменений в УПК РТ. В частности, по мнению автора этой статьи, целесообразно в целях безопасности потерпевшего исключить из ч.3 ст.245 УПК РТ содержание местожительства или место нахождения лиц, подлежащих вывозу на судебное заседание, и листы дела, на которых изложены их показания или заключения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Таджикистан, Россия, потерпевший, безопасность.

АЛИЕВА ПАРВИНА ХАБИБХОНОВНА – стажер кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (pari_2.01.86@mail.ru).

P.H. ALIEVA*

Right for a victim on providing of safety

ANNOTATION. The paper analyzes the relationship of the victim's security challenges on the criminal - procedural legislation of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation. Author in order to improve the criminal - procedural legislation of Tajikistan, proposed additions and amendments to the Criminal - Procedural Code of the Republic of Tajikistan. In particular, according to the author of this article, for the criminal justice system of the Republic of Tajikistan is advisable for safety of the victim excluded from Part 3 of the Code of Criminal st.245 content of residence or location of persons subject to removal at the hearing, and sheets of the case, which outline their testimony or opinion.

KEYWORDS: Criminally is a code of practice of Republic of Tajikistan; criminally is a code of practice of Russian Federation, Tajikistan, Russia, victim, security.

ALIVA PARVINA HAVIBKHONOVNA – Intern Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics Institute of Law "Peoples' Friendship University of Russia" (pari_2.01.86@mail.ru).

Наука уголовно-процессуального права Республики Таджикистан отпочковалась от соответствующей российской науки, находится в стадии формирования, основываясь на работах советских, российских ученых. Поэтому соискатель, анализируя вопросы права потерпевшего на обеспечение безопасности, обращается к трудам указанных авторов, кроме того, учи-

тывая, что Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан, 2009 г. (далее – УПК РТ) воспроизвел многие положения о потерпевшем из Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, 2001 г. (далее – УПК РФ).

На сегодняшний день проблема обеспечения безопасности потерпевших является весьма

* **Научный руководитель** – Махов Вадим Николаевич, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», доктор юридических наук, профессор.

* **Research supervisor** – Mahkov Vadim Nikolaevich, professor of department of criminal law, criminal trial and criminalistics of the VO FGAOU legal institute "Russian university of friendship of the people", doctor of jurisprudence, professor.

актуальной, так как значительное количество жертв преступлений боятся участвовать в процессе из-за страха мести со стороны преступников, а также их близких.

Поэтому в УПК РТ, так же, как и в УПК РФ, проблемы обеспечения безопасности потерпевшего приобрели повышенное значение. Так, одним из принципов уголовного судопроизводства является «Охрана права и свобода личности при производстве по уголовным делам», в соответствии с частью 3 статьи 12 УПК РТ (ч.3 ст.11 УПК РФ) при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или другим участникам дела, а также членам их семей или близким родственникам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества либо иными опасными противоправными действиями, суд, судья, прокурор, следователь, дознаватель обязаны в пределах своей компетенции принять предусмотренные законом меры к охране жизни, здоровья, чести, достоинства и имущества этих лиц.

Это общее положение нашло закрепление в следующих нормах УПК РТ и УПК РФ: при наличии оснований полагать, что необходимо обеспечить безопасность потерпевшего следователь вправе не приводить данные о личности потерпевшего в протоколе следственного действия (ч.8 ст.172 УПК РТ; ч.9 ст.166 УПК РФ); при наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении потерпевшего, по его письменному заявлению или при отсутствии такого заявления в соответствии с ходатайством следователя и с разрешением суда, судья может быть произведено прослушивание переговоров, ведущихся с их телефонов или других средств связи, и их связи (ч.2 ст.196 УПК РТ; ч.2 ст.186 УПК РФ); если было установлено, что очная ставка между обвиняемым и потерпевшим может запугать, то необходимо исключить ее производство (ч.7 ст.204 УПК РТ; данное положение не предусмотрено в УПК РФ); в целях обеспечения безопасности опознающего предъявление лица для опознания может быть произведено в условиях, исключающих визуальное наблюдение

опознаваемым опознающего (ч.9 ст.206 УПК РТ; ч.8 ст.193 УПК РФ); в списке лиц, подлежащих вызову на судебное заседание, указывается фамилия, имя и отчество, их место жительства или место нахождения и листы дела, на которых изложены их показания или заключения. В случаях, предусмотренных законом и настоящим Кодексом, в этом списке содержатся только псевдонимы лиц, подлежащих вызову в судебное заседание (ч.3 ст.245 УПК РТ); закрытое судебное разбирательство, кроме того, допускается по мотивированному определению суда (постановлении судьи) также в случаях, когда этого требуют интересы обеспечения безопасности участников процесса (2 ст.273 УПК РТ; ч.4 ст.241 УПК РФ).

Говоря о ч.3 ст.245 УПК РТ, считаем, что примечателен в этом отношении законодатель Таджикистана, в отличие от ч.4 ст.220 УПК РФ, в котором не предусматриваются случаи угрозы жизни и (или) здоровью данных лиц. При этом считаем правильной позицию российского законодательства, в котором не указывается листы дела, на которых изложены их показания или заключения. Говоря о ч.3 ст.245 УПК РТ, считаем, что примечателен в этом отношении законодатель Таджикистана, в отличие от ч.4 ст.220 УПК РФ, который не предусмотрел случаи угрозы жизни и (или) здоровью данных лиц.

При этом считаем правильной позицию российского законодательства ч.4 ст.220 УПК РФ, в котором не указывается листы дела, на которых изложены их показания или заключения.

Вместе с тем мы не можем согласиться с позицией законодателя Российской Федерации и Республики Таджикистан об указании места жительства или места нахождения данных лиц в справке, приложений к обвинительному заключению, к обвинительному акту. Поскольку, как верно отметил профессор В.Н. Махов, данное положение провоцирует обвиняемого и его близких на оказание угроз, запугивание потерпевшего¹. В подтверждение правильности нашей позиции приведем результаты исследования, согласно которому абсолютное большинство действующих практических работников

Республики Таджикистан (75%) считают уместным не приводить к справке к обвинительному заключению сведения о местожительстве или место нахождения лиц, подлежащих вызову на судебное заседание, и листы дела, на которых изложены их показания или заключения.

С учетом изложенного предлагается исключить из ч.3 ст.245 УПК РТ содержание местожительства или место нахождения лиц, подлежащих вызову на судебное заседание, и листы дела, на которых изложены их показания или заключения. Таким образом, изложить ее в следующей редакции: «в списке лиц, подлежащих вызову на судебное заседание, указывается фамилия, имя и отчество. Далее по тексту».

Таким образом, анализ действующего Уголовно-процессуального законодательства Таджикистана и России позволяет прийти к выводу, что в УПК РТ и РФ существуют достаточная совокупность норм, обеспечивающих безопасность потерпевших в уголовном судопроизводстве. Вместе с тем, в целях совершенствования реализации безопасности потерпевшего в уголовном процессе, полагаем, что УПК РТ нуждается в дополнении.

Так, с учетом обеспечения безопасности потерпевшего мы полностью поддерживаем предложение ученых о необходимости учета мнения потерпевшего при избрании в отношении обвиняемого меры пресечения². Также результаты опроса следователей и судей Республики Таджикистан, проведенного автором, свидетельствуют о правильности данного суждения, поскольку более половины респондентов считают целесообразным учитывать мнение потерпевшего при избрании в отношении

обвиняемого меры пресечения. Таким образом, в случае угрозы жизни и здоровью потерпевшего или членов его семьи со стороны подозреваемого, обвиняемого, первый, наряду с прокурором, следователем, дознавателем имел бы право заявить ходатайство суду о необходимости в заключении последнего под стражу. В связи с изложенным предлагаем дополнить ч.2 ст.111 УПК РТ после слов «при необходимости избрания в качестве меры пресечения в виде заключения под стражу прокурор, следователь и дознаватель» словосочетанием «а также потерпевший».

Также необходимо отметить, что Федеральным законом от 23.07.2013 № 221-ФЗ «О внесении изменений в статью 83 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», согласно п.2.1 которой, при решении вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного, в судебном заседании вправе также участвовать потерпевший, что отсутствует в законодательстве Республики Таджикистан. При этом совершенно справедливо, на наш взгляд, Конституционный Суд РФ не признал не соответствующей Конституции в целом идею, но предложил определить ее механизм³. Как правильно отмечает профессор В.Н. Махов: «Есть категория потерпевших, которая считает, что о них, их позиции, как можно меньше должен знать осужденный. Избравшие этот вариант обеспечение безопасности, потерпевшие уклоняются даже удостоверить получение уведомления суда, скрывают свое местожительство...Но есть потерпевшие, которые желают, чтобы их позицию об освобождении осужденного учел суд»⁴. Как нам известно, при

1 Махов В.Н. Обеспечение безопасности потерпевшего // Вестник Московского университета МВД России. 2014. №9. С.23.

2 Леви, А.А. Потерпевший в уголовном процессе. М., РУДН. – 2007. С. 31-32; Шаров, Д.В. Обеспечение прав потерпевшего в досудебном производстве (по материалам практики следователей органов внутренних дел): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 10; Тетерина, Т.В. Проблемы обеспечения имущественных, иных прав и законных интересов потерпевшего в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2004. С. 199-200; Евлоев, Р.М. Процессуальные гарантии защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений (стадия предварительного расследования): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С.13; Колдин, С.В. Защита прав и законных интересов потерпевшего по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С.18.

3 Постановление Конституционного суда от 18 марта 2014 г. № 5-П по делу о проверке конституционности части второй.1 статьи 399 уголовно – процессуального кодекса российской Федерации в связи с запросом Котовского районного суда Курганской области. / www.consultant.ru.

решении подобных вопросов судья проводит заседание по месту отбывания осужденным наказания. В таком случае вряд ли потерпевшему захочется за свой счет поехать куда-то, отпроситься с работы, вновь увидеть человека, от которого он пострадал; тем более, что, если у потерпевшего есть серьезные опасения, что, выйдя на свободу, осужденный может «отомстить» ему и только ради того, чтобы выразить свое мнение по поводу условно-досрочного освобождения, осужденного. С учетом таких обстоятельств, Министерством юстиции России определен механизм реализации принятого закона. Согласно разъяснениям, Министерство юстиции России потерпевший, его законный представитель вправе непосредственно участвовать в судебном заседании или путем использования систем видеоконференц-связи либо в письменном виде довести до суда свою позицию по рассматриваемому вопросу. Вопрос о форме участия потерпевшего, его законного представителя, представителя в судебном заседании решается судом. Если потерпевшим будет заявлено ходатайство суду, он должен указать перечень информации, который он желает получить, адрес его места жительства, адрес электронной почты, номера телефонов, а также иные сведения, которые могут обеспечить своевременное получение названной информации. Кроме того, на потерпевшего возлагается обязанность уведомить учреждение, исполняющее наказание, об изменении указанных сведений в период исполнения приговора, а также в случае отказа потерпевшего от дальнейшего получения информации⁵.

Полагаем, что это важное и правильное уточнение. Поскольку еще в 1997 году в целях безопасности потерпевшего (жертвы преступления) Комиссия по предупреждению преступности

и уголовному правосудию в своем проекте Руководства по применению Декларации ООН по основным принципам правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью, содержащего информацию и рекомендации по реализации норм данной Декларации, рекомендовала учитывать мнения жертв при условно-досрочном освобождении осужденного⁶. По результатам опроса, проведенным автором действующих практических работников правоохранительных органов Республики Таджикистан, выяснилось, что более половины опрошенных также считают, что в целях обеспечения безопасности потерпевшего необходимо учесть мнение потерпевшего при условно-досрочном освобождении осужденного. В контексте указанной рекомендации и с учетом мнения действующих практических работников правоохранительных органов Таджикистана следует признать, что для Республики Таджикистан было бы приемлемым дополнить ст.42 УПК РТ нормой, предусматривающей учет мнения потерпевшего при условно-досрочном освобождении осужденного и замене не отбитой части наказания более мягким видом наказания. В целях механизма реализации данного право предлагается закрепить норму следующего содержания в ч.2 ст.401 УПК РТ, изложив ее в новой редакции: «О времени рассмотрения вопроса, связанного с исполнением наказания, извещаются прокурор, осужденный, потерпевший, его законный представитель, представитель. Вопрос о вызове осужденного, содержащегося под стражей, решается судом, судьей. Если вопрос касается исполнения приговора в части гражданского иска, вызывается гражданский истец. Неявка указанных лиц не препятствует рассмотрению дела. Потерпевший, его законный представитель, представитель вправе участвовать в судебном заседании непосредственно

4 Махов В.Н. Обеспечение безопасности потерпевшего // Вестник Московского университета МВД России. 2014. №9. С. 23.

5 Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (по вопросу участия потерпевших при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора) подготовлен Минюстом России не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 19.07.2014 // Справочно-правовая система Консультант Плюс.

6 Кухта, К.И., Махов, В.Н. Правовой статус жертвы преступления (потерпевшего) в уголовном процессе США. – Москва: «Юрлитинформ». 2008. С. 16.

или путем использования систем видеоконференц-связи, либо в письменном виде довести до суда свою позицию по рассматриваемому вопросу. Вопрос о форме участия потерпевшего, его законного представителя, представителя в судебном заседании решается судом».

Таким образом, в настоящее время в Республике Таджикистан, как и в Российской Федерации, имеется надлежащая правовая база для эффективного применения мер безопасности в отношении потерпевших и иных лиц, содействующих правосудию.

Итак, в результате тщательного анализа законодательств Таджикистана и России по исследуемому вопросу, автор пришел к следующим выводам:

Для уголовного судопроизводства Республики Таджикистан целесообразно в целях безопасности потерпевшего:

1. Исключить из ч.3 ст.245 УПК РТ содержание местожительства или место нахождения лиц, подлежащих вызову на судебное заседание, и листы дела, на которых изложены их показания или заключения. Таким образом, изложить ее в следующей редакции: «в списке лиц, подлежащих вызову на судебное заседание, указывается фамилия, имя и отчество. Далее по тексту»;

2. Дополнить ч.2 ст.111 УПК РТ после слов «При необходимости избрания в качестве меры

пресечения в виде заключения под стражу прокурор, следователь и дознаватель» словосочетанием «а также потерпевший»;

3. Дополнить ст.42 УПК РТ нормой, предусматривающей учет мнения потерпевшего при условно-досрочном освобождении осужденного и замене не отбитой части наказания более мягким видом наказания.

4. Предлагается закрепить норму следующего содержания в ч. 2 ст. 401 УПК РТ, изложив ее в новой редакции: «О времени рассмотрения вопроса, связанного с исполнением наказания, извещаются прокурор, осужденный, потерпевший, его законный представитель, представитель. Вопрос о вызове осужденного, содержащегося под стражей, решается судом, судьей. Если вопрос касается исполнения приговора в части гражданского иска, вызывается гражданский истец. Неявка указанных лиц не препятствует рассмотрению дела. Потерпевший, его законный представитель, представитель вправе участвовать в судебном заседании непосредственно или путем использования систем видеоконференц-связи, либо в письменном виде довести до суда свою позицию по рассматриваемому вопросу. Вопрос о форме участия потерпевшего, его законного представителя, представителя в судебном заседании решается судом».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Евлоев Р.М. Процессуальные гарантии защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений (стадия предварительного расследования): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Евлоев Рашид Магаметгереевич. – СПб., 2005.

2. Колдин С.В. Защита прав и законных интересов потерпевшего по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Колдин Сергей Владимирович. – Саратов, 2004.

3. Кухта К.И., Махов В.Н. Правовой статус жертвы преступления (потерпевшего) в уголовном процессе США. – Москва: «Юрлитинформ». – 2008.

BIBLIOGRAPHY

1. Evloev R.M. Protsessualnyie garantii zaschityi prav i zakonnyih interesov lits, poterpevshih ot prestupleniy (stadiya predvaritelnogo rassledovaniya): dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09 / Evloev Rashid Magametgereevich. – SPb., 2005.

2. Koldin S.V. Zashchita prav i zakonnyih interesov poterpevshego po Ugolovno-protsessualnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09 / Koldin Sergey Vladimirovich. – Saratov, 2004.

3. Kukhta K.I., Makhov V.N. Pravovoy status zhertvyi prestupleniya (poterpevshego) v ugolovnom protsesse SShA. – Moskva: «Yurliinform». – 2008.

Е.В. ВАЛДАЕВ, А.И. ГУРОВ

Эволюция законодательства об ответственности за транспортные преступления по праву России

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена вопросам эволюции законодательства России об ответственности за нарушение правил дорожного движения, юридическому анализу отдельных преступлений в сфере дорожного движения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дорожная безопасность, транспортные преступления, ответственность, автомобиль, дорожное движение, нарушения правил дорожного движения.

ВАЛДАЕВ ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – соискатель кафедры уголовного и уголовно-процессуального права Российского университета дружбы народов.

ГУРОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов.

E. V. VALDAEV, A. I. GUROV

The evolution of the legislation on responsibility for traffic offences by the law of Russia

ANNOTATION: The article is devoted to the evolution and continuity of Russia legislation on responsibility for violation of traffic rules, legal analysis of specific crimes in the field of road safety.

KEYWORDS: road safety, traffic offences, responsibility, vehicle, road traffic, violation of traffic rules.

VALDAEV EVGENY VLADIMIROVICH – applicant of the Chair of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics Russian University of peoples friendship.

GUROV ALEXANDER IVANOVICH – doctor of jurisprudence, Professor, Professor of Department of criminal law, criminal procedure and criminalistics of the Russian University of friendship of peoples.

Организация уличного движения и в России имеет давнюю историю. Проблема обеспечения безопасности дорожного движения возникла задолго до появления автомобиля. Первые сведения о самостоятельных правовых актах, регламентирующих поведение на дорогах, относятся в России к концу XVI – XVIII векам. При всем своем несовершенстве они сформулировали целый ряд положений, которыми руководствуются и современные законодатели.

В Указе Ивана Великого в XVI веке было закреплено исторически сложившееся право-стороннее движение, нарушение которого влекло для холопов «битье батогами», а для бояр – штраф в три деньги с соболями. 3 января 1683

году царями Петром Алексеевичем и Иоанном Алексеевичем был издан именной Указ, направленный на упорядочение движения гужевого транспорта как в столице, так и в стране в целом. Извозчикам предписывалось придерживаться правостороннего движения, править повозкой, сидя верхом на лошади, а не в экипаже, «в санях на вожжах не ездить, а ездить с возницами по прежнему обычаю», избегать «резвой езды во избежание увечья». Надзор за движением по городским улицам и площадям возлагался на Стрелецкий приказ. В распоряжениях административных органов разных городов в конце XVII в. есть такие указания: «Когда случится подъехать к перекрестку, тогда ехать еще тише и осматри-

ваться во все стороны, дабы кому повреждение не учинить или с кем не съехаться» и «на мостах через реки карет не обгонять, а ехать, напротив, порядочно и нескоро». В 1718 году в Санкт-Петербурге, ставшем столицей Империи, было образовано «генерал-полицмейстерство». Петр I в функции столичной полиции по обеспечению охраны порядка в городе включил контроль за проездом по улицам и переулкам. 26 августа 1720 года издается Именной Указ царя Петра I «О торговании в Санкт-Петербурге съестными харчевыми припасами в указанных местах и о езде всяких чинов людям на взнузданных лошадях», в котором основными видами правонарушений на городских улицах назывались быстрая езда и битье кучерами прохожих кнутом: «извозчикам и прочим всяких чинов людям при Санкт-Петербурге ездить, имея лошадей взнузданных, со всяким опасением и осторожностью, смирно.... А ежели кто по сему указу не будет чинить: таковые в первую вину будут биты кошками, за вторую кнутом, за третью будут сосланы на каторгу».

Указ Анны Иоанновны 1730 г. включал в себя следующие нормативные предписания: «Извозчикам и прочим всяких чинов людям ездить, имея лошадей занузданными, со всяким опасением и осторожностью, смирно. А тех, кто не будет соблюдать сих правил, — бить кнутом и ссылать на каторгу». Изданные в то время Указы распространялись сначала на Москву, а затем и на Санкт-Петербург.

Детализация правил продолжилась и в XIX в. В 1809 г. в России создается транспортная полиция в составе 10 окружных транспортных полицейских команд. На эти команды были возложены задачи по обеспечению безопасности движения на реках и дорогах, сопровождению грузов и предотвращению хищения. В их функцию входило наблюдение за исправностью дорог и безопасностью движения по ним гужевого и пешего казенного транспорта.

В музее МВД РФ имеется уникальный документ — «Инструкция городским Московской

полиции», изданная в 1883 году. Каждый городской обязан был всегда иметь ее при себе и руководствоваться ею при своих действиях. Обязанностям городских «по соблюдению порядка и безопасности на тротуарах, дорогах и бульварах» посвящены в Инструкции тридцать параграфов из 144. В параграфе 44 указано:

«Наблюдать, чтобы при езде по улице правящие лошадьми:

а) не ездили вперегонку;

Примечание: не запрещается обгонять умеренной рысью тихо едущих.

б) при спуске под гору, на перекрестках, а равно перед переезжающими и переходящими улицу сдерживали лошадей;

в) уступали дорогу крестным ходам, походным и другим процессиям, проходящим частям войск и арестантским партиям, а при недостатке места для проезда останавливались, пока не проследуют;

г) не ездили на лошадях невзнузданных;

д) зимою не ездили на санях без подрезов, препятствующих раскату.

Примечание. Правило это не распространяется на крестьянские возы».

Развитие автомобильного транспорта сыграло существенную роль в эволюции нормативной базы, регламентирующей обеспечение безопасности движения.

Документы, регулирующие дорожное движение, принимались не только в столицах, но и в провинции. В книге «Сборник обязательных постановлений Нижегородской Думы для жителей Нижнего Новгорода», изданной в 1894 году, установлены «Права лиц на производство извозного промысла с таксою за провоз по 1893-1894 гг.».

В постановлении Думы был определен возраст, с которого можно было заниматься извозным промыслом (16 лет); Желающий заняться извозным промыслом «должен взять из городской управы установленные для того нумерные знаки...»¹. «Выданные на право производства извозного промысла нумерные знаки долж-

1 «Сборник обязательных постановлений Нижегородской Думы для жителей Нижнего Новгорода». Н.Н., 1894, п.2, ст.52.

ны быть: один знак — прибить к экипажу, на котором извозчик работает (у легковых извозчиков — сзади экипажей, а у ломовых — на дуге), а другой — находится постоянно у извозчика на спине на случай вручения его седоку по требованию последнего. Передача извозничьих знаков от одного лица другому воспрещается»;² закреплен срок действительности знаков на право производства извозного промысла — «...только на одно то полугодие, на которое они выданы»³.

В этом сборнике так же конкретизированы «Обязанности городских по соблюдению порядка и безопасности на тротуарах и дорогах», включенные в качестве главы в «Инструкции городским Нижегородской городской полиции». Так же, как и в «Инструкциях городским Московской полиции», для действия нижегородских городских были детально расписаны на все случаи жизни. Обязанностям нижегородских городских «по соблюдению порядка и безопасности на тротуарах и дорогах» посвящены 24 параграфа из 146. Например:

«§50. Стараться о задержании тех экипажей, которые, несмотря на сделанное предупреждение, будут продолжать нестись вскачь. Или которые после причиненного кому либо вреда быстрою ездою будут избегать преследования. Для задержания таких нарушителей порядка городской может кричать — «держи», требуя свистком содействия от городских следующих постов, и сам, взяв первого попавшегося извозчика, должен следовать за укрывающимся экипажем.

Примечание: Кроме указанного здесь случая, городскому дозволяется брать бесплатно извозчика еще для того, чтобы отвезти пьяного, внезапно заболевшего на улице, впавшего в бесчувственное состояние и скоропостижно

умершего, а также для преследования всякого, скрывающегося бегом, преступника».⁴

Автомобиль как источник повышенной опасности представлял серьезную угрозу для других участников движения. Поэтому общество объективно нуждалось в нормативном регулировании данной сферы социальных отношений. Исследование специальных исторических документов показало, что одним из первых актов в сфере безопасности движения и эксплуатации транспортных средств было распоряжение Петербургской управы 1895 г. «О регистрации «бензиновых механических самокатов». Буквально на следующий год приняты первые правила движения — «Постановление о порядке и условиях перевозки тяжестей и пассажиров на шоссе в самодвижущихся экипажах», замененное впоследствии Техническими правилами о движении автомобилей по дорогам общего пользования, принятыми в 1910 г.⁵ В 1896 г. были разработаны первые официальные правила перевозки тяжестей и пассажиров в самодвижущихся экипажах. А в 1900 г. было утверждено «Обязательное постановление о порядке пассажирского и грузового движения по г. Санкт-Петербургу на автомобилях». Эти правила в дальнейшем постоянно совершенствовались и утверждались заново.

В то же время, становясь на рубеже веков автомобильной державой, Россия включилась и в сферу правовых международных отношений в области автомобильного транспорта. В сфере правового регулирования безопасности дорожного движения Российская империя в начале XX века руководствовалась международными нормами, изложенными в Конвенции «Общие правила езды по дорогам на автомобилях», подписанной представителями России в октябре 1909 года, ратифицированной Императором России 12 февраля

2 Там же.

3 Там же, п.5, стр.53.

4 Там же, ст.50, стр.72.

5 Рифицкий Г.П. Безопасность дорожного движения в России. История и современность. М.: Книжный мир, 2005.

1910 года и вступившей в силу для России 18 апреля/1 мая 1910 года⁶.

Документ, подписанный шестнадцатью государствами, включал положения, касающиеся технических характеристик автомобилей, правила их использования; определил дорожные знаки, обязательные для всех участников конвенции, сформулировал перечень основных требований, предъявляемых к лицам, допускаемым к управлению транспортными средствами, установил форму международного водительского удостоверения и международного номерного знака⁷.

С учетом положений Конвенции в столицах были приняты правила дорожного движения (обязательные постановления о порядке движения автоматических экипажей): в 1910 году в Санкт-Петербурге, в 1912 г. — в Москве. В них определялась правосторонняя ориентация на дороге, допустимая скорость движения, регламентировались пассажирские перевозки. Следует отметить, что и в начале прошлого века основным нарушением на дорогах было превышение скорости, наказываемой штрафами и двухнедельным арестом. Согласно статистическим данным, только в феврале 1912 г. в Москве было составлено 97 протоколов о нарушениях в сфере безопасности дорожного движения⁸.

Данные документы действовали исключительно в столицах. В провинции принимались свои правила. Автомобилистам, как и лицам, управляющим конными экипажами, в основном предписывалось использовать номерные знаки и фонари, была ограничена скорость езды: сначала — до 12 верст в час, а в 1907 году — до 20.

В дореволюционном уголовном законодательстве содержались нормы, обеспечиваю-

щие безопасность движения и эксплуатации транспорта. Однако они имели определенные особенности.

Во-первых, в Уголовном уложении 1903 г. основное внимание уделялось обеспечению безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, речного и морского транспорта.

Во-вторых, ответственность наступала прежде всего за повреждение самих транспортных средств.

В-третьих, к транспортным преступлениям относились и уголовно-наказуемые нарушения технических правил строительства производственных построек и сооружений, если это повлекло их полное или частичное разрушение.

Нормы, непосредственно предусматривающие ответственность за опасное управление автомобилем, в уголовном законе отсутствовали.

Уголовное уложение, утвержденное 22 марта 1903г., в ст.231 закрепило положение о том, что виновный:

- 1) в неосмотрительной или непомерно скорой езде в городе или селении;
- 2) в поручении править лошадьё лицу, заведомо не способному или пьяному — наказывается арестом на срок не свыше двух недель или денежную пенею не свыше пятидесяти рублей».⁹

К водителям, нарушившим положения правил о порядке движения автоматических экипажей, применялась часть первая указанной нормы.

Следует отметить, что и в советских уголовных законах до принятия УК РСФСР 1960 года не содержались специальные нормы об ответственности за транспортные преступления,

6 Квитчук А.С. Система обеспечения безопасности дорожного движения в России: Историко-правовое исследование /дисс. докт. наук. — СПб,2006.— С.312.

7 Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. 1911. N 16. 1 февраля. Отд. 1. Ст. 155.

8 Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства и столичной полиции. — 1910. — 4 и 23 марта; Ежегодник Московского автомобильного общества. М., 1912-1914.

9 Уголовное уложение. Издание Государственной канцелярии. С.-Петербург, 1903г.

связанные с нарушением правил дорожного движения. По аналогии применялась ст. 53³ УК РСФСР 1926 года, устанавливающая ответственность за нарушение работниками транспорта трудовой дисциплины, если это нарушение повлекло или могло повлечь повреждения или уничтожение подвижного состава, путей и путевых сооружений, либо несчастные случаи с людьми, несвоевременную отправку поездов, простой вагонов судов и другие действия, влекущие за собой срыв, невыполнение планов перевозок или угрозу правильности и безопасности движения. Ст. 53³ УК РСФСР 1926 года была включена в раздел «Государственные преступления». Согласно тексту закона эта норма касалась лишь нарушений в сфере отношений в области эксплуатации воздушного, водного и железнодорожного транспорта. Однако правоприменители толковали ее более широко, распространяя ее действия на автотранспортные преступления. Коррективы были внесены Верховным Судом СССР. В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 26 мая 1932 года «О квалификации нарушения работниками автотранспорта и городских железных

дорог трудовой дисциплины в случае аварий» содержалось указание, что работники автотранспорта за аварии с человеческими жертвами должны отвечать как за преступления против личности, а при явно небрежном отношении к работе — за должностные преступления.¹⁰ Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 15 сентября 1950 года «О квалификации преступлений, связанных с нарушением правил движения на автотранспорте» преступные нарушения правил безопасности движения, допущенные работниками автотранспорта, квалифицировались по ст. 53³ УК РСФСР 1926 года. Нарушения, допущенные водителями, не являющимися работниками транспорта, в зависимости от характера вины — по статьям о преступлениях против личности, а в остальных случаях — по ст. 75 УК РСФСР 1926 года, предусматривающей ответственность за нарушение правил безопасности на железнодорожном транспорте.¹¹ УК РСФСР 1960 года впервые криминализировал нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств лицами, управляющими транспортными средствами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Вербина О.Л. История становления деятельности органов по безопасности дорожного движения в отечественном праве // История государства и права. 2014. № 11.
2. Войтенков Е.А. Уголовная и административная ответственность за преступления и правонарушения в сфере безопасности дорожного движения в советском законодательстве: историко-правовой анализ и особенности правоприменительной практики // Российский следователь. 2013. № 16.
3. Квитчук А.С. Система обеспечения безопасности дорожного движения в России: Историко-правовое исследование: дисс... докт. юрид. наук. — СПб, 2006.
4. Рифицкий Г.П. Безопасность дорожного движения в России. История и современность. М.: Книжный мир, 2005.

BIBLIOGRAPHY

1. Verbena O. L. the history of the formation work of agencies on road safety in domestic law // History of state and law. 2014. N 11.
2. Voitenko E. A. Criminal and administrative liability for crimes and offences in the field of road safety in the Soviet law: legal, historical analysis and particular law enforcement practice // Russian investigator. 2013. N 16.
3. Kvachuk A. C. System for ensuring road safety in Russia: Historical and legal research /Diss... doctors of jurisprudence. — SPb, 2006.
4. Revicki, P. road safety in Russia. History and modernity. M.: Book world, 2005.

10 Сборник постановлений и разъяснений Верховного Суда Союза ССР. М., 1936. С. 43.

11 Сборник действующих постановлений и разъяснений Верховного Суда Союза ССР, 1924–1957 гг. М., 1958. С. 36.

М.В. ВЫСОЦКАЯ

О детерминантах преступности несовершеннолетних

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются детерминанты, оказывающие влияние на преступления, совершаемые несовершеннолетними.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: детерминанты, несовершеннолетние, преступность, уголовная ответственность.

ВЫСОЦКАЯ МАРИНА ВАЛЕРЬЕВНА – слушатель Академии управления МВД России (piskovo2012@yandex.ru).

M. V. VYSOTSKAYA

About the determinants of juvenile crime

ANNOTATION: The article examines the determinants influencing crimes committed by minors.

KEYWORDS: the determinants of juvenile crime, criminal liability.

VYSOTSKAYA MARINA VALERYEVNA – student of the Academy of MIA Russia. (piskovo2012@yandex.ru).

Преступления, совершаемые несовершеннолетними в Российской Федерации, на протяжении последних десятилетий являются одной из серьезных проблем. Внушительные цифры только официально зафиксированных данных позволяют констатировать, что несовершеннолетние составляют очень большую криминально пораженную часть общества не только в нашей стране. В 2012 году в 755 исправительных колониях и 62 воспитательных колониях для несовершеннолетних содержится свыше 100 000 несовершеннолетних. В 2 467 уголовно-исполнительных инспекциях состояло на учете более 50 000, осужденных условно за различные виды тяжких и особо тяжких преступлений,¹ однако за последние два года их число увеличилось в несколько раз. На заседании Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних² и защите их прав в 2014 году было отмечено, что в ряде регионов Российской Федерации удельный вес рецидивных преступлений от их общего числа уже превысил 30%, такая же тенденция сохранится и в 2015 году.

Решение этой проблемы в настоящее время особенно важно – в период осуществления реформ в Российской Федерации, являющихся детерминантом серьезных социально-экономических трудностей, когда существенно снизилось финансирование образовательных учреждений и учреждений социальной защиты. Поэтому несовершеннолетние, отличающиеся особой подверженностью негативным воздействиям общества, сегодня оказались наиболее уязвимой и незащищенной социальной группой. Преступления, совершаемые несовершеннолетними, качественно изменились, они стали носить более дерзкий и изощренный характер, и сотрудники полиции все чаще сталкиваются с фактами вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность, носящую организованный (групповой) характер. Имеются случаи создания групп несовершеннолетних, специализирующихся на совершении тяжких и особо тяжких преступлений и успешно конкурирующих с преступными группировками взрослых. На момент совершения преступлений

1 Гудина М.В. Характерные черты личности несовершеннолетних, совершивших преступления // Перспективы науки. 2012. № 8.

2 Постановление Правительства Российской Федерации от 6 мая 2006 г. № 272 «О Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав» // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2093.

свыше 40% несовершеннолетних уже были замечены в асоциальном поведении и поставлены на соответствующий учет в полиции. Кроме того, в отношении почти каждого третьего (32,4%) несовершеннолетнего отказывалось в возбуждении уголовного дела либо прекращалось уже возбужденное уголовное дело. Причем в отношении 37,5% из них это происходило дважды, что значительно повышало их уверенность в безнаказанности за совершение преступления. Настораживает и тот факт, что 41,9% несовершеннолетних, совершивших преступление, считают допустимым употребление наркотических средств и психотропных веществ.³

Исследования показывают,⁴ что более двух третей несовершеннолетних преступников воспитывались в неблагополучных семьях, где постоянно присутствовали ссоры, скандалы, взаимные оскорбления между членами семьи и не обязательно родителями, а другими родственниками. Рассматривая семейные взаимоотношения родителей, нельзя не отметить, что сегодня практически повсеместно наблюдается процесс распада семей и увеличения числа случаев, когда родители уклоняются от их воспитания. Обострение проблем в неблагополучных семьях на общем фоне серьезных социально-экономических трудностей в Российской Федерации приводят к крайне негативным последствиям. Одним из них является психическое расстройство несовершеннолетних, это во многом результат и наследие соответствующего поведения родителей и других родственников. Сочетание психических расстройств и социально-экономических трудностей ведет к ускоренной деформации личности несовершеннолетнего. Как следствие, стремительный рост насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними, жестокость порождает жестокость. Безусловно, все это влияет и на так называемую взрослую преступность, однако дан-

ные детерминанты сказывается сильнее всего на несовершеннолетних, ибо во все времена (при различных общественных отношениях, складывающихся в стране) они были и остаются наиболее уязвимой частью общества.

Преступное поведение несовершеннолетних во многом определяются их психикой. Из-за ее неустойчивости несовершеннолетние склонны романтизировать преступный мир и легко поддаются влиянию со стороны взрослых преступников. Они находят понимание в неформальном окружении взрослых преступников, в котором они обретают партнеров в общении, защиту своих интересов. Зачастую развитие несовершеннолетних происходит по негативной схеме: антиобщественная – преступная. Пройдя по этой схеме, несовершеннолетние становятся на преступный путь под влиянием индивидуальных особенностей психики и общению с взрослыми преступниками. Повышенная преступная активность несовершеннолетних характеризуется стремлением познать что-то новое, самоутвердиться в чем-то неизведанном. При этом подобный «поиск» может привести несовершеннолетнего как к творческим достижениям, так и к негативным девиациям. Поэтому характер преступлений, совершаемых несовершеннолетними в сравнении с взрослыми преступниками, более динамичен. Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет образует более крупную группу правонарушителей, которые более часто совершают правонарушения, нежели взрослые в возрасте от 18 до 30 лет. Если же брать только содержательную сторону правонарушений, то принципиальных различий между несовершеннолетними и взрослыми в этом диапазоне лет нет, поскольку основная масса правонарушений относится к корыстным, корыстно-насильственным посягательствам, а также против жизни и здоровья личности.⁵

Еще одним детерминантом, обуславливающим преступность несовершеннолетних, явля-

3 Высоцкая М.В. Некоторые правовые аспекты регламентирующие деятельность полиции по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ // Ученые труды РААН. 2014. № 2.

4 Зиядова Д.З. Благополучная семья – криминогенный фактор подростковой преступности // Следователь. 2002. № 9; Баймурзаева Р.А. Виктимологические аспекты профилактики преступности несовершеннолетних // Следователь. 2006. № 7.

ется сильное негативное влияние неформальной группы сверстников. Причина в том, что несовершеннолетний дорожит своим членством в группе, ориентируется на ее нормы и ценности. Влияние группы в конкретной ситуации совершения преступления может проявляться как в форме следования правилам поведения, нормам в группе, так и через непосредственное влияние группы, обычно через совместное совершение преступления. Это является следствием того, что ослабление семейных связей и противопоставление несовершеннолетних обществу закладывает в них вероятность непризнания моральных ценностей и непринятия социальных институтов. И это позволяет в дальнейшем объединяться несовершеннолетним в неформальные группы. Такое неформальное объединение имеет большое значение для них, поскольку участники неформальных групп находятся в тесном контакте, общаясь изо дня в день, между ними возникают отношения, регулируемые существующими в этой группе нормами, которые в большинстве случаев оказываются весомее общественных. И как следствие — устойчивое негативное влияние на развитие личности со стороны макро- и микро-среды, которая влияет как на чувства и эмоции несовершеннолетних, так и на их умственные и волевые качества. Это выражается в совершении некоторых видов преступлений смешанными по возрасту группами. Здесь сказывается воспроиз-

ведение несовершеннолетним криминального опыта, полученного от взрослых преступников.

С точки зрения существующих на сегодня уголовно-правовых мер, можно говорить о том, что преступления, совершаемым несовершеннолетними, уделяется наибольшее внимание со стороны полиции. Полиция выполняет основной объем работы в области борьбы с преступлениями, совершаемыми несовершеннолетними. Ее работа проводится по таким направлениям, как ограничение влияния негативных социальных факторов, связанных с причинами и условиями совершения преступлений несовершеннолетними; воздействие на причины и условия, способствующие совершению ими преступлений, и т. д.

Рассмотрев некоторые детерминанты преступности несовершеннолетних, следует отметить, что преступления, которые они совершают, представляют собой закономерные явления под воздействием определенных свойств, выражающиеся в единстве всех многообразных и противоречивых формах их жизни. Единство форм является общим для всех несовершеннолетних, и прежде всего главной из них — семье. Так как в семье формируются социально значимые качества личности несовершеннолетнего и свойственные ей в дальнейшем оценочные критерии поведения. Многообразие форм определяется противоречивостью их, индивидуальными параметрами: с одной стороны, это уже не дети, а с другой — еще не взрослые.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Высоцкая М.В. Некоторые правовые аспекты регламентирующие деятельность полиции по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ // Ученые труды РААН. № 2. 2014.
2. Гудина М.В. Характерные черты личности несовершеннолетних, совершивших преступления // Перспективы науки. 2012. № 8.
3. О Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав: Постановление Правительства Российской Федерации от 6 мая 2006 г. № 272 // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2093.

BIBLIOGRAPHY

1. Vysotskaya M.V. Certain legal aspects regulating the activities of the police in combating illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances // Uchyonye trudy of RAAN. N 2. 2014.
5. Gudina M.V. Typical personality traits of juveniles who have committed crimes // Science prospects. 2012. N 8.
6. About the Government Commission on Affairs of minors and protection of their rights: Resolution of the Government of the Russian Federation of 6 may 2006 N 272 // collected legislation of the Russian Federation. 2006. N 19. Article 2093.

5 Гудина М.В. Криминологический и правовой аспекты, обуславливающие профилактику правонарушений несовершеннолетних // Бизнес в законе. 2012. № 4.

С.С. ГУРКОВСКИЙ**К вопросу о понятиях «терроризм» и «террор»**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются этимология и трактовка слов «терроризм» и «террор» с целью уяснения сущности отражаемых ими общественно опасных явлений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: терроризм, террор, проблема, понятие, сущность, репрессии.

ГУРКОВСКИЙ СЕРГЕЙ СТАНИСЛАВОВИЧ – член Адвокатской палаты г. Москвы, адвокат Московской коллегии адвокатов «Защита» (advokat011s@mail.ru).

S. S. GURKOVSKY**To the concepts of terrorism and terror**

ANNOTATION: In article the etymology and interpretation of the words "terrorism" and "terror" for the purpose of explanation of essence of socially dangerous phenomena reflected by them are considered.

KEYWORDS: terrorism, terror, problem, concept, essence, repression.

GURKOVSKY SERGEY STANISLAVOVICH – member of Chamber of Advocates of the c. Moscow, attorney of the Moscow bar «Zaschita» (advokat011s@mail.ru)

Понятие «терроризм» тесно связано с этимологией и трактовкой такого слова, как «террор». Однако нельзя считать, что они являют собой четко определенные и ясно идентифицируемые фактические события. Здесь мы имеем дело с такой редкой в правовой доктрине ситуацией, когда термин имеет весьма важное значение. То есть слово «террор» не имеет точной или широко принятой юридической дефиниции, и его соотносят со словом «терроризм». По мнению С.У. Дукаева, «...это является одним из факторов, который как раз и позволяет терроризму столь свободно развиваться».¹

Нам представляется, что к разрешению любой научной проблемы бывает целесообразным привлечь иную, но связанную с рассматриваемой. Так как проблему легче «расколоть сразу на два ореха». Поэтому в этих целях авторам придется привлечь к разрешению проблемы определения терроризма еще одну, стоящую рядом – это террор. Одной из проблем выработки терминологического аппарата является задача установления

связи и проведения разграничения между этими двумя понятиями.

Исходя из этого, можно будет приступить и к решению не менее сложной и важной проблемы, как понятие терроризма. Для этого необходимо установить ряд признаков. Которыми будут: статус лица (лиц), осуществляющего акт насилия, – юридическое или физическое лицо, наделено ли оно или нет правом определения внутренней или внешней политики государства; целеполагание субъекта преступной акции – прекращение жертвой заниматься государственной или общественной деятельностью. Круг лиц, против которых направлено деяние – статус жертвы, ее индивидуальная определенность или неопределенность; средства осуществления преступных акций и их масштабы – масштабность преступных действий и их последствий; правовая база для осуществления акции – наличие или отсутствие законодательной основы. Определяя признаки каждого из этих понятий, необходимо опираться на фактический материал, в котором

1 Дукаев С.У. Терроризм и преступления террористического характера (опыт системного анализа): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2004.

нет недостатка, и его можно почерпнуть из истории любого государства. Но лучшими примерами для определения признаков указанных понятий, на наш взгляд, все-таки являются эпохи революции, тоталитаризма и фашизма. В эти эпохи истории человечества смерть и угроза ее причинения были основным регулятором отношений людей и управляли жизнью ряда государств. Как, на наш взгляд, это верно сформулировал Ю.М. Антонян, «смерть выступала в качестве основного способа реализации идей и решения возникающих проблем, что и позволило называть эти эпохи «некрофильскими».²

Субъектами терроризма выступают индивиды – психически больные, с обостренным чувством справедливости, религиозные фанатики и т.д., а также политические партии, движения и организации. Следовательно, если субъектом террора является официальная, легитимная или нелегитимная, либо официальная, но нелегитимная, имеющая массовую поддержку в обществе власть, то круг субъектов терроризма может быть значительно шире, чем круг субъектов террора. Более того, субъекты терроризма чаще всего действуют анонимно, особенно, если террористами являются индивиды или автономно от официальной власти. Причем террористические организации, партии и движения, действующие автономно, лишь в очень редких случаях идут на контакты с властью, как правило, с властью другого государства, получая от нее инструкции, материальную, финансовую и другую помощь.

Каждый из вышеперечисленных субъектов организовывали и санкционировали массовые преступления, декларируя высокие цели. Например, ставя целью осуществление мировой революции, диктатуры пролетариата, уничтожения буржуазии как класса, насаждение коммунистической идеологии, экспроприация и т.д. Или продолжая осуществление этих целей – создание единой общности «советский народ». В другом ракурсе целью являлось поработе-

ние мира, установление превосходства арийской расы и ее чистоты. То есть абсолютизация власти субъекта всегда является необходимым звеном в общей цепи достижения глобальной цели. Следовательно, субъекты террора всегда преследуют масштабные, а иногда и глобальные цели, которые в их представлении имеют историческое значение для их народа, их государства или цивилизации.

На вопрос, против кого направлено деяние вышеперечисленных субъектов, можно ответить, что это индивиды, партии, нации, народы и государства, которые стояли на пути к достижению поставленных целей. Но тактика достижения цели требовала содержания и поддержания в постоянном «рабочем состоянии» всеобщего психоза и репрессивного аппарата. Поэтому репрессии в отношении них были постоянной и неперменной составляющей всей их внутренней и внешней политики. Террор чаще всего имеет «адресный» характер, тогда жертвы обречены. Ибо они точно определены по характеризующему их признаку, и весь репрессивный аппарат государства работает только в отношении конкретно определенной жертвы. Он может осуществляться в форме геноцида. Это преступление Р. Лемкин определял, как «скоординированный план разнообразных действий, направленных на уничтожение главных основ жизни тех или иных групп. Он ставит своей целью разрушение социально-политических институтов культуры, языка, национального чувства, религии, экономического существования этих групп, личной безопасности, свободы, здоровья, достоинства и самой жизни индивидуумов, принадлежащих к данным группам».³

Средства осуществления преступных акций не меняются, они только вовлекают в свою орбиту огромные массы исполнителей. Следовательно, в случаях, когда субъектом преступлений, определяемых как террор, терроризм и террористические акты, является государство, непосред-

2 Антонян Ю.М. Убийства ради убийства. М., 1998.

3 Lemkin Raphael. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress (Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1944).

ственными исполнителями этих преступлений являются представители силовых структур государства. В тех случаях, когда субъектом терроризма являются индивиды, их возможности выбора средств значительно ограничены, особенно тогда, когда субъекты не имеют доступ к сверхсложным технологическим процессам, требующим специальных знаний. В случаях, когда субъектами терроризма являются политические партии, организации, движения, пользующиеся террористическими методами, не все члены организации вовлекаются непосредственно в осуществление акта терроризма. Как правило, эту «работу» выполняют лица, входящие в боевые отряды.

Террор имеет большие масштабы и последствия, выражающиеся в нанесении невосполнимого урона генофонду любой нации, его культуре и духовным устоям. Трудно себе представить, каким было бы человечество, если бы не было революций и гражданских войн. В последнее время некоторые ученые⁴ с все возрастающей тревогой заговорили о новом виде терроризма – технологическом. Под ним понимают несанкционированное постороннее вмешательство в штатную деятельность потенциально опасных объектов техносферы.

Как отмечалось, государство является субъектом не только террора, но и терроризма. При формировании общественной системы в борьбе за сохранение, упрочение и распределение диктаторской или групповой власти в

государстве высшие должностные лица используют не только материальные, финансовые и иные ресурсы и государственные институты, но и право. Идеологической основой для придания законной силы террору является сама его теория. Терроризм – это всегда преступление. Однако террор до сих пор не определен таковым. Соответственно не нашел отражение ни в национальном, ни в международном законодательстве. Если смотреть на проблему с юридической точки зрения, то такого рода преступной деятельности как бы и не существует, поскольку законодатель на ее счет пока еще не распорядился и авторам стоит согласиться с мнением Д.А. Шестакова.⁵

Таким образом, авторы считают, что в большинстве случаев терроризм – это реакция на террор, который имел место (в прошлом или в настоящем), и поэтому во многом сходен с ним. Но терроризм никогда не может обрести тех масштабов, которые свойственны террору. На наш взгляд, его нужно рассматривать как единичный случай проявления либо террора, либо как единичный случай конкретного преступления, совершенного без цели всеобщего запугивания. Во всех случаях жертва терроризма индивидуально определена по характеризующему признаку – по его государственной или общественной деятельности. Если человечество действительно желает избавиться от терроризма, то ответственность субъектов террора, на наш взгляд, является главным условием, которое будет этому способствовать.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дукаев С.У. Терроризм и преступления террористического характера (опыт системного анализа): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2004.
2. Антонян Ю.М. Убийства ради убийства. М., 1998.
3. Сильников М.В. Особо важным объектам – особо надежная защита // Защита и безопасность. 2002. № 3.
4. Шестаков Д.А. Криминология, краткий курс: Преступность как свойство общества. СПб., 2001.

BIBLIOGRAPHY

1. Dukayev S.Y. Terrorism and crimes of a terrorist nature (experience of system analysis): Monograph / Under the General editorship VP of competition V.P. Salnikova. SPb.: Saint Petersburg University of Ministry of internal Affairs of Russia, 2004.
2. Antonyan, Y.M. Murder for the sake of killing. M., 1998.
3. Silnikov M.V. Particularly important objects – particularly reliable protection / Protection and security. 2002. No. 3.
4. Shestakov D.A. Criminology, short course: Crime as the property of the company. SPb., 2001.

4 Сильников М.В. Особо важным объектам – особо надежная защита // Защита и безопасность. 2002. № 3.

5 Шестаков Д.А. Криминология, краткий курс: Преступность как свойство общества. СПб., 2001.

Д.В. МИРОШНИЧЕНКО, А.Н. САЙГАШКИН

Теоретические и практические проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются основные проблемы, возникающие в правоприменительной практике при квалификации убийства матерью новорожденного ребенка, предлагаются законодательные меры, позволяющие оптимизировать практику применения ст. 106 УК РФ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. убийство матерью новорожденного ребенка, проблемы квалификации ст. 106 УК РФ, доказывание вины, психотравмирующая ситуация.

МИРОШНИЧЕНКО ДАНИИЛ ВИКТОРОВИЧ – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин РААН, кандидат юридических наук, доцент (d.v.miroshnichenko@yandex.ru).

САЙГАШКИН АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ – доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной академии права, кандидат юридических наук (a.saigashkin@yandex.ru).

D.V. MIROSHNICHENKO, A.N. SAYGASHKIN

Theoretical and practical problems of qualification murder the mother of a newborn baby

ANNOTATION. This paper analyzes the main problems in law enforcement when qualifying the murder of a newborn baby's mother, offered legal measures to optimize the practice of art. 106 of the Criminal Code.

KEYWORDS: murder of the mother of a newborn baby, the problem of qualification art. 106 of the Criminal Code, proof of guilt, psychotraumatic situation.

MIROSHNICHENKO DANIEL V. – Associate Professor of Criminal Law RAAN, candidate of jurisprudence, associate professor (dvmiroshnichenko@yandex.ru).

SAYGASHKIN ANDREY – Associate Professor of Criminal and Penitentiary Law Saratov State Academy of Law, candidate of jurisprudence (a.saigashkin@yandex.ru).

Одним из привилегированных видов убийств, ответственность за которое предусмотрено Уголовным кодексом РФ 1996 г., является убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106).

В УК РСФСР 1960 г. подобная разновидность детоубийства не выделялась в качестве самостоятельного состава преступления. Исходя из совокупности обстоятельств, содеянное надлежало квалифицировать как простое умышленное убийство по ст. 103 (без отягчающих и смягчающих обстоятельств) либо при

наличии отягчающих обстоятельств как квалифицированное убийство (ст. 102).

Причинами, по которым законодатель счел необходимым сформулировать в УК РФ 1996 г. в рамках статьи 106 конструктивные признаки убийства матерью собственного новорожденного ребенка, как самостоятельного состава преступления, послужили определенная распространенность такого рода общественно опасного поведения, данные медицины и гуманистический вектор устремлений правотворца. Основной смысл состоит в том,

что в период беременности и родов женщина подвержена значительным физиологическим и психологическим нагрузкам (своеобразный психофизиологический стресс), что толкает ее порой на весьма импульсивные и выходящие за рамки здравого смысла поступки. Находясь в состоянии выраженной физической и эмоциональной напряженности, женщины во многом руководствуются аффективной мотивацией. Данное обстоятельство существенно снижает ее возможность адекватно оценивать реальность и свои действия, сковывает способность контролировать поступки и прогнозировать их возможные последствия. Увеличение числа совершаемых убийств такого рода, как показывают исследования¹ правоприменительной практики, чаще всего приходится на времена социальных потрясений, сопровождающихся тяжелой социально-экономической ситуацией, когда у значительной части населения существенно падает жизненный уровень. Рост национального благосостояния, выделение значительных ассигнований на социальную сферу (в том числе поддержка материнства и детства) дает обратный эффект. Эти меры относятся к общесоциальному уровню предупреждения преступности. В данной работе рассматриваются сугубо уголовно-правовые механизмы.

Необходимо отметить, что квалификация деяния, предусмотренного ст. 106 УК РФ, вызывает как в теории, так и на практике немало острых дискуссий. Вместе с тем при всей тяжести деяния недопустимо толкование уголовного закона в ущерб виновного. Нам бы хотелось представить собственное видение некоторых спорных моментов и предложить возможные способы их урегулирования.

По нашему глубокому убеждению, противоречит здравому смыслу и общим положениям уголовного закона утверждение, что если роженица, убившая новорожденного ребенка, достигла 14, но не достигла 16 лет, то содеянное надлежит квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство малолетнего или иного лица,

заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии). Получается, что лица от 16 и старше находятся в более выгодном положении, чем от 14 до 16. Данные выводы совершенно расходятся с логикой законодателя. Лицо, совершившее деяние, предусмотренное ст. 106, не достигшее 16-летнего возраста, вообще не подлежит уголовной ответственности, так же как и лицо, совершившее убийство, предусмотренное ч.ч. 1 и 2 ст. 105 УК РФ, но не достигшее 14-летнего возраста.

Могут возникнуть вопросы относительно случаев, когда женщина, находящаяся в состоянии беременности, уже имела намерение лишить жизни новорожденного, а затем реализовала свой замысел. Если это произошло во время или сразу же после родов (как и происходит в подавляющем большинстве случаев), что указано в диспозиции 106 УК РФ, содеянное полностью укладывается в предусмотренные рамки. Если же мать убила ребенка позже обозначенного периода, при отсутствии условий психотравмирующей ситуации или состояния психического расстройства, не исключающего вменяемости, — нет. По нашему мнению, такое толкование вряд ли логично. Исходя из этого, следует, что женщина, имеющая конкретные и недвусмысленные намерения и четко реализующая свой преступный замысел в момент родов или сразу же после них должна будет отвечать по ст. 106 УК РФ. Та же, которая до конца колебалась, но убила не во время родов или сразу после них, хотя бы и в месячный срок, должна будет отвечать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Мы полагаем, что это неверно.

Аргументом может послужить то обстоятельство, что содержание диспозиции ст. 106 УК РФ время возникновения умысла никак не конкретизирует. Учитывая, что убийство матерью новорожденного ребенка является разновидностью убийства как такового, умысел, как в первом, так и во втором случае, может быть как внезапно возникшим, так и заранее обдуманном.

1 Кургужкина Е.Б. Убийство матерью новорожденного: природа, причины, предупреждение. Воронеж, 1999. С.22.

Другим фактором, оказывающим весьма существенное влияние на решения, принимаемые правоприменителем в ходе предварительного расследования, является то, что в отличие от уголовных дел, возбужденных по ст. 106 УК РФ, которые в соответствии с ч. 2 ст. 31 УПК РФ подсудны районным судам, рассмотрение уголовных дел по ч. 2 ст. 105 УК РФ (квалифицированное убийство) в соответствии с ч. 3 ст. 31 УПК РФ находится в компетенции Верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда. Поэтому следователю гораздо проще квалифицировать содеянное по ст. 106 УК РФ, учитывая, что характеристика содеянного подпадает под признаки данного состава преступления и лицо, совершившее деяние, является специальным субъектом. Показания, которые дает подозреваемая или обвиняемая, можно скорректировать, особенно если речь идет о явке с повинной или постановлении приговора в особом порядке без проведения судебного разбирательства (ст. 316 УПК РФ). Причем, если в случае совершения преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, особый порядок возможен, так как санкция не превышает 10 лет лишения свободы, то это невозможно в случае квалификации по ч. 2 ст. 105 УК РФ, где предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 20 лет и другое более строгое наказание. Прилагать же усилия по доказыванию вины в совершении убийства лица, заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ), то есть делу, которое в дальнейшем имеет весьма туманные перспективы (учитывая, что все

неустранимые сомнения, в соответствии с ч. 3 ст. 49 Конституции РФ и ч. 3 ст. 14 УПК РФ толкуются в пользу обвиняемого) вряд ли сочтут целесообразным.

По нашему мнению, вне зависимости от времени возникновения умысла и момента реализации намерений (но только лишь в месячный срок) случаи лишения жизни матерью своего новорожденного ребенка надлежит квалифицировать по ст. 106 УК РФ.

Для того чтобы исключить возможность разных интерпретаций, необходимы конкретные шаги. Выходом из ситуации могли бы стать разъяснения на уровне высшей судебной инстанции. Другой способ – внесение изменений в законодательство. По мнению ряда авторов², нужно изложить статью 106 УК РФ в новой редакции, предусматривающую ч. 2, где присутствовал бы ряд квалифицирующих признаков, например, убийство двух и более новорожденных или убийства новорожденного с заранее обдуманым умыслом. Если с первым еще можно согласиться по факту, то со вторым – нет.

Вызывают также нарекания предложения о введении такого квалифицированного состава, как убийство матерью новорожденного ребенка с особой жестокостью. Дело в том, что, как свидетельствует судебная практика, достаточно распространенной является ситуация, при которой роженица избавляется от новорожденного сразу после родов посредством нанесения ему множественных колото-резаных ран³, бросая его в выгребные ямы⁴, оставляя на холоде⁵. Все эти способы в принципе подпадают под признаки особой жестокости. Но ситуация убийства новорожденного тем и характерна, что роженица, желая поскорее избавиться от ребенка, менее всего в этот момент думает о том, причиняет ли данный способ особые стра-

2 См. напр.: Белоусов С.Н. Убийство матерью новорожденного ребенка. Проблемы правоприменительной практики. <http://www.9111.ru/articles/2010-09-05/43792-ubiystvo-materyu-novorogdenного-rebenka-problemi-pravoprimeritelnoy-praktiki.html> .

3 напр.: Приговор 1-66/2013 от 11.07.2013, Алтайский районный суд (Республика Хакасия). СПС КонсультантПлюс.

4 Приговор 1-269/2014 от 13.05.2014, Ленинский районный суд г. Иркутска (Иркутская область). СПС КонсультантПлюс.

5 Приговор 1-270/2013 от 02.10.2013. Солнцевский районный суд (Город Москва). СПС КонсультантПлюс.

дания. Поэтому проводить параллели с п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, по нашему мнению, вряд ли уместно.

Спорной при ближайшем рассмотрении является также необходимость формулирования квалифицирующего признака убийства, «совершенного группой лиц, группой лиц по предварительному сговору». Не вполне понятно, из кого будет состоять эта группа? Подобный квалифицирующий признак предполагает, что все члены группы выполняют хотя бы часть объективной стороны, будучи соисполнителями. Но в таком случае для чистоты квалификации они все должны отвечать признакам субъекта преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ. Представить себе ситуацию, когда роженицы объединяются для совместного лишения жизни собственных новорожденных детей, довольно сложно. Обычно свой замысел злоумышленницы стараются реализовать тайно, порой тщательно скрывая и сам факт беременности. Если же в процессе причинения смерти принимают уча-

стие иные лица, то их поступок подпадает под признаки преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии), наряду с п. «ж» (совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой) той же статьи. Введение подобных квалифицирующих признаков, по нашему мнению, не только не внесет ясности в ситуацию, но еще более запутает ее. В итоге правоприменитель столкнется с проблемой конкуренции составов квалифицированного и привилегированного убийств. Отметим, проблема эта и без того существует. Однако ее можно еще более усугубить.

Тем не менее всякое мнение — ценно. Стоит подчеркнуть, что любые предложения законодательных новелл требуют отдельного глубокого, тщательного осмысления и не менее взвешенного подхода. И здесь как нигде применима латинская формула: «*festina lente*» — «спеши медленно».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кургузкина Е.Б. Убийство матерью новорожденного: природа, причины, предупреждение. Воронеж, 1999.
2. Белоусов С.Н. Убийство матерью новорожденного ребенка. Проблемы правоприменительной практики // URL: <http://www.9111.ru/articles/2010-09-05/43792-ubiystvo-materyu-novorogdenного-rebenka-problemi-pravoprimeritelnoy-praktiki.html>.
3. Приговор 1-66/2013 от 11.07.2013. Алтайский районный суд (Республика Хакасия) // СПС КонсультантПлюс.
4. Приговор 1-269/2014 от 13.05.2014. Ленинский районный суд г. Иркутска (Иркутская область) // СПС КонсультантПлюс.
5. Приговор 1-270/2013 от 02.10.2013. Солнцевский районный суд (Город Москва) // СПС КонсультантПлюс.

BIBLIOGRAPHY

1. Kurguzkina EB Killing the mother of the newborn: the nature, causes, prevention. Voronezh, 1999.
2. Belousov SN Killing the mother of a newborn baby. Problems of enforcement // URL: <http://www.9111.ru/articles/2010-09-05/43792-ubiystvo-materyu-novorogdenного-rebenka-problemi-pravoprimeritelnoy-praktiki.html>.
3. Sentence 1-66 / 2013 from 11.07.2013. Altay District Court (Republic of Khakassia) // ATP Consultant.
4. Sentence 1-269 / 2014 from 13.05.2014. Leninsky District Court of Irkutsk (Irkutsk region) // ATP Consultant.
5. Sentence 1-270 / 2013 from 10.02.2013. Solntsevsky District Court (Moscow City) // ATP Consultant.

Б.А. МОЛЧАНОВ, Ю.С. АНЦИФЕРОВА

**Индетерминистские воззрения
представителей классической
школы уголовного права XIX – начала
XX в. на свободу воли как свойство
субъекта преступления**

АННОТАЦИЯ. С древности и до настоящего времени имеет место точка зрения о том, что без свободы воли не имеют смысла такие институты уголовного права, как вменяемость, вменение, вина, уголовная ответственность, поскольку несвободный субъект не может отвечать за совершенное им деяние. Эти воззрения сформировались под влиянием философии индетерминизма, оказавшей существенное влияние на развитие классической школы уголовного права XIX – начала XX в. и современную юриспруденцию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: индетерминизм, детерминизм, свобода воли, вменяемость, вина, уголовная ответственность.

МОЛЧАНОВ БОРИС АЛЕКСЕЕВИЧ – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Российского университета дружбы народов (bamvi@bk.ru).

АНЦИФЕРОВА ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА – старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (yuaanciferova1@rambler.ru).

B.A.MOLCHANOV, Y.S.ANCIFEROVA

**Indeterministic views of representatives
of the classical school of criminal law
XIX – early XX century on the free will of the will
as a property of the subject of crime**

ANNOTATION. Since ancient times to the present time there is a point of view that without free will have no sense of criminal law institutions such as responsibility, imputation, wine, criminal responsibility, as unfree subject can not be responsible for the act committed by him. These views were formed under the influence of the philosophy of indeterminacy, which has had a significant impact on the development of the classical school of criminal law XIX – early XX century and modern jurisprudence.

KEYWORDS: indeterminism, determinism, free will, responsibility, wine, criminal liability.

MOLCHANOV BORIS ALEKSEEVICH – Professor, Doctor of jurisprudence, Professor of Criminal Law and Procedure of the Russian People's Friendship University (bamvi@bk.ru).

ANCIFEROVA JULIA SERGEEVNA – senior lecturer in constitutional and Municipal Law Vladimir State University, Alexander G. and Nicholas G. Stoletovs (yuaanciferova1@rambler.ru).

В теории уголовного права принято считать, что к краеугольным идеям, на которых основывалась классическая школа уголовного права,

относилась мысль том, что человек обладает свободной волей, позволяющей ему выбирать между добром и злом, правомерной и противоправной

деятельностью и противостоять влиянию условий внешней среды¹. Так, по мнению И. Канта, человек, как разумное существо, обладает свободной волей («безусловная самодеятельность»), поэтому способен выбирать один из нескольких вариантов поведения².

Криминалист-кантианец С.Хр. Грольман (1775 – 1829 гг.) в доказательство того, что именно свобода воли должна являться основанием юридической ответственности, приводил мысль о том, что в случае непризнания существования свободы воли, действия человека всегда принудительно определялись бы законами природы, были бы не свободными, а причинно-обусловленными, и, соответственно, не могло бы идти речи о вменении и юридической ответственности. Криминалист-гегелианец А.Ф. Бернер (1818 – 1907 гг.) утверждал, что человек пользуется «высокой честью» быть свободным от необходимости и совершать преступления, что он не управляется побуждениями, что «волю его нельзя принудить» и т.п.³.

В России С.И. Баршев считал, что свобода воли – основание всего уголовного права. Она

дана человеку Богом, поэтому на нее не влияют внешние условия⁴. В.Д. Спасович полагал, что свидетельством существования свободы воли является представление о ней в сознании человека⁵. С точки зрения С. Будзинского, благодаря свободе воли человек отличается от животного. Он осознает ее существование, чувствует угрызения совести, а поэтому способен нести уголовную ответственность⁶.

В соответствии с метафизической методологией подтверждением существования свободы воли для криминалистов-классиков служили сформировавшиеся с древности теории индетерминизма, которые развивали виднейшие философы и богословы⁷.

Индетерминисты поднимали вопросы о том, что понимается под свободой воли, как она соотносится с разумом (сознанием) человека, могут ли на свободную волю и (или) разум влиять физическое здоровье человека и (или) условия внешней среды. При этом со времени индетерминистских теорий мыслителей древности до умеренного индетерминизма, защищаемого в политико-правовой мысли XIX – начала XX в.

- 1 Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М.: Изд. Московского университета. 1980. С. 129 – 130; Куванова Ю.А. Психическое расстройство, не исключающее вменяемости: история, теория, практика. Дис... канд. юр. наук. Москва. 2001. С. 42; Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. 4-е изд. СПб., 1900. С. 218.
- 2 Кант И. Критика чистого разума: Пер с нем. Н.О. Лосского. СПб. 1993. С. 326. О. С. 212; Наумов В.А. Российское уголовное право. В 3 Т. Т. 1. Изд. 4-е. – М., 2007. С.696; Чубинский М.П. Очерки уголовной политики. М., 2008. С. 290.
О воззрениях И. Канта и др. представителей индетерминизма на свободу воли см., например: Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. 4-е изд. СПб., 1900 См.: Учебник университета. 1980. С. 129 – 130; Куванова Ю.А. Психическое расстройство, не исключающее вменяемости: история, теория, практика. Диссертация на соискание уч. степ. канд. юр. наук. Москва. 2001. С. 42; Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. 4-е изд. СПб., 1900. С. 218.
- 3 Кант И. Критика чистого разума: Пер с нем. Н.О. Лосского. СПб. 1993. С. 326. О воззрениях И. Канта и др. представителей индетерминизма на свободу воли см., например: Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. 4-е изд. СПб., 1900. С. 212; Наумов В.А. Российское уголовное право. В 3 Т. Т. 1. Издание немецкого уголовного права (Часть общая) А.Ф. Бернера. С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н. Неклюдова. Т. 1. СПб. 1867.
- 4 Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях. Сочинение Императорского Московского Университета Ординарного Профессора, Доктора Прав Сергея Баршева. М., 1841. С. 33 – 34.
- 5 См. критику этой идеи: Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. 4-е изд. СПб. 1900. С. 213.
- 6 Будзинский С. Начала уголовного права. Варшава. 1870. С. 72.
- 7 Индетерминистские воззрения имели место еще в правовой и политической мысли государств Древнего мира – Древней Греции (Платон, Аристотель), Древнем Риме (Цицерон). В период Средневековья с теологической точки зрения свободу воли обосновывали Фома Аквинский, Августин Блаженный. Затем вопроса о соотношении свободы воли и разума касался Т. Гоббс, о взаимозависимости свободы воли и чувств писал Т. Локк и др. Представители индетерминистских теорий видели истоки правомерной и противоправной деятельности человека в проявлении его свободной, а, следовательно, независимой от внешних обстоятельств воли.

понятие «свобода воли» претерпело изменения, начиная от представления о свободе воли как о полной независимости воли от внутренних или внешних причин до признания свободы воли в действиях человека, которые подчиняются закону достаточной причины, но причинность которых обуславливается внутренним миром человека⁸.

По мнению авторов статьи, распространению индетерминистских воззрений в классической школе уголовного права способствовали: 1) потребности религиозного и нравственного объяснения истоков деятельности человека с помощью издревле известного понятия «свобода воли», которому, по сути, до середины XIX в. не было альтернативы в связи с недостаточным уровнем естественнонаучных знаний; 2) использование понятия «свобода воли» не только философами и теологами, но и авторитетными психиатрами XIX в. — И.Ф. Гербертом (1776 — 1841 гг.), М.В. Дробишем (1802 — 1896 гг.), Г. Спенсером (1820 — 1903 гг.), Г. Мюнстенбергом (1863 — 1916 гг.) и др.; 3) укрепление в политико-правовой мысли идеи, развиваемой представителями просветительно-гуманистического направления уголовного права XVIII в. о свободе личности и ее достоинстве; 4) невозможность резкого переосмысления и изменения научных традиций и методологии, которая складывалась веками. В XXI в. криминалисты продолжают изучать влияние свободы воли и разума на возможность его уголовной ответственности.

Переосмыслению воззрений на свободу воли способствовали детерминистские концепции о причинах деятельности человека. Они издревле противопоставлялись индетерминистским воззрениям. Еще Эпикур, П. Захиа, Б. Спиноза, а затем и криминалисты позитивного направления в уголовном праве защищали обусловленность

деятельности человека объективными факторами — Высшим Разумом, условиями внешней среды и др. обстоятельствами, независящими от человека.

По мнению В.В. Есипова, теория детерминизма наиболее полно выражена в учении Дж. Ст. Милля (Милль. Система логики. Рус. Перевод, 1867), которому в Европе следовали Меркель, Иеринг, в некоторой степени Лист, а в России — Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий, Н.Д. Сергеевский и др.⁹.

Не согласимся с Ю.А. Кувановой, полагающей, что споры между индетерминистами и детерминистами в философии и юриспруденции идут «примерно с XVIII века»¹⁰, поскольку индетерминистские и детерминистские воззрения противопоставлялись еще в государствах Древнего мира. Но в связи со значительными успехами естественных, медицинских и социальных наук в течение XIX в. именно с этого времени детерминистские концепции стали приобретать популярность и способствовали формированию позитивных (антропологической и социологической) школ уголовного права. В то же время доказательства влияния на выбор варианта поведения человеком его врожденных особенностей и (или) условий внешней среды способствовали усложнению понимания соотношения свободы воли, разума и причинности в классической школе уголовного права XIX — начале XX века.

Антагонизм между детерминистами и индетерминистами заключался в том, что первые упрекали вторых за отсутствие четкого определения свободы воли; невозможность доказательства ее существования, пренебрежение к изучению объективных причин преступности¹¹. Представители теорий индетерминизма, в свою очередь, критиковали детерминистов за принижение значения

8 Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. В двух томах. Т. I. М., 1994. С. 149 — 150.

9 Есипов В.В. Очерк русского уголовного права. Часть Общая: Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. Изд. 2-е. 1898. С. 108.

10 Куванова Ю.А. Указ. соч.

11 Н.С. Таганцев, например, считал, что доказательства существования свободы воли затруднительны на практике. Теоретически понятие «свободы воли» противоречит закону достаточной причины, а практически существование свободы воли, самопроизвольности человеческих действий противоречит возможности карательной деятельности государства. Наказание в этом случае выполняет только функцию возмездия. Указ. соч. С. 150 — 151. Н.Д. Сергеевский отмечал, что сторонники индетерминизма ссылаются либо на диалектические рассуждения (Х.Р. Кестлин), либо на свидетельство ►

душевных сил человека, отождествление человеческих действий с проявлением физических и физиологических сил, в поддержке механической теории человеческих действий¹².

В итоге перед наукой уголовного права была поставлена задача всестороннего изучения как субъективных свойств правонарушителя, так и влияния на его поведение наследственности, социальных и других внешних факторов. Многие криминалисты-классики во второй половине XIX – начале XX в. стали проверять сложившуюся теорию уголовного права, разработанную на основании метафизической методологии, при помощи позитивных методов исследования.

Автор, как считается, первого учебника уголовного права в России, В.Д. Спасович, признающий уголовно-правовое значение свободной воли, обращал внимание, что «...Если мы пойдем слишком резко против метода естественных наук, выразившегося в учении детерминистов, то мы разойдемся с истиною, потому что во многих отношениях деятельность нашего я в волевых актах далеко не свободна»¹³.

Другой корифей уголовного права Н.С. Таганцев считал, что строить учение о вменяемости на основании свободы воли будет «теоретически неверным и практически непригодным», но отрицание свободы воли может привести к механической теории человеческих действий, к отрицанию рациональной теории наказуемости. Более правильным он считал рассматривать понятие вменяемости с позитивной точки зрения на

основании понятия виновности и ее элементов. В то же время он говорил о волевом характере действий человека, о свободе в выборе действий¹⁴.

Проблема уголовно-правового значения свободы воли обострялась тем, что представители классической школы уголовного права в силу многообразия философских концепций, на которые они опирались, не имели точного определения того, что следует понимать под свободой воли. Например, с 1887 по 1889 годы вопрос о свободе воли рассматривался в Московском психологическом обществе, в рамках работы которого Н. Грот полагал, что: «Воля личности есть обособившийся элемент всеединой вселенской воли». А врач Кирсанов предполагал волю там, где есть душа, следовательно – в человеке¹⁵.

И. Кант и криминалисты-кантианцы (С.Хр. Грольман, Цветаев) на основании идеологии субъективного идеализма рассматривали свободную волю и разум как врожденные свойства человека. Г.В.Ф. Гегель и криминалисты-гегелианцы (А. Бернер), исходя из их философии объективного идеализма, понимали ее как объективно существующую часть всеобщей воли, абсолютного духа, идеи добра, справедливости. Х.Р. Кестлин (1813 – 1856 гг.) («Новая ревизия», 1845 г.) в воле видел сущность или форму, которая наполнялась содержанием – желаниями, хотениями¹⁶. А.Ф. Бернер в воле видел «нечто определяющее, но само неопределенное – общность (Allgemeinheit) и нечто определенное, но не определяющее – частность (Besonderheit)»¹⁷.

◀ нашего сознания о существовании свободы воли (С. Будзинский, В.Д. Спасович). Н.Д. Сергеевский считал, что наше сознание может ошибаться. Например, долгое время наше сознание свидетельствовало, что солнце движется вокруг земли, а не наоборот. См.: Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. 4-е изд. СПб. 1900. С. 213. Критику индетерминистских воззрений И. Канта См.: Чубинский М.П. Очерки уголовной политики. М., 2008. С. 290.

12 Например, по С. Баршеву, защищать точку зрения материализма, по которой чувственное начало преобладает над духовным и ведет к болезням воли, значит нравственно убивать человека. С. Баршев считал, что если вслед за представителями теорий материализма признать несвободу человека, то нельзя говорить о вменении и наказании. См.: Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях. Сочинение Императорского Московского Университета Ординарного профессора, доктора прав Сергея Баршева. М., 1841. С. 35, 70. См.: Н.С. Таганцев. Указ. соч. С. 151.

13 Цит. по: Спасович В.Д. Избранные труды и речи. Тула. 2000. С. 124.

14 Цит. по: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. В двух томах. Т. I. М. 1994. С. 151.

15 Цит. по: Спасович В.Д. Там же. С.118.

16 Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. В 2-х т. Т. I. М., 1994. С. 149–150.

17 На неясность воззрений о свободе воли криминалистов-гегелианцев обращал внимание М.П. Чубинский, считая, что их идеям свойственен «метафизический туман», «даже ясные и простые прежде понятия становились неясными, а живая ▶

Г.В. Лейбниц и его последователи (Х. Вольф, Г.Фр. Мейер) под волей понимали сочетание желания и предвидения того, какими средствами может быть удовлетворено желаемое. Известный российский криминалист-классик середины XIX в. С. Баршев полагал, что в сознании («уме») человека борется злое и доброе начало, поэтому внешнее выражение воли заключается в решимости на что-либо¹⁸. В.Д. Спасович под свободой воли понимал «возможность лица самоопределяться к действию, пока ему служат физические силы, по мере своего знания и творчества»¹⁹. С. Будзинский описывал свободу как «способность отрешаться от влияния чувственности и подчинить деяния свои идее добра»²⁰.

Однако еще в первой половине XIX в. некоторые криминалисты, признавая невозможность точного определения свободы воли, задумывались о возможности выделения других оснований уголовной ответственности и признаков вменяемости. А. Фейербах, которого причисляют к основателям классической школы уголовного права в Западной Европе, не употреблял понятие «свобода воли», но, по сути, трансформировал его в желание субъекта совершить преступление²¹. Фейербах считал, что своей теорией уголовного вменения он сделал уголовное право независимым от метафизических принципов и понятий²².

В России во второй половине XIX – начале XX века Н.Д. Сергеевский, защищавший основные положения, разработанные классической школой уголовного права и в то же время использовавший

в своих трудах данные социологии и факты истории, также отказался от использования понятия «свободы воли» как признака субъекта преступления²³.

Как уже отмечалось, неоднозначно к уголовно-правовому значению свободной воли относился и корифей российского уголовного права Н.С. Таганцев. Соответственно неверно утверждение о том, что все представители классической школы уголовного права являлись сторонниками теории индетерминизма. Признание свободы воли как основания важнейших уголовно-правовых институтов не является отличительной чертой классической школы уголовного права. Криминалистско-классиков скорее объединяет идея о психической самостоятельности (свободе) человека, благодаря которой он мог являться субъектом уголовного права и нести уголовную ответственность.

Данный вывод подтверждается тем, что на уголовно-правовое значение свободы воли обращали внимание не только некоторые криминалисты-классики, но и представители позитивных школ уголовного права²⁴. Например, по мнению криминалиста социологической школы уголовного права П.П. Пусторослева, свобода воли в значении свободы выбора имеет уголовно-правовое значение при установлении вины вменяемого субъекта преступления, а не при установлении вменяемости²⁵.

Криминалист-социолог В.В. Есипов (как и И. Кант) метафизически обосновывал существование свободы воли тем, что человек состо-

◀ действительность, подлинный мир преступников и подлинная обстановка преступности совершенно исчезли из виду». Цит. по: Чубинский М.П. Очерки уголовной политики. М., 2008. С. 351.

18 Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях. Сочинение Императорского Московского Университета Ординарного Профессора, Доктора Прав Сергия Баршева. М., 1841. С. 33 – 34.

19 Учебник уголовного права, составленный В. Спасовичем. Том I. (Выпуск первый). СПб., 1863. С. 117.

20 Цит. по: Будзинский С. Начала уголовного права. Варшава. 1870. С. 72.

21 См. о желании субъекта совершить преступление: Уголовное право. Сочинение доктора Павла Ансельма Фейербаха СПб., 1810. С. 96; Пионтковский А.А. Уголовно-правовые воззрения И.Канта, А. Фейербаха и Фихте. М., 1940. С. 108–110.

22 Пионтковский А.А. Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте. М., 1940. С. 111.

23 Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. 4-е изд. СПб., 1900.

24 Пусторослев П.П. Преступность, виновность и вменяемость // Журнал Минис-терства юстиции. Май. 1907. С. 166 – 168. Есипов В.В. Очерк русского уголовного права. Часть Общая: Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. Изд. 2-е. 1898. С. 107.

25 Пусторослев П.П. Преступность, виновность и вменяемость. // Журнал Министерства юстиции. Май. 1907. С. 166 – 168.

ит из двух субстанций: духовной и материальной. Физическую сторону регулирует закон причинности, а духовную — целевой закон²⁶. Таким образом, криминалисты-классики выходили за рамки метафизического спора о существовании и определении свободы воли. Они обращались к вопросам о соотношении волевых и познавательных особенностей личности, которые делают ее ответственной за свои действия. Не точным видится положение и о том, что классическая школа уголовного права придавала уголовно-правовое значение только одному субъективному свойству правонарушителя — свободе воле. Скорее она защищала дуалистичность свободной воли и разума (сознания, мышления), свойственных правонарушителям, как и другим людям.

Однако криминалисты-классики не смогли сформулировать точного определения свободной воли, которое было необходимо для теоретического осмысления важнейших вопросов Общей

части уголовного права и для уголовно-правовой практики. Развиваемые ей воззрения зачастую носили идеалистический характер и были трудно применимы на практике. Под влиянием позитивных школ уголовного права к концу XIX — началу XX в. уголовная ответственность субъекта преступления ставилась в зависимость от понимания им своей деятельности и ее социального значения. Свобода воли преобразовывалась в желания правонарушителя или возможность свободного выбора варианта поведения.

Опыт криминалистов XIX — начала XX в. показывает, что для того, чтобы наука уголовного права формулировала четкие и практически эффективные положения, необходима «интеграция» научных знаний между криминалистами различных государств и специалистов других (социальных и естественных) наук; комплексное использование философских и позитивных методов; анализ накопленного опыта научной работы и новаторских идей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кант И. Критика чистого разума: Пер с нем. Н.О. Лосского. СПб. 1993.
2. Пионтковский А.А. Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте. М. 1940.
3. Пусторослев П.П. Преступность, виновность и вменяемость //Журнал Министерства юстиции. Май. 1907.
4. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. 4-е изд. СПб., 1900.
5. Спасович В.Д. Избранные труды и речи. Тула. 2000.

BIBLIOGRAPHY

1. Kant, I. Critique of pure reason: Pen with him. N. About. Lossky. SPb. 1993.
2. Piontkovsky A. A. legal opinions of Kant, A. Feuerbach and Fichte. M. 1940.
3. Pastoraes PP Crime, guilt and sanity. //Journal of the Ministry of justice. May. 1907.
4. Sergeev N.D. Russian criminal law. A guide to the lectures. The Portion Of The Total. 4th ed. SPb., 1900.
5. Spasovic C. D. Selected papers and speeches. Tula. 2000.

26 Есипов В.В. Очерк русского уголовного права. Часть Общая: Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. Изд. 2-е. 1898. С. 107.

А.Ю. ЧУПРОВА

Уголовно-правовая оценка мошенничества

АННОТАЦИЯ. В статье проанализированы новые уголовно-правовые составы мошенничества, введенные в Уголовный Кодекс РФ законом № 207. В статье даны интерпретация и разъяснения относительно применения новых норм о мошенничестве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мошенничество, уголовный закон, кредитные карты, личная информация, страхование, спам.

ЧУПРОВА АНТОНИНА ЮРЬЕВНА – профессор кафедры уголовного права и криминологии Российской правовой академии Минюста России, кандидат юридических наук, доцент.

A.U. CHUPROVA

Criminal law assessment of fraud

ANNOTATION: There have been analyzed two new criminal of fraud imposed by the Criminal Code of RF Law 207 in the article. The article provides interpretation and explanation for the application of new rules of the criminal law of fraud.

KEYWORDS: fraud, criminal law, credit card, personal information, spam, insurance.

CHUPROVA ANTONINA UREVNA – professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Russian Academy of Justice of the Ministry of Justice of Russia, candidate of jurisprudence, associate Professor.

В ноябре 2012 года в УК РФ Федеральным законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ были внесены изменения. В УК в дополнение к основному составу мошенничества были включены еще шесть вариантов мошенничества, что встретило достаточно негативную реакцию как правоприменителей, так и представителей уголовно-правовой доктрины.

Появление в российском уголовном законе новых видов мошенничества вызывает возражение по нескольким моментам.

Во-первых, не совсем понятно, что явилось критериями выделения именно этих видов мошенничества. Новые нормы касаются всей предпринимательской деятельности в целом, отдельных ее сфер – кредитной и страховой, двух способов совершения преступления – подлога кредитных карт и использования компьютерной информации, а также сферы государственных выплат. Найти что-то общее, что было положено в основу появления именно этих норм, достаточно сложно. Кроме того, в экономике есть сферы, имеющие не менее важное значение для

ее развития, чем кредитная и страховая, в частности фондовый рынок, но особого внимания законодателя он не удостоился.

Во-вторых, выделяя специальные нормы в качестве отдельных криминальных видов мошенничества, законодатель вольно или невольно частично декриминализировал конкретные его проявления, увеличив минимальные пределы крупного и особо крупного размера до полутора и шести миллионов рублей соответственно. Вопреки принятым в теории уголовного права принципам соотношения общей и специальной нормы, специальные виды мошенничества признаются законодателем значительно менее опасными вариантами обмана, нежели общая норма. Так, за мошенничество, не являющееся крупным, в санкции ч. 1 ст.159 УК РФ указано наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет, в новых нормах, предусматривающих ответственность за различные варианты мошенничества, за исключением ч.1 ст.159.4 УК РФ, наказание в виде лишения свободы отсутствует. При совершении мошенничества в сфере пред-

принимательства лишение свободы допускается, но на срок не более одного года. При этом следует иметь в виду, что не крупное мошенничество в ст.ст. 159.1, 159.3, 159.4, 159.5, 159.6 включает в себя деяния, признаваемые применительно к общей норме — ст. 159 УК РФ, квалифицированными и особо квалифицированными по признакам хищения в крупном и особо крупном размере¹. К тяжким преступлениям в специальных нормах относится лишь причинение особо крупного ущерба. Мошенничество в крупном размере в новых статьях рассматривается как преступление средней тяжести, хотя применительно к общей норме позиция законодателя иная: указанное деяние признается тяжким преступлением. Представляется, что новые статьи о мошенничестве обладают крайне низким превентивным потенциалом. Благодаря провоцирующей позиции законодателя следует ожидать всплеска этих видов мошенничества. Не исключено, что их применение может содержать и коррупционную составляющую.

В-третьих, одной из целей принятия новых норм называлась стремление упростить практику применения положений о мошенничестве. Однако это обстоятельство вызывает определенные сомнения.

1. Стремясь оградить кредитную сферу от криминальных проявлений, законодатель избрал половинчатое решение. Кредитное мошенничество, представленное в ст. 159.1 УК РФ, касается лишь одной стороны кредитных отношений — заемщика. Ответственность наступает за хищение денежных средств именно заемщиком путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений. На кредитора данная норма не распространяется, хотя кредитные отношения являются двусторонними. Отношения кредитор-заемщик содержат много аспектов, когда нарушаются интересы заемщика, но даже возможность возложения ответственности на кредитора в законе не указана.

Принимая норму об ответственности за кредитное мошенничество, законодатель исходит из традиционного представления о порядке получения кредита: физическое лицо сообщает в банк или иную кредитную организацию заведомо недостоверные сведения, которые либо не дают полного представления о материальном положении лица, либо искажают правдивую информацию. Однако законодатель не учел темпов развития информационных технологий и их внедрения в банковскую деятельность. Процесс получения кредитов, особенно микрокредитов, кредитные организации стараются максимально автоматизировать, но в процессе его получения заемщиком всегда присутствует человек. Однако возможны и иные ситуации.

Кредитный проект Qiwi с сервисом SMSfinance, предусматривает получение кредита на электронный кошелек Qiwi или банковский счет. Для получения займа потребуется сначала открыть личный кабинет на сайте Qiwi и зарегистрироваться на интернет-сайте сервиса SMSfinance. В предложенной анкете от SMSfinance заполняются поля с информацией об электронном почтовом адресе, номере мобильного телефона, прикладывается сканированная копия паспорта и второго документа, сообщается номер кошелька Qiwi².

Обмен подтверждений между заемщиком и займодавцем происходит с помощью SMS-сообщений на мобильный телефон клиента. Некоторые операции, в том числе получение идентификационных паролей для SMS, доступны через терминал Qiwi. Кредитный лимит устанавливается для каждого индивидуально. Максимальная сумма займа 15 тыс. руб. Вернуть заем можно несколькими способами, в том числе через терминалы или кошелек Qiwi. Данный вид кредита не предусматривает контакта клиента с менеджером компании, заемщик осуществляет связь со специальной компьютерной программой.

Компания, работающая под брендом «Е-деньги» создала терминалы, полностью автоматизировавшие процесс получения кредита и

1 Собрание законодательства РФ. 03.12.2012, N 49, ст. 6752.

2 URL: <https://www.smsfinance.ru/>.

исключающие контакты заемщика с менеджером. Принцип работы заключается в том, что терминал сам сканирует паспорт, сам проставляет данные из него в соответствующие поля в заявке на кредит, подсказывает пользователю варианты ответов на вопросы. Весь скоринг — то есть оценка платежеспособности клиента — происходит в автоматическом режиме, сличается только фотография заемщика со сканом паспорта³. Такие варианты кредитования получают все большее распространение и создают определенные криминальные проблемы. Для получения кредита вполне может быть использован поддельный или чужой паспорт. Возникает вопрос: как в таком случае следует квалифицировать действия лица? Представляется, что при квалификации подобных действий возникает конкуренция сразу нескольких норм — ст.159.1, ст.158 и ст.159.6 УК РФ.

Действительно, лицо получило кредит, но сотрудник кредитной организации при этом обманут не был, и решение в пользу заемщика под влиянием заблуждения не принимал. Терминал вряд ли можно назвать стороной, введенной в заблуждение. В п.13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении или растрате» указано, что не образует состава мошенничества хищение чужих денежных средств... если выдача наличных денежных средств осуществляется посредством банкомата без участия уполномоченного работника кредитной организации⁴. В этом случае содеянное следует квалифицировать по соответствующей части статьи 158 УК РФ. Ситуация получения кредита в терминале и получения денег в банкомате с помощью поддельной карты имеет общие черты, однако не тождественна. Тем более что в законе появилась специальная норма, предусматривающая ответственность за компьютерное мошенничество. В ст.159.6 УК РФ способом является ввод компьютерной информации. Но можно ли признать использование сканированной копии поддельного паспорта вводом компьютерной

информации — вопрос спорный. Если исходить из того, что компьютерная информация представляет собой любые данные, представленные в электронном виде, применение ст.59.6 УК РФ допустимо. Но, тем не менее, любой вариант квалификации аналогичных ситуации не будет однозначным и всегда будет содержать предмет для дискуссий.

2. В ст.159.5 УК РФ предусмотрена ответственность за мошенничество в сфере страхования, то есть хищение чужого имущества путем обмана относительно наступления страхового случая, а равно размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором страхователю или иному лицу. Как и в статье 159.1 УК, предусматривающей ответственность за кредитное мошенничество, законодатель существенно сузил проблемы, с которыми сталкиваются страховые компании и страхователи. Ответственность по данной норме предусмотрена только для страхователей и касается она лишь двух обстоятельств — наступления страхового случая и размера страхового возмещения.

Но как следует оценивать поведение лица, которое не вводит страховщика в заблуждение относительно указанных в законе обстоятельств, но при этом имеет страховой полис, полученный по чужим или поддельным документам и, соответственно, содержащий недостоверную информацию. Вряд ли в таком случае можно применить ст.159.5 УК в силу крайне ограниченного числа вариантов поведения, перечисленных в норме. Если применить в отношении такого субъекта общую норму, то его положение существенно ухудшится в сравнении с другими страхователями, допустившими обман, касающийся исключительного страхового случая, что представляется нарушением принципа справедливости. Данная статья предоставляет возможность для правильной оценки наиболее простых случаев, но порождает сложности при квалификации ситуаций, когда, например, страховой случай с залоговым имуществом, не соответствующим по своему качеству

3 URL: <https://www.edengivam.ru/sistema-e-dengi/o-sisteme-e-dengi/>.

4 Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.

описанию, данному в документах, создается с целью завладения кредитными средствами из-за конкуренции ст.159.1 и159.6 УК РФ.

3. Мошенничество с кредитными картами также создает квалификационные проблемы, не учтенные законодателем. Схемы таких мошенничеств, применяемые современными злоумышленниками, различны. В основе этих схем лежит использование поддельной карты или карты, принадлежащей другому лицу, незаконно полученной виновными.

Подделка карт тесно связана с получением личных данных владельца карты и реквизитов карты, которые можно получить с помощью специальных считывающих устройств, копирующих имя держателя, номер карты, срок окончания срока ее действия, CVV – и CVC-код. ПИН-код можно узнать при помощи накладок или мини-камер, установленных в банкомате (skimming). Такие манипуляции могут проводиться не только в банкоматах, но и торговых точках, ресторанах, интернет-магазинах и т.д.

Значительную роль в разветвленных хищениях средств с депозитов физических лиц играют работники банков и иных платежных систем, нередко сотрудничающие с карточными мошенниками.

Еще одним способом получения данных выступает технология фишинга (phishing), в основе которой находятся рассылка спама, использование вредоносных программ⁵, например, рассылка почтовых червей потенциальным жертвам, использование поддельных сайтов, создание компьютерных сетей (ботнетов), объединяющих без ведома их владельцев тысячи компьютеров, зараженных программами – роботами, выполняющими в интересах владельца ботнета определенные действия. Этот способ получения данных может выполняться с помощью электронной почты или sms-рассылок, Интернет, в комбинации этих способов.

Получение доступа к личным данным позволяет не только использовать цель завладения

средствами на карточных счетах, но и открывает дорогу к иным депозитам, а также предоставляет возможность получать кредиты с помощью автоматов или в режиме реального времени, поскольку непосредственного контакта с работником кредитной организации злоумышленник не имеет и полностью не аутентифицируется.

Следует отметить, что с расширением объема коммерческой деятельности в сетях Интернет личные данные, позволяющие установить наиболее важные сведения о человеке, приобретают все большую ценность, а ущерб, который может быть причинен с путем использования персональной информации, связан не только с прямыми имущественными потерями, но и упущенной выгодой, негативными социальными последствиями, организационным вредом, подрывом деловой репутации.

Учитывая тот факт, что нелегальное завладение личными данными представляет угрозу безопасности личности в информационной среде, зарубежный законодатель давно ввел уголовно-правовой запрет на любые варианты противоправного их получения.

Так, в соответствии с уголовным законодательством Калифорнии признается преступлением незаконное использование персональной информации, понятие которой включает (но не ограничивается) имя, адрес, номер телефона, водительского удостоверения, лицензии коммерческого водителя, номер социального страхования, страховой идентификационный номер, паспортные данные, свидетельство о рождении, место работника, идентификационный номер сотрудника организации, девичья фамилия матери, данные депозита, сберегательного счета, личный идентификационный номер, номер кредитной карты, пароль, коды и т.д. живых и умерших (ст.2913.49 (A) Свода законов Калифорнии)⁶.

В соответствии со ст.2913.49 (B) ни одно лицо без прямого и подразумеваемого согласия другого лица не может использовать, получать или обладать персональной информацией другого лица

5 Стоянов Р.В. Компьютерный фишинг – судебный приговор // Право и кибербезопасность. 2012. № 1. С. 27 – 29.

6 URL: [http:// americana75.allrpg.info/20/88/](http://americana75.allrpg.info/20/88/).

с намерением выполнить одно из следующих действий: использовать имя другого лица как свое или предоставлять информацию, идентифицирующую другое лицо как личную идентификационную информацию (ст.2913.49 (B)(1)(2)⁷.

Уголовной ответственности подлежат также лица, владеющие, получающие, использующие, подделывающие персональную информацию другого лица с целью пособничества или подстрекательства другого лица в нарушении положений ст.2913.49 (B) или добывать персональную информацию другого лица в целях обмана, и те, кто позволяет использовать свою идентифицирующую информацию с намерением совершить обман (ст.2913.49 (C)(D) (E).

Законодатель вводит защиты, т.е. положения, исключаящие уголовную ответственность за незаконное получение и использование персональных данных, если лицо является представителем правоохранительного органа, прокурором, адвокатом, поверенным, специалистом в области информационной безопасности и владеет, получает и использует персональные данные исключительно в служебных целях с письменного или устного согласия самого лица, его родственников или адвоката.

Сам факт совершения указанных противоправных действий представляет собой преступление пятой степени. Опасность совершенного деяния повышается, если с использованием полученной нелегально персональной информации был причинен имущественный ущерб. Если вред

превышает сто пятьдесят тысяч долларов, содеянное лицом признается преступлением второй степени. Если такой ущерб причинен пожилому человеку или инвалиду – это рассматривается как квалифицирующий признак, – опасность увеличивается и преступление определяется как деяние первой степени.

С учетом опасности хищения персональных данных для развития информационной экономики и безопасности, подтвердившего свою эффективность законотворческого опыта других государств с высоким уровнем развития электронной коммерции и того обстоятельства, что незаконное завладение персональными данными является основным условием различных вариантов завладения денежными средствами, хранящимися на депозитах, представляется целесообразным ввести уголовно правовой запрет на хищение персональных данных и иной идентифицирующей информации, расположив новую норму в главе 28 УК РФ.

Ст.273.3 Хищение персональных данных или иной идентифицирующей информации

1. Хищение с целью сбыта или совершения преступлений, либо сбыт персональных данных или идентифицирующей физическое лицо информации, –

2. Хищение с целью сбыта или совершения преступлений, либо сбыт компьютерных паролей, кодов доступа или иных данных, с помощью которых может быть получен доступ к компьютерной системе организации в целом или любой ее части.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Гавло В.К., Белицкий В.Ю. Проблемы изучения способов совершения мошенничеств, действующих по принципу "финансовых пирамид" // Российский следователь. 2012. № 1.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2015.
3. Кошаева Т.О. Ответственность за преступления в сфере экономической деятельности: пути развития российского уголовного законодательства // Журнал российского права. 2014. № 6.

BIBLIOGRAPHY:

1. Gavlo V.K., Belitsky V.Yu. Problems of studying of ways of commission of the frauds operating by the principle of "financial pyramids" // the Russian investigator. 2012. № 1.
2. The comment to the Criminal code of the Russian Federation: in 2 t. (itemized) / under the editorship of A.V. Brilliantov. M.: Prospektu", 2015.
3. Koshayeva T.O. Otvetstvennost for crimes in the sphere of economic activity: ways of development of the Russian criminal legislation//Magazine of Russian law. 2014. № 6.

⁷ Там же.

Л.А. БУКАЛЕРОВА, Р.В. ШАГИЕВА

Коррупционные преступления в сфере образования

АННОТАЦИЯ. В статье проанализировано современное состояние коррупции в сфере образования, показана опасность этого явления для дальнейшего развития российского общества, освещены ее отдельные негативные проявления, ставшие предметом обсуждения в исследованиях ученых-юристов. На основе изложенного авторы предлагают собственное видение мер по предотвращению коррупционных преступлений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коррупция, взятка, опрос общественного мнения, мировоззрение личности, правовой нигилизм, коррупционные преступления в сфере образования, борьба с коррупцией.

БУКАЛЕРОВА ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА – доктор юридических наук профессор, заведующая кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов (РУДН).

ШАГИЕВА РОЗАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Финансового университета при Правительстве РФ, первый проректор РААН.

L. BUKALEROVA, R. SHAGIEVA

Crimes of corruption in education

ANNOTATION. The article analyzes the current state of corruption in the education sector, shows the danger of this phenomenon for the further development of Russian society and highlights some of its negative manifestations that have become the subject of discussion in the research of legal scholars. Based on the foregoing, the authors offer their own vision of measures to prevent corruption-related crimes.

KEYWORDS: corruption, bribery, public opinion poll, world outlook, legal nihilism, corruption-related crimes in the area of education, the fight against corruption.

BUKALEROVA LYUDMILA – Doctor of jurisprudence, Professor, Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics Russian Peoples Friendship University (University).

SHAGIEVA ROZALINA – Doctor of jurisprudence, Professor, Professor of the Theory and History of State and Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Vice-Rector RAAN.

Злободневность проблемы коррумпированности органов государственной власти настолько очевидна и огромна, что ее сравнивают по уровню катастрофичности проявления и воздействия на государство и общество с Великой Отечественной войной.

15 января 2015 г. Председатель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин сказал, что начиная с 2011 года к уголовной ответственности за коррупционные преступления привлекли 2487 лиц, обладающих особым правовым статусом, среди них 37 депутатов законодательных органов

субъектов, 1703 депутата и выборных глав органов местного самоуправления, 12 судей, 65 прокуроров, 213 адвокатов, 231 следователь МВД, 34 следователя ФСКН, 1 следователь ФСБ, 44 следователя Следственного комитета¹.

Коррупция оказывает губительное воздействие на экономику, политику, правосознание, нравственность общества, что особенно важно — на молодежь. Вот почему особенно нетерпимы ее проявления в сфере управления образованием и в целом — в системе образовательных организаций.

1 Козлова Н. Причина и следствие. Александр Бастрыкин: За коррупцию мы привлекли 2487 лиц из числа "неприкасаемых" // URL: <http://rg.ru/2015/01/15/bastrykin.html>.

ЮНЕСКО опубликовало основные положения доклада о масштабах коррупции в сфере образования в мире. Доклад подготовил Международный институт планирования образования (ИЕР), проанализировавший положение в 60 странах. Приведенные в докладе сведения свидетельствуют, что коррупция разъедает образование повсеместно и наносит серьезный ущерб системам образования во всем мире. Причиной коррупции, по большому счету, является общее падение нравов. Реальные ценности все больше подменяются ценностями мнимыми: вместо знаний — кафедра за деньги и любой диплом в зависимости от суммы. Так разрушается российский капитал знаний, отмечают эксперты. Это ситуация, когда квазистуденту лекцию читает псевдопрофессор, когда они оба проплатили свой статус на рынке знаний. Рынок знаний становится какой-то фикцией, прикрывающей реальное существование щедро финансируемого рынка статусов. Абсурдность состоит в том, что два таких коррупционера вполне устраивают друг друга².

Убеждены, что коррупция опасна именно снижением качества выполнения государственных функций и девальвацией различных государственных и общественно значимых сфер, в частности — сферы образования. Соответственно данная проблема требует особого внимания как со стороны законодателя, так и со стороны ученых. Как нам представляется, ее общественная опасность обусловлена рядом обстоятельств.

Во-первых, в нее вовлечено и постоянно вовлекается значительное количество граждан, которые сталкиваются с различными проявлениями коррупции в детском саду, в школе, в вузе, при написании и защите диссертаций.

Во-вторых, именно в сфере образования коррупция воспроизводима, она воспитывает в

учащихся, студентах, аспирантах нигилизм по отношению к праву, желание повторить самому легкий способ получения денежных средств, иных материальных благ. Поэтому, сталкиваясь с недобросовестным педагогом, руководителем образовательной организации, берущим взятку, совершающим иное коррупционное преступление, он не считает такие деяния вредными, общественно опасными, а наоборот, воспринимает их полезными для себя, а что самое опасное — не прочь его повторить самому в будущем, при занятии какой-либо должности.

1. Точное количество коррупционных преступлений именно в сфере образования назвать невозможно, так как официальная статистика их не выделяет. Важно отметить, что согласно данным МВД России, в последнее время самая большая коррупция — в сфере образования³.

Поэтому в своем исследовании мы будем опираться на мнения, полученные в ходе опросов экспертов и населения.

Так, по оценкам экспертов, размах коррупции в образовании достигает 30 млрд руб. в год, при этом считается, что практически каждый рано или поздно сталкивается с этим явлением⁴.

Международное движение по противодействию коррупции Transparency International опубликовало 3 декабря 2014 года юбилейный, двадцатый Индекс восприятия коррупции. В нем отмечено, что в 2014 году Россия получила 27 баллов (на один балл меньше, чем в 2013 году) и заняла 136-е место, поделив его с Нигерией, Ливаном, Кыргызстаном, Ираном и Камеруном. Но из-за нерешительности в преследовании коррупционных преступлений и хаотичности мер по предотвращению коррупции Россия остается в последней трети Индекса восприятия коррупции (ИВК)⁵.

Итак, результаты опроса населения свидетельствуют, что абсолютное его большинство (около

2 Рынок статусов: лжепрофессора учат квазистудентов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravda.ru/society/how/17-03-2011/1070391-vuz-0> (дата обращения: 17.03.2011).

3 Аргументы и факты. 2006. № 23.

4 Коррупция в образовании, по мнению экспертов, достигает 30 миллиардов рублей [Электронный ресурс]. URL: <http://legalru.ru/document.php?id=22218> (дата обращения: 21 янв. 2012).

5 URL: <http://transparency.org/ru/index-vospriiatiia-korruptcii/index-vospriiatiia-korruptcii-2014-otcenka-rossii-upala-na-odin-ball>.

70%) признает наличие коррупции в сфере образования⁶.

Как справедливо отмечал С.П. Ставило, за последние годы злоупотребления в профессиональных образовательных учреждениях увеличились в разы, нет заведений, свободных от отдельных проявлений или от очагов коррупции. Где-то это злоупотребления только отдельных преподавателей, а где-то – системно-циничная, безнравственная, аморальная деятельность руководства, направленная зачастую под видом абсолютно благих намерений на корпоративное или ведомственное незаконное обогащение, приобретающая признаки своеобразного бизнеса и носящая плановый характер⁷.

Заместитель председателя международного движения против коррупции Transparency International (ТИЕ). Панфилова считает, что показатели российской коррупции за последний год если и изменились, то не намного. По-прежнему приблизительно четверть (26%) россиян в течение года вынуждена платить взятки при столкновении с правоохранительными органами, при обращении в органы образования, здравоохранения, в коммунальные службы и др. При этом 8% россиян указывают, что они платят для того, чтобы избежать проблем с властями, 11% оплачивают ускорение работы государственных органов и более 4% платят за то, что им и так полагается по закону. Интересен тот факт, что если в 2009 г. лишь 7% граждан России сказали, что они решились обжаловать коррупционное поведение государственных служащих, в то время как остальные сочли это бесполезным и опасным, то согласно данным опроса 2010 г. 52% опрошенных утвердительно ответили на вопрос: «Готовы ли вы сообщить о факте коррупции?».

В целом результаты проведенного исследования показывают, что рост коррупции в стране не остается незамеченным обществом, и все большее число граждан готово, в силу возможностей, в той или иной форме присоединиться к антикоррупционным инициативам. 48% граждан ответили, что за последние 3 года уровень коррупции повысился⁸.

В процессе опроса выяснилось мнение россиян о дифференциации уровня коррупции по отраслям экономики. На вопрос: «В каких сферах, по Вашему мнению, коррупция нашла наибольшее распространение?» (респондентам предлагалось выбрать не более трех вариантов ответов) – 57,1 % ответили, что наиболее коррумпированным является здравоохранение. Второе и третье места занимают строительный комплекс (50,0%) и образование (48,6%) соответственно⁹.

Итак, результаты опроса свидетельствуют, что самыми коррумпированными сферами сограждане посчитали здравоохранение, строительство и образование. Примечательно, что именно эти три сферы были ранее признаны приоритетными для социально-экономического развития страны и объявлены национальными проектами. Очевидно, что наиболее высокий уровень коррумпированности в этих областях должен как можно больше стимулировать правоохранительную антикоррупционную деятельность именно в этом направлении.

Нетрудно заметить следующую закономерность: в сферах здравоохранения, общего, среднего и высшего образования наиболее коррумпированными оказывались субъекты, непосредственным образом связанные с теми, кто предлагает или готов предложить разного рода неофициальные денежные вознагражде-

6 Экспресс-опрос, проведенный 14–18 марта 2008 г. Аналитическим центром Ю. Левады (Левада-Центр) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.levada.ru/category/rubrikator-oprosov/gosudarstvennyye-instituty/korrupsiya> (дата обращения: 21 янв. 2012).

7 Ставило С.П. Истинные и ложные методы формирования комфортного обучения и их влияние на мировоззрение личности в условиях глобализации // Юридическое образование и наука. 2008. № 2. С. 14.

8 СМИ в борьбе с коррупцией – это самый мощный инструмент: Интервью Е. Панфиловой корреспонденту «Газеты» // URL: <http://www.gzt.ru/business/2011/08/26/220007.html>.

9 Российская коррупция в зеркале социологии // Антикоррупционер. 2008. № 3. С. 48.

ния либо иные подношения, а также решить их проблемы, — врачи (реже руководители медицинских учреждений), учителя и преподаватели (в несколько меньшей степени представители администрации заведений общего и среднего профессионального образования и руководители среднего уровня вузов). По мере возрастания должностного уровня «реципиентов» значение степени коррумпированности в оценке населения уменьшается. Так, в сфере здравоохранения степень коррумпированности чиновников органов управления составляет около 70% (если суммировать показатели всех уровней чиновничьей иерархии). Аналогичная ситуация наблюдается и в системе общего, среднего и высшего образования¹⁰.

По данным исследований ВЦИОМ, коррупция в нашей стране воспринимается как норма жизни и в списке проблем сегодняшних россиян не является острой темой, занимая лишь 7-е место, при том, что только 21% россиян называют коррупцию в числе трех наиболее беспокоящих их проблем.

По данным исследований ВЦИОМ, провал в работе министра образования РФ Д. Ливанова заключается в том, что существует коррупция в образовании¹¹.

Совсем не утешительной выглядит информация ректора Университета — Высшая школа экономики Я. Кузьмина на конференции «Экономика системы образования: результаты второго года мониторинга», где он сообщил, что коррупцией в образовании охвачена пятая часть населения страны, и что пока в образовании это

явление не стало столь массовым, как в здравоохранении, но уже приближается к этому¹².

Согласно данным ГУ—ВШЭ и ФОМ, общий объем рынка коррупции в сфере высшего образования сократился с \$707 млн (2002—2003 гг.) до \$618 млн (2006—2007 гг.). Причинами постепенного сокращения общего объема коррупции М. Левин называет: во-первых, постепенное самоочищение рынка путем отсева коррумпированных вузов от некоррумпированных, а во-вторых, — переход коррупции в сферу ЕГЭ¹³.

По данным фонда ИНДЕМ, в среднем в год бытовая коррупция имеет в обороте около 3 млрд. долл.

К сожалению, у большей части населения страны исторически сложился стереотип коррупции как этически приемлемой формы разрешения личных проблем. По данным Фонда общественного мнения (март 2008 г.), 54% россиян терпимо относятся к тому, что приходится давать взятки должностным лицам, 27% опрошенных признались, что им доводилось «делать подношения» чиновникам. Причем молодые люди проявляют более толерантное отношение к взяточничеству, чем пожилые¹⁴.

Председатель общественной организации «Национальный антикоррупционный комитет» К. Кабанов сообщил, что объем российского рынка коррупции составляет порядка 300 млрд долл. в год¹⁵.

Коррупцией в образовании обеспокоены и ученые, которые в своих выводах крайне категоричны. Так, П.Н. Панченко считает, что в настоящее время поборы в образовательных

10 Российская коррупция в зеркале социологии // Антикоррупционер. 2008. № 3. С. 50.

11 «Министр образования Дмитрий Ливанов: итоги первого года работы» 29.04.2013 <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114016>.

12 В России 20% семей готовы дать взятку для поступления детей в вузы (26 февраля 2004 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://palm.newsru.com/russia/26feb2004/vzatky.html> (дата обращения: 20 дек 2011 г.).

13 Морарь Н. Коррупция в вузах: \$ 618 млн. и — никаких проблем?! Новое время / TheNewTimes. 2 июня 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hse.ru/news/1163613/2767782.html> (дата обращения: 20 дек 2011 г.).

14 Кимлацкий О.А. О состоянии борьбы с коррупцией в Российской Федерации / О.А. Кимлацкий, И.Г. Мачульская // Аналитический вестник Аналитического управления аппарата СФ РФ «Актуальные проблемы противодействия коррупции» 2008. № 6 (351).

15 Кирилл Кабанов: объем российского рынка коррупции — 300 млрд. долларов. Кирилл Кабанов Национальный антикоррупционный комитет 09.04.2013 // URL: <http://pasm.ru/archive/79535>.

учреждениях получили настолько большое распространение, что приобрели характер одного из наиболее опасных коррупционных явлений, тревожащих не только правоохранительные органы, но и широкие слои населения¹⁶.

По мнению С.П. Ставило, «... коррупция в сфере образования стала скорее нормой, чем исключением, при этом выявление фактов взяточничества и коррупции в вузах и филиалах никак не связано с планомерной, целенаправленной деятельностью, направленной на слом существующих коррупционных схем. Как правило, это происходит по заявлению студента или его родителей или для галочки, «выставления палки» в процессе оперативно-розыскной работы»¹⁷.

Следует отметить, что МВД России ежегодно проводит проверки законности реализации национальных проектов, т. к. огромные денежные ресурсы, поступающие из бюджетов всех уровней на реализацию национальных и региональных проектов, представляют особый интерес для коррупционеров и мошенников. Однако придумываются все новые и новые схемы увода и распыления государственных средств (например, многоступенчатые пирамиды субподрядчиков).

По этому поводу С.П. Ставило справедливо замечает, что под видом хозяйственной и иной деятельности совершается целый «букет» разноплановых коррупционных преступлений и что подобная незаконная деятельность стала приобретать системный характер. Все это умело маскируется под оказание спонсорской помощи на «взаимовыгодных» условиях. Известны случаи, когда подаренные студентами «спонсорские»

оргтехника, мебель, строительные материалы и литература были оприходованы как приобретенные за бюджетные средства или средства иной образовательной организации. И, как это ни цинично звучит, имеют место случаи, когда «спонсорские» деньги частично «отмывались» через детские дома и др.

«К сожалению, в наше время, — констатирует автор, — товаром стало не истинное качественное образование, а отсрочка от армии и диплом с хорошими отметками. В нормальном цивилизованном обществе понятие «студент-спонсор» — это нонсенс! Подобная добровольная, тем более регулярная деятельность со стороны студента, особенно студента-очника, маловероятна по понятным причинам. Более того, в коммерческих вузах и филиалах он уже оплатил стоимость обучения, установленную образовательным учреждением, поэтому учебному заведению ссылаться на нехватку средств для собственного развития абсурдно, тем более что стоимость обучения регулярно повышается»¹⁸.

Разделяя в целом точку зрения автора, мы не можем согласиться с мнением С.П. Ставило, что нужно прибегать к любым законным, в том числе оперативно-розыскным, мероприятиям для выявления взяточничества и коррупции, вплоть до оперативного внедрения наиболее подготовленных сотрудников ФСБ и МВД России в образовательные коллективы и вербовки информаторов из числа студентов¹⁹. В таком случае студенты могут использовать свои полномочия информаторов для того, чтобы сводить счеты с требовательными, строгими преподавателями.

(Продолжение следует)

16 Панченко П.Н. Коррупция в образовательных учреждениях: составы преступлений и соотношение с неправомерными действиями // Уголовное право. 2005. № 2. С. 52–55.

17 Ставило С.П. Истинные и ложные методы формирования комфортного обучения и их влияние на мировоззрение личности в условиях глобализации // Юридическое образование и наука. 2008. № 2. С. 14–15.

18 Ставило С.П. Истинные и ложные методы формирования комфортного обучения и их влияние на мировоззрение личности в условиях глобализации // Юридическое образование и наука. 2008. № 2. С. 16.

19 Ставило С.П. Указ. соч. С. 15.

Г.Г. ГОЛЬДИН, Л.О. ТЕРНОВАЯ

Роль символического прочтения этических кодексов юристов в новой международной обстановке

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрена история появления и важнейшие проявления правовых символов, показано их отличие от других элементов социально значимого символического ряда. Специально выделяется процесс кодификации этических норм деятельности юристов. Отмечено совпадение прочтения этих норм с содержанием главных правовых символов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: символ, мораль, право, юрист, кодекс, адвокат.

ГОЛЬДИН ГЕННАДИЙ ГЛЕБОВИЧ – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права и иностранных языков Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: avocats@yandex.ru).

ТЕРНОВАЯ ЛЮДМИЛА ОЛЕГОВНА – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (e-mail: ludmilaternovaya@yandex.ru).

G. G. GOLDIN, L.O. TERNOVAYA

Role of symbolic reading of ethics codes of lawyers in the new international situation

ANNOTATION: This paper discusses the history and appearance of the most important manifestations of legal symbols, showing their difference from other socially significant symbolic elements of the series. Specifically highlighted the codification of ethics codes of lawyers. Noted the coincidence of reading these rules with the content of the main legal symbols.

KEYWORDS: symbol, morality, law, code, lawyer.

GOLDIN GENNADY GLEBOVICH – doctor of political sciences, professor, head of the department of international law and foreign languages of the Russian academy of legal profession and notariate (e-mail: avocats@yandex.ru).

TERNOVAYA LYUDMILA OLEGOVNA – doctor of historical sciences, professor, professor of department of sociology and management of the Moscow automobile and road state technical university (e-mail: ludmilaternovaya@yandex.ru).

Известно, что понятие «символ» происходит из древнегреческого **συμβολον**, означающего «брошенные вместе». В те давние времена оно означало один или несколько разделенных предметов, которые могли составить одно целое. Это был древний знак идентификации, но с течением времени сфера символического существенно расширилась: от бытового восприятия или событийной оценки оно перешло к не событийному, повседневному, обыденному осмыслению мира, дав рождение таким течениям, как символизм, постмодернизм и пр.

Можно утверждать, что обращение к анализу символического мира было связано с важностью поиска ответа на вопросы, появляющиеся в связи со стремлением осмыслить политические и социально-экономические реалии, особенно те, которые в периоды бурных общественных перемен неоднозначно, а то и чересчур резко, воздействовали на область массового сознания.

Символами чаще всего называются знаки, применение которых связано со спецификой человеческой деятельности. А под непосред-

ственно знаком мыслится выражение более широкой понятийной базы. Она включает не только специфически человеческие знаки с общественным содержанием, но и разнообразные вспомогательные метки, например сигнального значения (дым костра, звук тамтамов, сигналы животных) и т.д. Знаковая ситуация образуется тогда, когда нарушается непрерывность деятельности, а переход от одного действия к другому оказывается затрудненным, а то и вовсе невозможным. Из этого следует, что, так или иначе, многие знаковые ситуации связаны не только с нарушением привычного хода событий, но и нарушением сложившихся норм, в том числе правовых и этических. Более того, знаковые ситуации, затрагивающие различные аспекты правового и этического пространств, подтверждали их близость и даже тесную взаимозависимость.

Это обстоятельство способствовало рождению особого разряда правовых символов, которые получили отличительные признаки. Наряду с такими признаками, как образность, условность, эмоциональная направленность, присущими элементам символического мира, эти элементы приобретали процессуальный характер. Из такого характера вытекало, что правовые символы отражали пожизненный поиск смыслообразующих поведенческих установок. Их особая значимость остро ощущалась человечеством во времена кардинальных общественных перемен, когда происходила быстрая ломка ценностно-смысловых ориентаций.

В условиях распространения среди членов общества аномии, фрустрации, апатии неизбежно накапливаются признаки кризисов. Во-первых, этического. Его проявления обнаруживаются в стремительной маргинализации социума и утрате моральных оснований как представителями власти, так и рядовыми гражданами. Во-вторых, кризиса правового, прежняя правовая модель заменяется различными вариантами революционного права. На основании процессуального характера правовых символов, являющихся носителем идеи и ценности пожизненного пути обретения смыс-

ла обществом и отдельным индивидом в этом обществе, возникает надежда найти пути преодоления этих кризисов.

Правовые символы выступают носителями, с одной стороны, необходимых, минимальных знаний о сути моральных и правовых норм. Так, еще в XIII в до н.э. в «Папирусе Ани» (Египетской Книге мертвых) были изложены 42 негативных признания (Я не совершал греха. Я не совершал грабеж с применением насилия. Я не воровал. Я не убивал мужчин и женщин. Я не крал зерно и т.д.). Эти признания составляли Кодекс Маат, богини, персонифицирующей истину, справедливость, Вселенскую гармонию, божественное установление и этические нормы. Сама же Маат чаще изображалась не в виде сидящей женщины со страусиным пером на голове, а только посредством своего атрибута — пера или плоского песчаного предвечного холма со скошенной одной стороной.

С другой стороны, правовые символы несли с собой поток дополнительной информации о возможностях именно правового урегулирования сложной жизненной ситуации. Эти дополнительные сведения напоминали людям о правовых последствиях их деяний, помогали выстроить юридическую иерархию предпринимаемых ими мер, напоминая о подлинном смысле норм, в том числе этических, действующих в рамках имеющегося законодательства.

Процессуальный характер правовых символов обеспечил сохранение устойчивого образа действий, событий, отношений людей на протяжении тысячелетий. Возникшие в античный период правовые символы благодаря обретенным ими ярким и устойчивым художественным формам сохранили свое смысловое наполнение и силу воздействия на эмоциональную сторону личности, а через нее уже на разум и поведение человека. Любое разночтение со сложившейся символической моделью стало восприниматься как знак нарушения морального и правового континуума. Например, в середине первого десятилетия XXI в. в ходе реконструкции здания Верховного суда России в Москве над входом в комплекс со стороны

Большого Ржевского переулкa была установлена скульптура Фемиды, на лице которой отсутствует повязка — символ беспристрастия. Естественно, это вызвало бурное общественное обсуждение того, что нес в себе данный символ.

Внимание к образу этой богине совсем не случайно, ибо существенная часть правовых символов связывалась с обликом самой богини правосудия Фемиды. Ее изображали, как правило, с повязкой на глазах, как символом беспристрастия; весами в руках, как древним символом меры и справедливости, на которых взвешиваются добро и зло, поступки, совершенные смертными при жизни; рогом изобилия — символ воздаяния или невоздаяния человеку, предстающему перед судом Фемиды. Римляне, развив этот образ в виде богини Юстиции, вложили вместо рога изобилия в правую руку этой богини меч. По некоторым версиям, острый меч был направлен вверх, что показывало на постоянную готовность его применения, а также на высшую справедливость, происходящую по «воле небес». Имела значение форма меча, который должен быть обоюдоострым, как символ того, что закон не только карает виновных, но и другой своей гранью защищает права и законные интересы, от посягательства¹.

С символической точки зрения важно помнить, что любое деяние и бога, и человека продолжается в его детях. Поэтому для более полного понимания именно процессуальной, пролонгированной природы правовых символов следует упомянуть и о детях Фемиды-Юстиции. В греческой мифологической традиции обычно отмечается, что от союза с Зевсом она родила трех Мойр — богинь судьбы: Клото («Пряха»), Лахесис («Судьба»), Атропос («Неотвратимая»); и трех Ор-богинь времен года, ведавших порядком в природе: Эвномию («благозаконие»), Дике («справедливость») и Эйрену («Мир»). Есть и менее известная дочь этой же пары небожителей Адрастея (др.-греч. Ἀδραστία,

«Неотвратимая») — богиня «законов космических, надкосмических и внутрикосмических». Ее образ очень быстро соединился с образом Немесиды, как служительницы вечной справедливости и мстительницы, от которой смертный не может уйти.

Заметим, что чем длительнее история человечества и чем глубже взаимосвязи в различных областях, тем важнее то содержание, которое вкладывалось в символику теонимов, несущих информацию о значимости благозакония, справедливости, мира, о неотвратимости наказания за преступления и о беспредельности того пространства, на котором кара могла настигнуть преступившего закон.

Не менее поучительный смысл несет символика свода законов — кодекса. Первоначально в Древнем Риме кодексом назывались либо ствол дерева, чурбан или колодка, которую прикрепляли к ногам преступника, чтобы он волочил ее за собой, либо деревянные дощечки, намазанные воском, предназначенные для письма и в своем соединении составлявшие книгу, в отличие от свитка (лат. *volumen*). Отсюда и названия кассовых книг римлян — *codices*. От этого пошло наименование императорских конституций — Кодекс Григориана (лат. *Codex Gregorianus*), впервые кодифицированных неким Григорием, или Григорианом в период правления императора Диоклетиана (284 — 305). Поскольку *Codex Gregorianus* часто цитировался и в более поздние времена, он вместе с *Codex Hermogenianus* и *Codex Theodosianus* был положен в основу кодекса Юстиниана «*Corpus iuris civilis*» — свода римского гражданского права, составленного в 529–534 гг. при византийском императоре Юстиниане Великом².

Все это отразило развитие юридической ветви кодексов, которые вновь после некоторого забвения в 1587 г., когда по просьбе короля Генриха III французский юрист и государственный деятель, президент Парижского парла-

1 Символы правосудия: от античности до современности / Под ред. Ю.В. Глазова. Белгород: Б.И., 2012.

2 Перетерский И.С. Дигесты Юстиниана: Очерки по истории составления и общая характеристика. М.: Госюриздат, 1956.

мента Барнабе Бриссон составил компиляцию юридических документов его царствования и правления его предшественников, известную как *Codede Henri III* («Кодекс Генриха III»).

Что касается моральной ветви кодексов, то она также расцветает в период Средневековья в виде судов чести, распространенных среди рыцарства. Заметим, что само слово «суд» в славянских языках достаточно передает его символическую суть как буквально «сделанного вместе», так как по происхождению оно является сращением двух слов: предлога *som (> су, см. с, со) и сущ. *dhos «дело» (от *dhe>dě> де в дело, деть и т. п.). В романских и германских языках это же понятие — «*coiug*» (фр.), «*corte*» (ит.), «*court*» (англ.) — образуется от понятия «двор» (< ср. франц. *cort*, *court* «двор», восходит к лат. *cohors* «огороженное место» (из *co*, *con* «вместе» и *hortus* «сад»)). Таким образом, оно символически указывало на место, где производился разбор проступка. А то, что часто эта задача возлагалась на высшую власть, соединяла понимание суда как правовой инстанции и королевского двора. Несомненно, есть общее и в визуальном восприятии двора, т.е. резиденции монарха, и резиденции судебной инстанции. Ее с полным правом можно считать одним из важнейших внешних атрибутов судебной власти. И само здание, в котором располагается суд, и обстановка залов судебных заседаний, наличие государственной символики в залах судебных заседаний подчеркивают особую роль судебной власти в обществе. Сравнение суда с королевским двором не единственное возможно на основе этимологии понятия «суд». В английском языке можно найти связь разбора и с поединком, что мы видим в заимствованном в начале XX в. из английского языка слове «корт».

Связь суда и королевского двора могла быть не только символической. Монарх имел возможность делегировать право рассмотрения дел группе достойных подданных. С XIV в. действует Высокий суд рыцарства Ее Величества

Англии и Уэльса как гражданский суд (англ. *HerMajesty'sHighCourtofChivalryofEnglandandWales*). Он обладает юрисдикцией в случаях злоупотребления геральдических знаков. Например, в октябре 2012 г. Совет общины города Аберистуит заявил о своем намерении обратиться в суд против Facebook, на странице в котором без разрешения местных властей отображался герб этого города³. После внесения жалобы в суд изображение было удалено.

Центральная идея таких органов — защита понятия «честь» как особой формы самоуважения личности, соответствующей принятым социальным нормам. Как правило, суды чести обычно рассматривают дела, связанные с этическими нарушениями членов сообщества или нарушения корпоративных правил. Они могут выносить различные взыскания — от морального порицания до исключения из сообщества. Не удивительно, что суды чести получили распространение среди дворян. А военный суд чести учреждался как специальный выборный орган для охраны корпоративной чести офицерства и достоинства офицерского звания. В Российской империи такой суд назывался Судом общества офицеров. И сейчас суды чести сохранились в ряде государств, и не только среди военных. В частности, в Литве и в наше время функционирует Суд чести судей, кстати, в Литовской ССР впервые в Советском Союзе еще в 1974 г. были разработаны и приняты «Правила профессиональной этики и достоинства профессий адвоката». Но они фактически обобщали дисциплинарную практику соответствующих коллегий и строились по принципам особенной части, поэтому не могли предусмотреть все возникающие в адвокатской практике этические ситуации. В Российской Федерации в октябре 1993 г. был принят Кодекс чести судьи РФ. В органах МВД также действует свой Кодекс чести. В Федеральном законе «О Прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. N 2202-I содержится текст присяги работника прокуратуры⁴ (Кодекс эти-

3 <http://www.cambrian-news.co.uk/news/27748>.

ки прокурорского работника был утвержден приказом №114 Генерального прокурора РФ, действительного государственного советника юстиции Ю.Я. Чайки от 17 марта 2010 г.). Все это также подтверждает наличие специфических этических норм в деятельности сотрудников органов прокуратуры.

Честь представляет собой одно из важнейших этических и социальных качеств, неразрывно связанных с оценкой таких проявлений человеческой личности, как верность, справедливость, правдивость, благородство, достоинство. Однако подчеркивание наличия чести у представителя судебного корпуса в то же время допускает и обратную ситуацию, т.е. ее отсутствие. Поэтому в Российской Федерации официальное обращение, например, к арбитражному суду установлено ч. 2 ст. 154 АПК и звучит как: «Уважаемый суд!»⁵. Обращения же к судье по имени-отчеству, «господин судья», «товарищ судья» являются неправильными, а зачастую и неэтичными, а потому заменяются обращением «Ваша честь».

Высокие этические стандарты поведения судей подчеркиваются различными внешними атрибутами, среди которых есть облачение судьи во время судебных заседаний в мантию. Фактически именно такие атрибуты «превращают» судей в олицетворение государственной власти, от имени которой выносятся судебные решения. Это требует уважительного отношения к атрибутам судебной власти. Судейская мантия появляется в западноевропейских странах еще в Средние века и непосредственно связана с облачением лиц духовного звания. И что любопытно, как церковная одежда, так и судейская мантия дошли до нашего времени практически в неизменном виде. В ряде госу-

дарств судьбы облачены в парадные мантии: во Франции они выполнены из черного бархата, отделаны горностаем, дополняются орденами; в Англии у судей пурпурные мантии украшены золотым шитьем, а судьи носят парики. С 1999 г. в мантии облачились судьи России.

К символам судебной власти относится также небольшой церемониальный молоток, как правило, изготовленный из древесины, обычно с фигурной ручкой. Он символизирует право на необратимое решение. Этим молотком ударяют по специальной подставке для усиления звука. Молоток является символом полномочий и права совершения правомочных действий в должности судьи либо председательствующего лица. Возможно, именно молоток был самым древним атрибутом этой власти. По некоторым источникам, его использовали в судебных заседаниях в Древних Шумерах в IV–III тысячелетия до н.э. Однако его распространение в судебной атрибутике не было повсеместным. И, в частности, в России судьями молоток не используется, хотя иногда и присутствует на столе в качестве элемента дизайна.

Во многих случаях перечисленные выше проявления этических качеств выступают также основой профессионального поведения, в том числе профессионального поведения юристов. Выявлению соответствия их в профессиональной деятельности и в повседневной жизни высоким критериям помогает сведение правил и норм воедино, в этические кодексы юристов. О внимании к этической стороне профессиональной практики юристов можно говорить уже с древнеримских времен⁶. В России основателем науки судебной этики считается А.Ф. Кони, написавший в 1902 г. труд «Нравственные начала в уголовном процессе»⁷.

4 О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 г. N 2202-1 // Система ГАРАНТ: http://base.garant.ru/10164358/1/#block_100#ixzz2vd5Wsk4B.

5 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 22.04.2013 с изменениями, вступившими в силу с 03.05.2013) // URL: <http://www.zakonprost.ru/apk>.

6 Макаров С.Ю. Вечность проблем адвокатской этики на примере деятельности адвокатов Древнего Рима // Адвокатская практика. 2010. № 5. С. 23-26.

7 Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) // А.Ф. Кони. Избранные произведения. М.: Госюриздат, 1956.

В начале прошлого столетия появляются первые этические кодексы юристов, представляющие собой свод этических правил профессионального поведения. Например, в Соединенных Штатах Америки в 1908 г. принимаются «Правила профессиональной этики». Они содержали 70 параграфов, которые давали достаточно подробный перечень установлений по вопросам взаимоотношений с судом и коллегами, добросовестного отношения к обязанностям, честности и открытости, умеренности в вопросах назначения гонорара⁸.

Новый этап в развитии международного сотрудничества юристов, и одновременно развития этической базы их деятельности, и, следовательно, символического сопровождения этой практики, начинается после Второй мировой войны. 17 февраля 1947 г. в Нью-Йорке было учреждено международное неправительственное профессиональное объединение — Международной ассоциации юристов (англ. International Bar Association, МАЮ). Решение о создании МАЮ находилось в русле развития антивоенного взаимодействия разных стран. Оно было тесно связано с образованием Организации Объединенных Наций. К задачам, стоящим перед мировым сообществом в послевоенный период, относилось создание глобального морального климата, который бы препятствовал возникновению агрессивных настроений и стремлению к решению международных вопросов силовым путем. Каждая профессиональная группа видела необходимость внесения собственного морального вклада в такую работу. Поэтому еще в 1956 г. МАЮ впервые разрабатывает Международный кодекс этики. Его следующая редакция приходится на 1988 г., то есть на время фактического окончания холодной войны, когда вновь назрела

потребность в выработке стандартов, применимых к юристам внутри границ различных государств, а также использовании их в случае взаимодействия юристов из различных государств и деятельности юристов из одного государства в другом государстве⁹.

Через два года, в сентябре 1990 г., на конференции принимаются «Стандарты независимой юридической профессии Международной ассоциации юристов»¹⁰. В обосновании этого решения подчеркивалось, что «независимость юридической профессии представляется существенной гарантией для осуществления защиты прав человека и является необходимой для получения качественной правовой помощи; справедливая система организации юстиции, которая гарантирует независимость юристов при выполнении и профессионального долга без каких-либо необоснованных ограничений, прямого или косвенного давления или вмешательства, является абсолютно необходимой для построения и функционирования правового государства»¹¹.

С учетом того, что профессиональные ассоциации, в частности ассоциации юристов, в современном обществе играют большую роль по сравнению с еще совсем недавним прошлым в поддержании не только профессиональных стандартов, но и этических норм, они не только способствуют защите своих членов от необоснованных ограничений и нарушений, но и направлены на обеспечение юридической помощью всех, кто в ней нуждается, а также на взаимодействие с правительственными и другими институтами для достижения целей правосудия. Этому служат кодексы профессиональной этики отдельных групп юристов, например, Общий кодекс правил для адвокатов стран Европейского Сообщества, принятый Советом коллегий адвокатов и юридических

8 Ватман Д.П. Адвокатская этика. М.: Юридическая литература, 1977. С.27.

9 Международный кодекс этики. Редакция 1988 г. (впервые принят в 1956 г.) // <http://www.fparf.ru/international/etika.htm>.

10 Стандарты независимой юридической профессии Международной ассоциации юристов // <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1132192>.

11 Там же.

сообществ Европейского союза в Страсбурге 28 октября 1988 г., или в Российской Федерации Кодекс профессиональной этики адвоката, принятый первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.¹²

Значимой компонентой этих документов, как и в целом правовых символов, является их моральная наполненность представлениями о добре и зле, чести и достоинстве, свободе и ответственности, долге и совести, справедливости и пр. Эти представления в течение всей истории человечества помогали этически осмысливать мир, а их закрепление как в нормативно-правовых актах, так и в художествен-

ных произведениях и атрибутах повседневной жизни, наполненных символикой, в том числе правовой, способствовало утверждению морали в общественном сознании, а отсюда и в механизмах правового регулирования. Именно такие механизмы обеспечивают должное воздействие на общество через формирования прав и обязанностей, регламентирующих поведение того или иного человека уже не просто в обществе, а в обществе глобальном, так сложно создаваемом под влиянием множества обстоятельств, включая как реальные — политические, экономические, социальные, правовые, — но и символические.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Международный кодекс этики. Редакция 1988 г. (впервые принят в 1956 г.) // URL: <http://www.fparf.ru/international/etika.htm>.
2. Стандарты независимой юридической профессии Международной ассоциации юристов // URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1132192>.
3. Кодекс профессиональной этики адвоката (с изменениями и дополнениями, утвержденными вторым Всероссийским съездом адвокатов 8 апреля 2005 г.) // РГ. 2005. 5 октября. № 3891.
4. Ватман Д.П. Адвокатская этика. М.: Юридическая литература, 1977.
5. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) // А.Ф. Кони. Избранные произведения. М.: Госюриздат, 1956.
6. Макаров С.Ю. Вечность проблем адвокатской этики на примере деятельности адвокатов Древнего Рима // Адвокатская практика. 2010. № 5.
7. Символы правосудия: от античности до современности / Под ред. Ю.В. Глазова. Белгород: Б.И., 2012.

BIBLIOGRAPHY

1. International ethics code. Edition of 1988 (it is for the first time accepted in 1956) // URL: <http://www.fparf.ru/international/etika.htm>.
2. Standards of an independent legal profession of the International association of lawyers // URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1132192>.
3. The Code of professional ethics of the lawyer (with the changes and additions approved by the second All-Russian congress of lawyers on April 8, 2005) // RG. 2005. October 5. No. 3891.
4. Whatman paper D.P. Advokatskaya ethics. M.: Legal literature, 1977.
5. A.F. Koni. The moral beginnings in criminal trial (Common features of judicial ethics) // A.F. Koni. Chosen works. M.: Госюриздат, 1956.
6. Makarov S.Yu. Vechnost of problems of lawyer ethics on the example of activity of lawyers of Ancient Rome//Lawyer practice. 2010. N 5.
7. Justice symbols: from antiquity to the present / Under the editorship of Yu.V. Glazov. Belgorod: B. I., 2012.

¹² Кодекс профессиональной этики адвоката (с изменениями и дополнениями, утвержденными вторым Всероссийским съездом адвокатов 8 апреля 2005 г.) // РГ. 2005. 5 октября. № 3891.

Н.Н. КОСАРЕНКО

К вопросу формирования медицинского страхования в условиях развития рыночной экономики Российской Федерации

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования развития медицинского страхования в современной России в условиях формирования рыночной экономики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государство, медицинское страхование, социальная политика, здравоохранение, медицинские услуги, обязательное страхование, добровольное страхование.

КОСАРЕНКО НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат юридических наук, доцент РААН (nkosarenko@yandex.ru).

N. N. KOSARENKO

The question of formation of health insurance in the conditions of development of market economy of the Russian Federation

ANNOTATION. The article discusses actual problems of legal regulation of medical insurance development in modern Russia in the conditions of formation of market economy.

KEYWORDS: state, health insurance, social policy, health care, medical services, compulsory insurance, voluntary insurance.

KOSARENKO N. N. – candidate of jurisprudence, associate professor RAAN (nkosarenko@yandex.ru).

Медицинское страхование в настоящее время в России является одним из важнейших направлений социальной политики государства, одной из приоритетных задач функционирования системы отечественного здравоохранения. Здоровье граждан – важнейшая ценность, как для государства, так и для отдельного человека, поэтому такой важный рычаг повышения эффективности предоставляемых населению медицинских услуг, как медицинское страхование, необходимо постоянно развивать и совершенствовать.

В условиях проведения социально-экономических реформ важнейшее место занимает развитие добровольной страховой медицины, переход к которой обусловлен спецификой рыночных отношений в здравоохранении и развитием сектора платных услуг. В настоя-

щее время государство значительно сократило финансирование учреждений здравоохранения и предоставление населению бесплатной медицинской помощи. В этой связи становится актуальным формирование и развитие системы добровольного медицинского страхования.

В настоящее время в России создана система организации медицинского страхования, в которой обязательное и добровольное медицинское страхование существуют параллельно, дополняя друг друга. Несмотря на то что все население застраховано по программе обязательного медицинского страхования, на рынке страховых услуг появляется добровольное медицинское страхование как реакция на возникновение спроса населения на дополнительные или более качественные медицинские услуги.

Основы медицинского страхования заложены в закреплённых фундаментальных правах личности. В частности, забота государства о здоровье населения закреплена Конституцией Российской Федерации 1993 г. (ст. 41 декларирует право каждого гражданина на медицинскую помощь и охрану здоровья). Помимо Основного закона, базой для заключения договора добровольного медицинского страхования являются и другие законодательные акты, в первую очередь Гражданский кодекс Российской Федерации.

Под медицинским страхованием принято понимать форму социальной защиты интересов населения в охране здоровья. Медицинское страхование представляет собой совокупность видов страхования, предусматривающих обязанности страховщика по осуществлению страховых выплат (выплат страхового обеспечения) в размере частичной или полной компенсации дополнительных расходов застрахованного, вызванных обращением застрахованного в медицинские учреждения за медицинскими услугами, включёнными в программу медицинского страхования.

В современной России, как и в иных странах с развитой рыночной экономикой, медицинское страхование является одним из важнейших элементов системы поддержания здоровья. Переход к страховой медицине является необходимым в условиях рыночной экономики и развития рынка медицинских услуг. Данный переход обеспечивает, во-первых, гарантированность и доступность высококачественных медицинских услуг, даже при их неизбежном росте цен для широких слоев населения, а во-вторых, помогает решению проблемы привлечения дополнительных финансовых ресурсов в сферу здравоохранения.

Обязательное медицинское страхование (ОМС) представляет собой основную форму социальной защиты населения в сфере охраны здоровья. Главная цель ОМС – гарантировать всем гражданам получение необходимой медицинской и лекарственной помощи.

Экономические гарантии сами представляют собой систему, центральное место в которой занимают государственное (бюджетное) финансирование обязательного медицинского страхования (ОМС) и добровольного медицинского страхования (ДМС).

Однако независимо от характера страхования оно всегда оформляется договором (п.1 ст. 936 ГК РФ). Различаются только участники, существенные условия конкретных страховых правоотношений и источники страховых взносов¹.

С экономической точки зрения ДМС представляет собой механизм компенсации гражданам расходов и потерь, связанных с наступлением болезни или несчастного случая, т.е. страхового случая – (в ДМС) обращение застрахованного лица в медицинское учреждение (к врачу) за медицинской помощью. Страховой случай считается урегулированным, когда по медицинским показаниям исчезнет необходимость дальнейшего лечения.

Добровольное медицинское страхование – весомое дополнение к системам государственного здравоохранения или ОМС. В России ДМС как экономическая и правовая категория, а также вид страховой деятельности возникло в 1991 г. с принятием Закона РСФСР «О медицинском страховании граждан в РСФСР» от 28.06.1991 г. Предусмотренная законом страховая модель коренным образом отличалась от существовавших на тот момент разновидностей личного страхования. Речь шла о качественно новом для нашей правовой системы правоотношении. Новизна была в объекте возникающего при ДМС страхового правоотношения. По-новому выглядел и его субъектный состав.

В соответствии со ст. 3 данного Закона объектом добровольного медицинского страхования является страховой риск, связанный с затратами на оказание медицинской помощи при возникновении страхового случая. Событие, рассматриваемое в качестве страхового риска, должно обладать признаками вероятности и случайности его наступления.

1 Зенин И.А. Гражданское право. М.: Высшее образование, 2008. С. 442.

В свою очередь страховым риском, в соответствии с п.1 ст. 9 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» № 4015-1 является предполагаемое событие, на случай наступления которого проводится страхование. Немаловажным является также тот факт, что страховым случаем является совершившееся событие, предусмотренное договором страхования или законом, с наступлением которого возникает обязанность страховщика произвести страховую выплату страхователю, застрахованному лицу, выгодоприобретателю или иным третьим лицам.

Объектами ДМС выступают две группы страховых рисков:

1) возникновение расходов на медицинские услуги по восстановлению здоровья, реабилитации, уходу;

2) потеря дохода в связи с невозможностью осуществления трудовой деятельности как во время заболевания, так и после – при наступлении инвалидности.

Страхователями при добровольном медицинском страховании выступают отдельные граждане, обладающие гражданской дееспособностью, или (и) предприятия, представляющие интересы граждан.

Добровольное медицинское страхование предусматривало качественно новый и до того неизвестный отечественной страховой практике вид страхового правоотношения. Объектом его должны были выступать имущественные интересы третьих лиц, а не самого застрахованного. Понятие объекта раскрывалось в законе как «затраты на оказание медицинской помощи». Субъектный состав правоотношения усложнялся, кроме страховщика, страхователя и застрахованного лица, в него вводилось медицинское учреждение как лицо, непосредственно оказывающее медицинскую помощь.

В Федеральном законе от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного соци-

ального страхования» ОМС определяется как система создаваемых государством правовых, экономических и организационных мер, направленных на компенсацию и/или минимизацию последствий изменения материального и/или социального положения граждан вследствие необходимости получения ими медицинской помощи и наступления других социальных рисков, подлежащих обязательному социальному страхованию. В этой связи ряд авторов также относят обязательное медицинское страхование к разряду социального страхования². Правовое регулирование ОМС осуществляется Законом РФ от 28 июня 1991 г. № 1499-1 «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации». Статья 4 указанного законодательного акта устанавливает, что любое медицинское страхование осуществляется на основании договора.

В правовом отношении этот вид страхования опирается на закон, определяющий правовые, экономические и организационные основы медицинского страхования населения России. Закон обеспечивает конституционное право граждан России на медицинскую помощь. Общим нормативно-правовым комплексом для регулирования страховых правоотношений является глава 48 Гражданского кодекса РФ³, где закреплены наиболее важные и базовые принципы сферы страхования в Российской Федерации.

Кроме того, принят ряд вспомогательных нормативно-правовых актов, которые позволяют наиболее эффективно реализовывать конституционные требования и принципы относительно гарантирования и обеспечения прав граждан РФ на охрану здоровья и медицинскую помощь. Цель медицинского страхования состоит в том, чтобы гарантировать гражданам РФ при возникновении страхового случая получение медицинской помощи за счет накопленных средств и финансировать профилактические

2 Теория и практика страхования: Учебное пособие. М., 2003; Авксентьев В.И., Цыганов А.А., Шолло Л.Н. Возможные пути развития законодательства в сфере медицинского страхования // Юридическая и правовая работа в страховании. – 2005. – № 4.

3 Гражданский кодекс РФ // СЗ РФ, 1996. № 5. Ст. 410.

ские мероприятия. Медицинское страхование на территории РФ осуществляется в двух формах: обязательного и добровольного страхования. Обязательное страхование осуществляется в силу закона, а добровольное проводится на основе договора, заключенного между страхователем и страховщиком. Каждая из этих форм страхования имеет свои особенности.

В настоящее время в России действуют государственная система и частное медицинское страхование. Государство оплачивает расходы медицинских учреждений через посредников – страховые компании. По сути дела это распределительная система с элементами страхования. Что касается частного медицинского страхования, то в России оно реализуется только страховыми компаниями и в самых различных формах.

Еще один немаловажный принцип медицинского страхования выражается в том, что способствуя накоплению необходимых средств, а также формированию системы платной медицины, медицинское страхование выступает как эффективный источник финансирования здравоохранения.

Итак, сделаем некоторые выводы.

1. Медицинское страхование в России по характеру оказываемой помощи подразделяется на обязательное и добровольное. Обязательное медицинское страхование (ОМС) является составной частью государственного социального страхования и обеспечивает всем гражданам России равные возможности в получении медицинской помощи в объеме и на условиях, соответствующих программам обязательного медицинского страхования. Обязательное медицинское страхование в отличие от добровольного охватывает все страховые риски независимо от их вида.

Добровольное же медицинское страхование является дополнением к обязательному страхованию. Оно осуществляется на основе программ ДМС и обеспечивает гражданам получение дополнительных медицинских и иных услуг сверх установленных программами обязательного медицинского страхования.

2. Обязательное медицинское страхование является всеобщим. Добровольное медицинское страхование может быть коллективным и индивидуальным.

При коллективном страховании, как правило, в качестве страхователя выступает предприятие, организации и учреждения, которые заключают договор со страховой организацией по поводу страхования своих работников или иных физических лиц (членов семей работников, пенсионеров и т.д.). При индивидуальном страховании в качестве страхователя выступают граждане, которые заключают договор со страховой организацией по поводу страхования себя или другого лица (родственника и т.д.) за счет собственных средств.

Отношения по поводу медицинского страхования граждан оформляются с помощью договоров медицинского страхования. Подобного рода договор представляет собой соглашение между страхователем и страховой медицинской организацией, в соответствии с которым последняя обязуется организовывать и финансировать предоставление застрахованному контингенту медицинской помощи определенного объема и качества или иных услуг по программам обязательного медицинского страхования и добровольного медицинского страхования.

Договор медицинского страхования является одним из установленных Гражданским кодексом РФ видов договоров и считается заключенным с момента уплаты первого страхового взноса, если условиями договора не установлено иное.

Еще одним «атрибутом» медицинского страхования является страховая медицинский полис. Его получает каждый гражданин, в отношении которого заключен договор медицинского страхования или который заключил такой договор самостоятельно. Страховой медицинский полис должен быть на руках у застрахованного лица.

Каждый из видов медицинского страхования имеет свой собственный объект. Так, объектом обязательного медицинского страхования являются медицинские услуги, предусмотренные

программами ОМС. Объектом добровольного медицинского страхования является страховой риск, связанный с затратами на оказание медицинской помощи при возникновении страхового случая.

В настоящее время в России создана система организации медицинского страхования, в которой обязательное (ОМС) и добровольное (ДМС) медицинское страхование существуют параллельно, дополняя друг друга. Несмотря на то, что все население застраховано по программе обязательного медицинского страхования, на рынке страховых услуг появляется добровольное медицинское страхование как реакция на возникновение спроса населения на дополнительные или более качественные медицинские услуги. Наличие у страхователя полиса добровольного медицинского страхования не накладывает ограничений на доступ к услугам по программе обязательного страхования. Программы обязательного и добровольного медицинского страхования не конфликтуют между собой в связи с тем, что обязательное медицинское страхование предоставляет гражданам гарантируемый минимум бесплатных медицинских услуг, а добровольное страхование — сверх этого минимума, что позволяет значительно расширить спектр предлагаемых медицинских услуг.⁴

В отличие от добровольного медицинского страхования при обязательном медицинском страховании срок страхового периода не зависит от срока уплаты страховых взносов, и страховщик несет ответственность и в случае отсутствия уплаты страховых взносов.

Финансовые средства системы ОМС формируются за счет платежей бюджета и взносов предприятий, органов государственного управления соответствующего уровня. Размер взносов на обязательное медицинское страхование для предприятий, организаций и других хозяйствующих субъектов устанавливается в процентах к начисленной оплате труда. Добровольное

медицинское страхование осуществляется за счет прибыли (доходов) предприятия и личных средств граждан, размер страховых взносов устанавливается по соглашению сторон.

Базовая программа обязательного медицинского страхования определяется Правительством РФ, и на ее основе утверждается территориальная программа, представляющая перечень медицинских услуг, оказываемых всем гражданам на данной территории. При добровольном медицинском страховании перечень услуг и другие условия определяются договором страхователя и страховщика.

Система контроля качества при обязательном медицинском страховании определяется соглашением сторон, при ведущей роли государственных органов управления, а при добровольном медицинском страховании устанавливается договором.

Развитие наряду с бесплатной медициной также и медицины платной вызвало к жизни добровольное медицинское страхование. Его объектом в этом случае служат риски, связанные с затратами на оказание медицинской помощи (медицинских услуг) при амбулаторном и стационарном лечении⁵.

Таким образом, добровольное медицинское страхование предоставляет возможность лицам, участвующим в нем, получить медицинскую помощь и сервисные услуги (особо высокого качества) в дополнение к тем, которые включены в программу обязательного медицинского страхования. Кроме того, в соответствии с действующим российским законодательством ДМС предусматривает экономические механизмы поощрения лиц, сохраняющих высокий уровень здоровья и трудоспособности (выплата здоровым).

Страховыми медицинскими организациями выступают юридические лица, осуществляющие медицинское страхование и имеющие государственное разрешение (лицензию) на право заниматься медицинским страховани-

4 Беловецкая Д.И. Страхование: основные проблемы. – М., 2005. – С. 218.

5 Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга третья. – М., Статут, 2002. С. 645.

ем. Это специальная организация (государственная или негосударственная), ведающая созданием и использованием денежного фонда. Медицинскими учреждениями в системе медицинского страхования являются имеющие лицензии лечебно-профилактические учреждения (ЛПУ), научно-исследовательские и медицинские институты, другие учреждения, оказывающие медицинскую помощь, а также лица, осуществляющие медицинскую деятельность как индивидуально, так и коллективно.

Анализируя субъектный состав системы медицинского страхования в России, нельзя обойти вопрос о правах граждан в этой сфере общественных отношений. Часто обычные люди не имеют представления о том количестве и содержании правомочий, которые предоставляет система медицинского страхования, как обязательного, так и добровольного.

Законодательное регулирование системы медицинского страхования в России базируется на гражданско-правовых нормах и механизмах.

Счетная палата РФ отмечает неудовлетворительную работу Минздрава по подготовке правовых актов, которая может привести к снижению объема бесплатной медицинской помощи и оказания высокотехнологичных услуг. Объем платных медицинских услуг в России в 2014 году вырос на 20%. Предполагалось также, что за счет средств ФОМС в 2015 году будет профинансирована ВМП в объемах, превышающих объемы 2014 года.

Однако правительством утвержден принцип распределения средств по числу пролеченных больных за 9 месяцев 2014 года. Это может привести к сокращению числа больных, которым в 2015 году будет оказана высокотехнологичная медицинская помощь. Также в этом случае ведомство не сможет исполнить поручение Президента России, озвученное в Послании Федеральному Собранию в 2013 году, по обеспечению в течение трех лет увеличения объемов оказываемой ВМП не менее чем в 1,5 раза.

Стоит также напомнить, что с января 2015 года меняется механизм финансирования медпомощи в системе ОМС: реализация территориальных программ ОМС должна теперь осуществляться с соблюдением условий соглашения о реализации территориальной программы госгарантий бесплатного оказания гражданам медпомощи, заключаемого между регионом, Минздравом и ФОМС.

Но соглашения до настоящего времени не заключены. В результате этого ряд регионов начали расходовать средства субвенций для оплаты оказанной медпомощи без заключенных соглашений. Другие, наоборот, руководствуясь отсутствием нормативных документов, не расходовали средства, создавая тем самым риск прекращения финансирования медпомощи. Все это создает риски дальнейшего ограничения деятельности медицинских учреждений и может не позволить им оказать населению все необходимые объемы медпомощи.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Брагинский, М.И., Витрянский В.В. договорное право. Книга третья. – М.: Статут, 2002.
2. Зенин И.А. Гражданское право. М.: Высшее образование, 2008.
3. Косаренко Н.Н. Современное страховое право. М: Экономика, 2010.

BIBLIOGRAPHY

1. Braginsky, M.I., Vitrianskii V.V. Century Century Contract law. Three book. – M.: Statut, 2002.
2. Zenin I.A. Civil law. M: Higher education, 2008.
3. Kosarenko N.N. Modern insurance law. M: Economics, 2010.

А.А. ЛОБАЧЕВ

Понятие налогового правонарушения

АННОТАЦИЯ. В статье обобщены теоретико-нормативные основы налогового правонарушения. Выделены объект и субъект, структура налогового правонарушения. Приведены типичные примеры со спецификой правоприменения в судебной практике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: налоговое правонарушение, состав налогового правонарушения, специфика налогового правонарушения, судебная практика, правоприменение.

ЛОБАЧЕВ АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – заместитель начальника Инспекции ФНС № 25 по г. Москве, советник государственной гражданской службы Российской Федерации 2 класса, аспирант (olimp1980@pochta.ru).

А.А. LOBACHYOV

The Essence of the tax offense

ANNOTATION. The paper summarizes the theoretical and normative basis of tax offenses. The object and subject, the structure of tax offenses are defined. Typical examples include the specifics of law enforcement in judicial practice are given.

KEYWORDS: tax offense, composition of tax offenses, specifics of tax offense, jurisprudence, law enforcement.

LOBACHYOV A.A. – The Deputy Chief of Inspection Federal Tax Service № 25 for the city of Moscow, The Counsellor State Civil Service of the Russian Federation the second class, graduate student (olimp1980@pochta.ru).

Ответственность за совершение правонарушений в сфере налоговых отношений приобретает особую актуальность, поскольку затрагивает одну из важнейших составляющих экономики государства – налоги, за счет которых происходит пополнение бюджета, как отдельных регионов, так и государства в целом.

Стоит отметить, что обычно в правовой литературе уделяется много внимания вопросам ответственности за нарушение налогового законодательства. В то время как вопросы, касающиеся непосредственно природы налогового правонарушения, его места в законодательстве, остаются, как правило, вне поля зрения исследователей. Очевидно, что требуется уточнение критериев отграничения налоговых преступлений от иных налоговых правонарушений и выделение последних из числа административных правонарушений в отдельную

группу. Кроме того, не исследованной остается проблема различия понятий налогового правонарушения и налоговой оптимизации. Особое значение анализ проблем правонарушений в налоговой сфере имеет и для повышения качества государственного управления.

В соответствии со статьей 106 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ)¹ налоговым правонарушением признается виновно совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, за которое НК РФ установлена юридическая ответственность.

Налоговое правонарушение по своей сути носит финансово-правовой характер, поскольку оно обладает целым рядом юридически обоснованных признаков. Наиболее очевидным из них является противоправность, которая выра-

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 04.06.2014) // СЗ РФ. 1998. №31. Ст. 3824.

жается в наложении НК РФ запрета на определенные действия. Исходя из этого положения можно определить первое отличие налоговых правонарушений от иных административных, при котором запрет на те или иные действия накладывается КоАП РФ².

Налоговое правонарушение, как и любое правонарушение, имеет свой состав. Так, И.Е. Великосельская отмечает, что «состав правонарушения – это совокупность элементов и признаков, предусмотренных нормами публичного права, дающих основания классифицировать деяние как правонарушение, которое является основанием для привлечения к публично-правовым видам юридической ответственности»³. По мнению В.В. Мудрых, «состав налогового правонарушения – установленная законодательством о налогах и сборах совокупность признаков, при наличии которых противоправное деяние считается налоговым правонарушением»⁴.

Аналогичного мнения придерживается и Д.Г. Вигдорчик: «Значение состава налогового правонарушения заключается в том, что он выступает юридическим основанием ответственности и описывает юридически значимые признаки налоговых правонарушений, и позволяет отграничить налоговые правонарушения друг от друга и от смежных видов правонарушений»⁵.

Состав налогового правонарушения включает в себя такие элементы, как объект, субъект, объективная сторона, субъективная сторона⁶. Рассмотрим данные элементы более подробно. Объектом именно налогового правонарушения являются общественные отношения, возникающие в связи с исполнением обязанности по

уплате налогов и сборов, а также осуществлением налогового контроля.

Опираясь на теорию права, можно сказать, что объективная сторона налогового правонарушения – противоправное действие (бездействие) субъекта правонарушения, за которое нормами НК РФ установлена ответственность. Налоговые правонарушения могут совершаться как путем активных противоправных действий, например, дача свидетелем, вызываемым по делу о налоговом правонарушении, заведомо ложных показаний, так и путем бездействия – неисполнения предписываемых законом обязанностей – например, перечисление в бюджет сумм налога налоговым агентом.

Субъективная сторона налогового правонарушения выражается в юридическом обозначении вины. Структурными элементами вины являются сознание и воля. Форма вины определяется сочетанием волевого и интеллектуального элементов. В соответствии с п. 1 ст. 110 НК РФ налоговое правонарушение совершается умышленно или по неосторожности. При этом, как отмечает Ю.А. Крохина, «налоговое правонарушение признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, осознавало противоправный характер своих действий (бездействий), желало наступления вредных последствий таких действий (бездействий) либо сознательно их допускало»⁷.

Еще одним элементом состава правонарушения является субъект. Субъектом налогового правонарушения признаются лица, совершившие налоговое правонарушение. В соответствии со ст. 19 НК РФ к таким лицам относятся налогоплательщики, налоговые агенты и иные лица. Наибольший интерес в

2 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 05.05.2014) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

3 Великосельская И. Е. Состав правонарушения // Автореф. дисс....к.ю.н. Самара, 2010. С. 7.

4 Мудрых В.В. Ответственность за нарушения налогового законодательства. М.: Проспект, 2001. С. 29.

5 Вигдорчик Д.Г. Налоговое правонарушение: правовая характеристика // Автореф. дисс....к.ю.н. М., 2009. С. 10.

6 Теория государства и права: учебник / Под ред. А. В. Малько. М.: Юрайт, 2013. С. 158.

7 Крохина Ю.А. Финансовое право России: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014. С. 220; Налоговое право России: Учебник для вузов / Отв. ред. д.ю.н., проф. Ю.А.Крохина. – М., 2007. С. 363.

данном случае представляет категория «иные лица». На вопрос о том, кого законодатель включает в данную категорию, отвечает ст. 107 НК РФ, в соответствии с которой ответственность за совершение налоговых правонарушений несут организации и физические лица в случаях, предусмотренных гл. 16 НК РФ. Помимо этого к налоговым правонарушениям законодатель в еще одной главе НК РФ — №18 — дает характеристику ответственности банков за нарушение налогового законодательства. По этому поводу Ю.А. Крохина указывает, что законодателем допущена неточность, которая ограничивает ответственность только нормами главы 16 НК РФ, поскольку вопросы ответственности за нарушение в области налогообложения урегулированы также иными статьями НК РФ⁸.

Наибольшая специфика налогового правонарушения проявляется при изучении видов правонарушений в сфере налогового законодательства. Совокупность видов налоговых правонарушений представлена в главе 16 НК РФ. Анализ материалов судебной практики показал, что наиболее часто встречающимися правонарушениями в сфере налогообложения являются:

1) Нарушение порядка постановки на налоговый учет. Данное правонарушение в большинстве своем связано с неоповещением о создании обособленного подразделения юридического лица, поскольку постановка на учет самой организации осуществляется одновременно с ее регистрацией. Важным является тот факт, что обособленное подразделение является созданным (оснащено соответствующими рабочими местами)... Штрафные санкции в отношении налогоплательщика возможны

только в том случае, если сообщение об открытии обособленного подразделения не подавалось вообще, если же оно подано с опозданием, то применение санкций не правомерно⁹.

2) Непредставление налоговой декларации (или расчета финансового результата инвестиционного товарищества). В данном случае спорных ситуаций немного, поскольку сроки предоставления налоговых деклараций строго оговорены в законе. В то же время необходимо разделение таких понятий, как «налоговая декларация» и «расчет авансовых платежей». Зачастую налоговые инспекции, данные понятия соединяют и привлекают к ответственности. Рассмотрим такой пример из судебной практики. Налоговая инспекция привлекла организацию «N» к ответственности по статье 119 НК РФ за непредставление расчета уплаты авансовых платежей по налогу¹⁰. Суд не согласился с позицией налогового органа, поскольку расчет авансовых платежей декларацией не является, а является самостоятельным видом отчетности, привлечение к ответственности за непредставление которого санкции налоговым законодательством не предусмотрены. В то же время необходимо иметь в виду, что в соответствии с п. 17 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.07.2013 №57¹¹ (далее — Постановление Пленума ВАС №57) наличие существенных различий между налогом и авансовым платежом, то есть предварительным платежом по налогу, который в отличие от налога уплачивается не по итогам, а в течение налогового периода.

3) Грубое нарушение правил учета доходов, расходов и объектов налогообложения. В соответствии с ч. 3 ст. 120 НК РФ под «грубым нарушением правил учета доходов и расходов и

8 Налоговое право России: Учебник для вузов / Отв. ред. д.ю.н., проф. Ю.А.Крохина. М., 2007. С. 373.

9 Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного от 23.08.2011 N 15АП-7650/2011 по делу N A53-5148/2011 // СПС «Консультант-Плюс»

10 Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 18.01.2006 N A58-4095/05-Ф02-6999/05-С1 // СПС «Консультант-Плюс».

11 О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 N 57 // СПС «Консультант-Плюс».

объектов налогообложения» для целей настоящей статьи понимается отсутствие первичных документов, или отсутствие счетов-фактур, или регистров бухгалтерского учета, или налогового учета, систематическое (два раза и более в течение календарного года) несвоевременное или неправильное отражение на счетах бухгалтерского учета, в регистрах налогового учета и в отчетности хозяйственных операций, денежных средств, материальных ценностей, нематериальных активов и финансовых вложений. Такое определение грубого нарушения является зачастую определяющим при рассмотрении материалов дела в суде. Так, налоговая инспекция привлекла организацию к налоговой ответственности за неправильное оформление первичной документации, в то время как грубым нарушением признается не неправильное оформление первичной документации, а ее отсутствие, вследствие чего ФАС Московского округа признал действия налогового органа неправомерными¹².

4) Неуплата или неполная уплата налога. Большинство правонарушений данного вида связаны с неправильным способом расчета того или иного налога, либо нежеланием налогоплательщика осуществлять свои обязанности по уплате налогов и сборов. Каких-либо серьезных коллизий в практике анализируемого вида правонарушения нет, поскольку порядок расчета налогов урегулирован налоговым законодательством и изменению налогоплательщиком не подлежит.

Данные виды налоговых правонарушений часто встречаются в судебной практике и потому являются наиболее спорными¹³. Однако сам перечень налоговых правонарушений указанными видами не ограничивается и, как уже

отмечалось, в наиболее полном виде обозначен в главе 16 НК РФ.

Выявление видов налоговых правонарушений не дает возможности решить другие проблемы, связанные с привлечением к ответственности за налоговые правонарушения, либо превышением налоговыми органами своих полномочий, например, правонарушениях, выявленных в процессе налогового контроля. Так, в соответствии со ст. 82 НК РФ налоговым контролем признается деятельность уполномоченных органов по контролю за соблюдением налогоплательщиками, налоговыми агентами и плательщиками сборов законодательства о налогах и сборах в порядке, установленном НК РФ. Законодатель не оговаривает условий проведения мероприятий налогового контроля, в то время как этот факт является существенным. В частности, результаты мероприятий налогового контроля могут быть основанием привлечения к налоговой ответственности, а действия налогоплательщика признаваться в качестве налогового правонарушения только в том случае, если мероприятия налогового контроля были осуществлены в отношении данного правонарушителя. Привлечение к ответственности по результатам проведения проверки другого налогоплательщика признается судами неправомерным. Об этом указано в Постановлении ФАС Московского округа¹⁴. Так, полагая, что действия налоговой инспекции по истребованию в отношении него документов совершены с нарушением ст. 86 НК РФ и нарушают банковскую тайну, предприниматель обратился в арбитражный суд. Из содержания указанной нормы следует, что выписка по операциям на счетах хозяйствующего субъекта может быть запрошена налоговым органом у банка только

12 Постановление ФАС Московского округа от 25.12.2009 № КА-А40/14432-09 по делу № А40-91936/08-98-472 // СПС «Консультант-Плюс».

13 Обозначенные виды правонарушений составили 73% от общего количество изученных материалов судебной практики. Всего было изучено более 300 решений и постановлений арбитражных судов.

14 Требование удовлетворено, поскольку выписка по операциям на счетах хозяйствующего субъекта может быть запрошена налоговым органом у банка только в случае проведения мероприятий налогового контроля в отношении именно этого субъекта: Постановление ФАС Московского округа от 10.09.2013 по делу № А40-166223/12-72-1030 // СПС «Консультант-Плюс».

в случае проведения в отношении этой организации (индивидуального предпринимателя) мероприятий налогового контроля. Кроме того, из положений статей 82 и 83 НК РФ следует, что мероприятия налогового контроля могут быть проведены налоговым органом в отношении налогоплательщиков, состоящих на налоговом учете в данном налоговом органе.

Кроме того, проанализированный пример показал наличие еще одной существенной проблемы – привлечение к ответственности кредитной организации. В данном случае ответственность должна нести не только налоговая инспекция, сделавшая неправомерный запрос, но также и банк, не предоставивший полный ответ на данный запрос. Однако на сегодняшний день вопросы ответственности банков за действия, совершенные в сфере налоговых правоотношений, несмотря на наличие главы 18 в НК РФ, урегулированы недостаточно. На наш взгляд, эти вопросы должны рассматриваться не только законодательством о банковской деятельности, но и налоговым правом, поскольку

предоставление сведений банками являются одним из важнейших доказательств при рассмотрении дел о налоговых правонарушениях и потому применение данного доказательства как такового в налоговом споре должно быть обозначено именно нормативными актами, регулирующими налоговые отношения.

Выводы. В целом выявление налоговых правонарушений и привлечение к ответственности за их совершение являются важнейшими составляющими налогового администрирования, которое является наименее урегулированным сегментом налоговых правоотношений. Проблема искоренения налоговых правонарушений еще является актуальной и открытой. На сегодняшний день остаются неурегулированными многие вопросы как теоретического, так и практического характера, что затрудняет привлечение к ответственности за противоправные действия в сфере налоговых правоотношений и требует дальнейшего изучения указанной проблемы и внесения изменений в действующее законодательство.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Налоговый кодекс РФ (часть первая): Федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 04.06.2014) // СЗ РФ. – 1998. – № 31.
2. О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 57 // СПС «Консультант-Плюс».
3. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.08.2011 № 15АП-7650/2011 по делу № А53-5148/2011 // СПС «Консультант-Плюс»
4. Постановление ФАС Московского округа от 10.09.2013 по делу № А40-166223/12-72-1030 // СПС «Консультант-Плюс».
5. Крохина Ю.А. Финансовое право России: учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014.
6. Налоговое право России: учебник для вузов / Отв. ред. д.ю.н., проф. Ю.А.Крохина. – М., 2007.
7. Теория государства и права: учебник / Под ред. А.В. Малько. – М.: Юрайт, 2013.

BIBLIOGRAPHY

1. Tax code of the Russian Federation (part one): Federal law of 31.07.1998 N 146-FZ (edition of 04.06.2014) // Collection of the legislation of the Russian Federation. – 1998. – N 31.
2. About some questions arising at application of part one of the Tax code of the Russian Federation by arbitration courts: Resolution of Plenum YOU Russian Federation of 30.07.2013 N 57 // APT "Consultant-Plus".
3. The resolution of the Fifteenth arbitration appellate court of 23.08.2011 N 15AP-7650/2011 in the matter of N A53-5148/2011//Union of Right Forces of "Konsultant-Plus"
4. The FAS determination of the Moscow district of 10.09.2013 in the matter of N A40-166223/12-72-1030 // APT "Consultant-Plus".
5. Krokina Yu.A. Financial right of Russia: Textbook. – 4-e prod., reslave. and additional – M.: Norm: Research Center INFRA-M, 2014. – Page 220;
6. Tax right of Russia: The textbook for higher education institutions / Otv. edition д.ю.н., prof. Yu.A.Krokhin. – M 2007.
7. The theory of the state and the right / Under the editorship of. A. V. Malko. – M.: Uright, 2013.

А.Н. НИКИТИН

Генерал Крымов: революционер-корниловец

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена одной из наиболее ярких и драматических фигур в российской истории периода Первой мировой войны и Февральской революции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: революция, террор, репрессии, Первая мировая война, монархия, Временное правительство, приговор.

НИКИТИН А.Н. – доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

A. N. NIKITIN

General Krymov: revolutionary-kornilovets

ANNOTATION. The article is devoted to one of the most striking and dramatic figures in Russian history during the First World war and the February revolution.

KEYWORDS: revolution, terror, repression, the First World war, the monarchy, the Provisional government, the verdict.

NIKITIN A. N. – Doctor of jurisprudence, Doctor of history, Professor Moscow University of ministry of Interior of the Russian Federation name V. Kikot.

В отечественной историографии известное высказывание «революция пожирает своих детей» обычно связывают с теми, кто в Октябре 1917 года утвердил власть Советов, а затем был репрессирован ею в период Великого террора. Речь идет о членах руководящих органов Коммунистической партии, Советского правительства, высшем командном составе Красной Армии. Масштабы репрессий тридцатых годов заслонили трагедию тех, кто был «рожден» Февральской революцией. Первым среди них является, несомненно, Александр Михайлович Крымов.

Имя этого человека неразрывно связано с событиями августа 1917 года, вошедшими в историю как Корниловский мятеж. В советское время в учебниках по истории и даже в научной литературе фамилии Корнилова и Крымова нередко отождествлялись, причем термин корниловец означал «контрреволюционер», «монархист», «душитель свободы», «враг трудового народа».

В исторической литературе постсоветской России названные выше события получили иную трактовку, расцениваются как неудачная попытка тогдашнего Верховного Главнокомандующего Л.Г. Корнилова предотвратить захват власти большевиками. Следует отметить, что в историографии гражданской войны Л.Г. Корнилову отведено значительное место. При этом никто из исследователей не называет его революционером, несмотря на то, что Верховным Главнокомандующим Русской армией Л.Г. Корнилов стал благодаря Февральской революции. Непосредственного участия в свержении монархии он не принимал.

Положение А.М. Крымова иное, но в отличие от бывшего главковерха, судьба генерала не стала объектом специального исследования, хотя объем информации о нем в постсоветский период значительно вырос. В частности, в комментариях к мемуарам участников белого движения и в Интернете можно найти некоторые данные о А.М. Крымове. Характерно, что в послед-

ние годы генерал стал фигурировать в научных исследованиях не столько в связи с выступлением Корнилова, сколько как участник «заговора генералов». В частности, в книге В. Никонова «Крушение России» А.М. Крымов в этом качестве упоминается довольно-таки часто, и не потому что автор уделил особое, тем более чрезмерное внимание. В. Никонов в своем исследовании опирался главным образом на мемуары современников и участников описываемых им событий. Иначе говоря, не исследователь, а мемуаристы выделили А.М. Крымова среди тех, кто готовил свержение Николая Второго.

Например, он фигурирует в числе участников встреч на квартире генерала Василия Гурко, происходивших еще до Первой мировой войны. А.М. Крымова хорошо знали в кружке Гучкова, в «Военной ложе», в думских кругах и в Ставке.¹

Именно он, приехав в начале января 1917 года в Петроград, выступил с докладом перед депутатами Государственной Думы, членами Государственного Совета и Особого Совещания о катастрофическом положении в армии и необходимости государственного переворота. Более того, А.Ф. Керенский утверждает, что известный миллионер М.И. Терешенко, «заручившись согласием генерала Крымова, будущего организатора Корниловского мятежа, разрабатывал план государственного переворота».² В первых числах марта А.М. Крымов был вызван в Петроград с фронта для реализации этого плана. Причем генералу отводилась особая роль в отстранении Николая Второго от власти.

Однако непосредственно участвовать в свержении монархии А.М. Крымову не довелось, Николая Второго заставили отречься от престола другие. Тем не менее генерал не только принял Февральскую революцию, но и связывал с Временным правительством надежды на спасение России и победу в Великой войне. А через полгода он во главе Третьего конного корпуса пошел на Петроград, чтобы установить в стране военную диктатуру.

Как известно, по делу Корнилова был арестован ряд высших военных чинов Русской армии, включая самого Верховного Главнокомандующего, но застрелился только А.М. Крымов. В мемуарах современников высказаны различные версии, почему Крымов совершил самоубийство. Наиболее нелицеприятную для погибшего высказал А.Ф. Керенский. Именно после разговора с ним генерал покончил с собой. Все, кто знал А.М. Крымова, не поверили Керенскому, но никто не дал внятного объяснения случившемуся.

Нет его и в научной литературе. Между тем факт самоубийства А.М. Крымова заслуживает самого пристального внимания, равно как и то, почему он оказался сперва заговорщиком-революционером, а затем — мятежником. Ответить на эти вопросы можно только, обратившись к биографии генерала и свидетельствам сослуживцев этой, несомненно, яркой и трагической личности.

Александр Михайлович Крымов родился в 1871 году в Варшавской губернии. Дворянин. Окончил кадетский корпус, военное училище, Академию Генерального штаба. После непродолжительной службы в 6-й артиллерийской бригаде был переведен в мобилизационный отдел Генерального штаба. Тогдашний начальник отдела генерал А.С. Лукомский в своих мемуарах дал высокую оценку интеллектуальным способностям и деловым качествам своего подчиненного.

А.С. Лукомский утверждает, что А.М. Крымов выделялся среди других офицеров. Остальные, в частности П.П. Лебедев, будущий начальник Полевого штаба Красной Армии, и И.П. Романовский, возглавивший в годы Гражданской войны штаб Главнокомандующего вооруженных сил на юге России, ничем особенным не отличались. «Крымов же был очень яркой фигурой. За что бы он ни брался, он во все вносил свое «я». Он был не всегда сдержан и не всегда хорош «по письменной части», но

1 Никонов В. Крушение России / Вячеслав Никонов. — М.: АСТ: Астрель, 2011, с.540.

2 Никонов В. Указ. соч., с.542.

был безусловно талантлив и при разработке различных вопросов всегда вносил в дело новые и оригинальные идеи».³

Видимо, А.М. Крымов стал членом «Военной ложи» - тайного военно-политического центра, созданного А.И. Гучковым еще до Первой войны, наряду с другими «молодыми карьеристами Главного управления Генерального штаба».⁴ Однако пребывание в этой тайной организации никак не содействовало его продвижению по службе. Чин полковника он получил еще в Генштабе. Чтобы стать генералом, требовался командный опыт. По совету А.С. Лукомского, А.М. Крымов принял командование казачьим полком в Забайкалье. Через два года службы в суровом краю полковника назначили на должность генерала для поручений при командующем Туркестанским военным округом генерале А.В. Самсонове.

В этой же должности, то есть помощника командующего, А.М. Крымов вместе со своим начальником оказался во Второй армии, наступавшей в августе 1914 года в Восточной Пруссии.

Барбара Такман в своей книге «Августовские пушки» назвала А.М. Крымова «глазами и ушами» командарма.⁵ Полковник обеспечивал А.В. Самсонова необходимой информацией о подчиненных ему войсках, их состоянии, местонахождении.

Как известно, Вторая армия по вине Главного командования Русской армии, главнокомандующего Северо-Западным Фронтом и самого Самсонова была разгромлена, большая часть ее личного состава погибла или попала в плен. Из окружения вырвались немногие, в том числе А.М. Крымов.

Мужественное поведение полковника было оценено по достоинству. Он получил чин генерал-майора и командование конной бригадой. Через год с небольшим А.М. Крымов стал

начальником конной дивизии, за храбрость и боевые успехи был награжден Георгиевским оружием и Орденом Святого Георгия 4-й степени. Но только после Февральской революции он получил Третий конный корпус и чин генерал-лейтенанта.

Имеются основания полагать, что именно поражение Русских войск в Восточной Пруссии сделало А.М. Крымова убежденным противником монархии и лично Николая Второго. Бывший подчиненный А.М. Крымова барон П.Н. Врангель оставил любопытное свидетельство на этот счет. Мемуарист называет А.М. Крымова «ярким сторонником «дворцового переворота» и «бескровной революции». П.Н. Врангель пишет о своем начальнике следующее: «Выдающегося ума и сердца человек, один из самых талантливых офицеров генерального штаба, которых приходилось мне встречать на своем пути... В неоднократных спорах со мною в длинные зимние вечера, он доказывал мне, что так дальше продолжаться не может, что мы идем к гибели и что должны найтись люди, которые ныне же, не медля устранили бы Государя «дворцовым переворотом».⁶ Барон отметил также то, что А.М. Крымов с радостью встретил известие о Февральской революции, но уже вскоре стал возмущаться политикой Временного правительства в отношении армии, всеилием Советов, ростом влияния большевиков.

По инициативе А.М. Крымова на Юго-Западном фронте возникла тайная офицерская организация. Она должна была стать центром борьбы после окончательного развала армии. Генерал хотел в случае падения «идти со своим корпусом форсированным маршем к Киеву, занять этот город, утвердившись в нем, «кликнуть клич»... В дальнейшем возможно было продолжение европейской войны, хотя и не сплошным фронтом, но сильными отборными

3 Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. / А.С. Лукомский; составл., предисловие, коммент. С.В. Волкова. – М.: Айрис-Пресс, 2012, с.229.

4 Никонов В. Указ. соч., с.517.

5 Такман Б. Августовские пушки. М.: Молодая гвардия, 1972, 496 с.

6 Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт, ноябрь 1916г. – ноябрь 1920г. Часть I. – М.: ТЕРРА, 1992, с.8-9.

частями, которые, даже отступая в глубь страны, отвлекали бы на себя большие силы австро-германцев».⁷

Офицерскую организацию, Третий конный корпус и себя лично А.М. Крымов предоставил в полное распоряжение Верховного Главнокомандующего Корнилова, решившего установить военную диктатуру, чтобы спасти армию и страну, обеспечить дальнейшее участие России в Мировой войне.

Однако Л.Г. Корнилов действовал непоследовательно и недостаточно решительно. Он не возглавил войска, направленные на Петроград, о чем, правда, впоследствии очень жалел. Более того, претендент на диктаторство скрыл от войск, направленных им на Петроград, истинную цель похода, в то же время допускал возможность сговора с Керенским.

Между тем А.М. Крымов выступал категорически против какого-либо соглашения с Керенским. Заявление Корнилова о готовности поддержать главу Временного правительства, «если это нужно для блага Отечества», лишило А.М. Крымова уверенности в успехе выступления. По свидетельству А.И. Деникина, генерал еще до начала похода был полон пессимизма, заявил, что он отдаст делу свою голову, но 90% за неудачу.⁸

Керенский же действовал решительно. Он обратился за помощью к Советам и большеви-

кам, сместил Л.Г. Корнилова с занимаемого им поста. Верховный Главнокомандующий подчинился, хотя ранее, в «Обращении к народу», заявил, что предпочитает смерть устранению его от должности.⁹

Но стреляться Л.Г. Корнилов не стал, застрелился, как известно, только А.М. Крымов, причем после бурной перепалки с Керенским. Перед тем как выстрелить себе в сердце, А.М. Крымов написал письмо Л.Г. Корнилову. О чем писал перед смертью боевой генерал – неизвестно. Корнилов сразу же, после прочтения уничтожил письмо, а на вопрос А.С. Лукомского, что содержится в нем, ответил, что ничего особенного.¹⁰ Тем не менее А.С. Лукомский счел нужным подчеркнуть в своих мемуарах: «Корнилов почему-то, как тогда, так и впоследствии не хотел никому сообщить содержание полученного им письма».¹¹

В заключение представляется важным отметить следующее: Корниловский мятеж в августе 1917 года, равно как и ГКЧП в августе 1991 года, самым непосредственным образом способствовал крушению государства. Однако в отличие от гэкачепистов корниловцы попытались исправить допущенную ошибку. А.М. Крымов же, понимая, что корниловское выступление не только не устранило угрозу гибели страны, но скорее всего ускорит ее, сам себе вынес приговор и своими руками привел его в исполнение.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. П.Н. Врангель. Воспоминания. Южный фронт, ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г. Часть I. – М.: ТЕРРА, 1992.
2. А.И. Деникин Очерки русской смуты: в 3 книгах. – Книга 2. – Т.2. Борьба генерала Корнилова. Т.3. Белое движение и борьба Добровольческой армии. – М.: Айрис-Пресс, 2003.
3. Б. Такман. Августовские пушки. – М.: Молодая гвардия, 1972.

BIBLIOGRAPHY

1. B.P. Wrangell. Memories. The southern front, November 1916. – November, 1920, Part I. – M.: TERRA, 1992.
2. A.I. Denikin Essays on Russian troubles: in 3 books. – Book 2. -T. 2. The struggle of General Kornilov. So 3. The white movement and the struggle of the Volunteer army. – M: Iris Press, 2003.
3. B. Tacman. The August gun. – M.: Molodaya guardiya, 1972.

7 Деникин А.И. Очерки русской смуты: в 3 книгах. – Книга 2/Т.2. Борьба генерала Корнилова; Т.3. Белое движение и борьба Добровольческой армии. – М.: Айрис-Пресс, 2003, с. 26–27.

8 Деникин А.И. Указ. соч. с.39.

9 Там же, с.77.

10 Лукомский А.С. Указ. соч. с.405.

11 Там же.

Ю.А. СВИРИН, Г.Б. РОЖКО

Нормотворчество работодателей в сфере социального партнерства в России и зарубежных странах (сравнительно-правовой анализ)

АННОТАЦИЯ. В представленной статье авторами доказывается наличие права на нормотворческий процесс не только за исполнительной или законодательной властью, но также и за негосударственными предприятиями и организациями, а также за отдельными гражданами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Социальное партнерство, коллективный договор, нормотворчество работодателей, судебное нормотворчество, локальный нормативный акт, корпоративная норма.

СВИРИН ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-го и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета им. О.Е.Кутафина, действительный член Академии естественных наук, академик Академии фундаментальных наук (e-mail: usvirin@mail.ru).

РОЖКО ГАЛИНА БОРИСОВНА – кандидат юридических наук, руководитель группы по нормотворчеству Правового департамента Федерации Независимых Профсоюзов России (e-mail: gala_r@inbox.ru).

U.A. SVIRIN, G.B. ROZHKO

The setting of employers in the sphere of social partnership in Russia and foreign countries (comparative analysis)

ANNOTATION: In the present paper the authors proved the existence of a right to the normative process, not only for the Executive or the legislature, but also for non-state enterprises and organizations, and individual citizens.

KEYWORDS: Social partnership, social partners, collective bargaining agreement, the rulemaking employers, judicial rulemaking, local normative act.

SVIRIN YURY – doctor of jurisprudence, Professor of the Department of civil and administrative proceedings, Moscow state juridical University O.E. Kutafina, Full member of the Russian Academy of Natural Sciences, Academician of the Academy of Fundamental Sciences (e-mail: usvirin@mail.ru, tel: 8-926-2094545).

ROZHKO GALINA – candidate of jurisprudence, Head of legislation section of the Legal Department, Federation of Independent Trade Unions of Russia (e-mail: gala_r@inbox.ru, tel: 8-916-9465274).

На протяжении столетий только государство в лице своих органов и должностных лиц обладало особой привилегией и иммунитетом на нормотворчество. Причем право принимать те или иные нормы имела только законодательная или исполнительная власть. Российская правовая наука и практика не признавали за судебной властью и тем более за негосудар-

ственными образованиями права на нормотворчество. В то время как в странах англо-саксонской системы права и некоторых странах романо-германской системы права давно обосновывалась пруденциальность существования судебных норм. Как справедливо замечал американский исследователь права Уильям Бернам: «Судебные решения расширяют гра-

ницы права, установленные отдельно взятой нормой писанного права. Здесь явно имеется нормотворчество»¹.

Среди российских исследователей корпоративного права в настоящее время педалируется теория корпоративного нормотворчества. Можно признать, что корпоративные правила поведения принимаются от имени государства, поскольку государство на основании отдельных законодательных актов передало часть своих полномочий хозяйствующим субъектам. Корпоративные правила отвечают признакам нормативности: рассчитаны на неоднократное применение, действуют на неограниченной территории, неограниченно во времени и рассчитаны на неограниченный круг лиц, в силу чего такие правила поведения становятся корпоративными нормами.

Кроме этого в соответствии со статьей 8 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) за работодателем закреплено право локального регулирования трудовых отношений. Следовательно, работодатели (за исключением индивидуальных предпринимателей) принимают локальные нормативные акты (содержащие нормы права). Имплицитный характер такого процесса нормотворчества тем не менее не может служить мотивацией к его отрицанию. Локальный нормативный акт, содержащий нормы трудового права, – акт, принимаемый работодателем с целью управления организацией и трудом в ней, имеющий общий и обязательный характер для работников, состоящих в трудовых отношениях с данным работодателем².

Нормативные полномочия как одно из свойств хозяйской власти работодателя осно-

вывается на положении, занимаемом хозяином как главы предприятия³. Следовательно, нормативные полномочия работодателя обусловлены его положением организатора производства и трудового процесса.

С конца XIX – начала XX столетий стали возникать научные дискуссии о правовой природе локальных нормативных актов. Можно ли отнести данные акты к самостоятельным источникам права?

Научное сообщество во взглядах по данному вопросу разделилось на две части: часть правоведов относилась локальные акты к договорам; другие ученые рассматривали их как продукт, производный в результате делегирования государством правотворчества субъекту, их создающим. На фоне подобных научных разногласий Л.С. Таль отмечал, что право работодателей на нормотворчество является формой правового определения, охраняемого государством⁴. Такая позиция является не вполне обоснованной и логичной, поскольку государство, обладая высшей властью, вполне может делегировать властные полномочия работодателю по определенным вопросам. Как справедливо замечает по этому вопросу А.Ф. Нуртдинова, здесь речь идет о наделении работодателя правотворческими полномочиями для решения задачи построения общего правопорядка, составной частью которого является правопорядок в организации⁵.

Свои труды процессу локального нормотворчества посвящали такие исследователи, как: Л.И. Антонова, Р.И. Кондратьев, Г.В. Хныкин и другие⁶. Л.С. Таль, являясь создателем идеи автономного правотворчества, также отмечал роль государства, наделяющего работодателя

1 Бернам У. Правовая система США. Изд-во: Новая юстиция. 2006. С.107.

2 Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / отв. ред. Н.Г. Гладков, И.О. Смигирева. М.: Профиздат, 2011. С. 35.

3 Таль Л.С. Очерки промышленного рабочего права. М., 1918. С. 28-29, 30-31.

4 Таль Л.С. Автономное правотворчество в частном праве // Юридический вестник. 1916. Книга XVI. С. 151.

5 Нуртдинова А.Ф., Чиканова Л.А. Права работодателей в трудовых отношениях. М.: Эксмо, 2010. С. 229.

6 Антонова Л.И. Локальное правовое регулирование. Л., 1985. С. 15; Кондратьев Р.И. Локальные нормы трудового права и материальное стимулирование. Львов, 1973. С. 45; Хныкин Г.В. Локальные нормативные акты трудового права. Иваново, 2004. С. 51.

соответствующими полномочиями⁷, и осуществлявшего надзор за реализацией нормативной власти последнего.

Следует отметить, что и зарубежные авторы уделяли внимание данной теоретической проблеме как трудового права, так и в целом теории права. Рассуждая о главенстве государства при осуществлении социального самоопределения, немецкий правовед и юрист Хуго Зинцгеймер высказывал ряд соображений, свидетельствующих о том, что «правовая действительность имеет самостоятельное значение рядом с правовым порядком»⁸. Немецкий ученый полагал, что верховенство государства проявляется в следующих формах:

- установление пределов действия социальных норм посредством принудительных законов;
- определение условий возникновения и юридической силы социальных норм;
- осуществление надзора в целях сохранения в отведенных пределах правотворчества социальных образований⁹.

Действительно нормотворческая власть принадлежит государству, наделение ею какого-либо субъекта права зависит от воли самого государства. На данную проблему в теории государства и права существует несколько подходов, рассматриваемых как функции государства и как форма реализации функции государства¹⁰. С одной стороны, именно государство в лице своих органов выступает носителем нормативной власти, его право и обязанность принимать нормативные правовые акты имеет безусловный характер. С другой стороны, иные субъекты также могут быть наделены правом нормотворчества, но только по усмотрению государства.

В процессе реализации своей нормативной власти работодатель учитывает мнение представительного органа работников (при наличии такого представительного органа) в случаях,

указанных в законе (ст. 8 ТК РФ). Кроме того, данное участие работников и их взаимодействие с работодателем предполагается при вступлении в коллективные переговоры в рамках системы социального партнерства. А.Ф. Нуртдинова справедливо замечает, что выбор способа регулирования трудовых отношений в рамках организации (локальное, либо коллективно-договорное) зависит главным образом от активности представительных органов работников, поскольку работодатель обязан вступить в коллективные переговоры по требованию работников (ст. ст. 22, 36 ТК РФ), хотя правовое регулирование всегда будет основано на признанной законодателем правотворческой функции работодателя.

Нормативное регулирование (локальное нормативное либо коллективно-договорное регулирование), установленное в законном порядке, является не случайным. В соответствии со ст. 2 ТК РФ исходя из общепризнанных принципов и норм международного права и в соответствии с Конституцией РФ одним из основных принципов правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений является социальное партнерство, включающее право на участие работников, работодателей (их объединений) в договорном регулировании трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений. Закрепление данного принципа в законе обеспечивает баланс между управлением организации (бизнеса) работодателем посредством издания локальных нормативных актов, с другой стороны, соблюдаются интересы работников и работодателей при формировании условий труда, необходимых условий, обусловленных спецификой социально-общественных отношений.

Стоит обратить внимание, что локальный нормативный акт, противоречащий актам

7 Таль Л.С. Очерки промышленного права. М., 1916. С. 49.

8 Sinzheimer H. Die soziologische Methode in der Privatrechts. München, 1909. S. 7.

9 Sinzheimer H. Der korporative Arbeitsnormenvertrag. 1907/08 / ders., Ein Arbeitstarifgesetz, 1916. Bd. 2.

10 Ильин И.А. Теория права и государства / под ред. В.А. Томсинова. М., 2003. С. 126, 128; Лазарев В.В. Общая теория права и государства. Учебник. М., 1994. С. 86, 336.

вышестоящего уровня, коллективному договору, соглашению не может действовать¹¹, следовательно, нормативная власть работодателя реализуется в большей степени не в единоличном режиме или с учетом мнения представительного органа работников, а совместно с работниками (с их представителями). В указанном совместном взаимодействии важным является, что коллективно-договорное регулирование социально-трудовых отношений происходит самими сторонами этих отношений, то есть социальными партнерами. При этом единоличное регулирование отношений работодателем в этом случае ограничивается. Отражая принцип социального партнерства, совместное осуществление нормотворческой деятельности работников и работодателей влечет в определенной степени разделение нормотворческого права последних.

Не только работодатели наделены государством правом создания нормативных правовых актов, но и работники в рамках системы социального партнерства в сфере труда. Напомним, что коллективные договоры и соглашения (генеральные, региональные, межотраслевые, отраслевые тарифные, профессиональные тарифные, территориальные и иные) являются договорными актами, заключаемыми на двусторонней основе, выражающими отношения социального партнерства между представителями работников и работодателей. Вышеуказанные акты являются специфическими договорными источниками трудового права, исходящими не от органов государственной власти и управления, а от субъектов общественных трудовых отношений и их представителей. Таким образом, работники (как сторона социального партнерства) наделены государством правом на нормотворчество.

В большинстве стран коллективные договоры являются источником трудового права, однако их роль различна: в некоторых странах их роль незначительна, в других же, напротив, значи-

тельна и практически приравнена к законам (Бельгия, Италия, Франция).

В европейских странах коллективный договор представляет собой довольно объемный документ, имеющий содержательную нормативную часть, предусматривающую гарантии практически по всем институтам трудового права (заработная плата, рабочее время и время отдыха, пенсионное обеспечение, режим работы, охрана труда, права профсоюзов на предприятии и прочее). Такая особенность создает законодательную практику, где законом оговаривается, что коллективные договоры могут содержать любые положения, регулирующие взаимоотношения работодателей (предпринимателей) и работников¹².

Таким образом, национальное законодательство, локальные и коллективно-договорные акты представляют собой способы правового регулирования, каждый из которых является необходимым. Законодатель устанавливает минимальные уровни правовых гарантий, что страхует работника в положении «*force majeure*» в экономике и на рынке труда, а также одновременно создает социально-трудовые минимумы для локального коллективно-договорного регулирования усмотрения как самого работодателя, так и социальных партнеров. Что касается коллективных договоров, то надо отметить их гибкость по сравнению с законодательством.

Коллективные договоры способны оперативно реагировать на изменения в социально-экономической среде государства и отражать изменения в организации и ситуации на рынке труда, а также учитывать соотношение сил как в общенациональном масштабе, так и в отдельных отраслях, и на предприятиях. Подобная оперативность в свою очередь предоставляет возможность профсоюзам улучшать условия труда по сравнению с законодательством РФ.

Можно сделать вывод о том, что реализуя свое нормотворческое право, работодатели (их объ-

11 Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / отв. ред. Н.Г. Гладков, И.О. Снегирева. М.: Профиздат, 2011. С. 35.

12 Киселев И.Я. Зарубежное трудовое право. Учебник для вузов. М.: Норма, 2000. С. 154.

единения), представители работников могут не только оказывать влияние и формировать условия труда, а также регулировать отношения, учитывая, в том числе, локальную специфику (в том числе, отраслей и организаций).

Международная практика демонстрирует высокую значимость и практичность института коллективно-договорного регулирования социальных и трудовых отношений. Право на коллективные договоры в таких странах, как Греция, Испания, Италия, Португалия, Франция, Япония и другие, прямо закреплено в их национальных конституциях.

В Австрии, Германии, Дании, Люксембурге это право рассматривается как производное от права на ассоциацию¹³, являющегося одним из четырех международных фундаментальных принципов социальной политики, закрепленных в Уставе МОТ¹⁴. В Германии и Австрии законодательством предусмотрена возможность заключать коллективные соглашения органам представительства трудовых коллективов предприятий по вопросам, которые не были урегулированы в коллективных договорах ранее профсоюзами.

В Германии коллективные договоры заключаются между отдельным работодателем и советом представителей рабочих и служащих на пред-

приятии. Сфера деятельности коллективного договора распространяется на конкретное предприятие, на котором оно было заключено. В коллективных договорах отражены вопросы, касающиеся размеров заработной платы, рабочего времени, отпусков, оплаты сверхурочной работы, правил прекращения трудовых договоров и прочие¹⁵. Работодатели и совет представителей рабочих и служащих заключают их по вопросам, входящим в компетенцию совета, определяемую Законом ФРГ от 25 сентября 2001 г. «О правовом режиме (конституции) предприятия»¹⁶.

В связи с обладанием осуществления права в нормотворчестве сторонами социального партнерства в части договорного регулирования отношений в рамках социального партнерства в сфере труда, а также исследуемой зарубежной практики, коллективные договоры и соглашения должны быть отнесены к источникам регулирования трудовых отношений и иных, непосредственно связанных с ними отношений. Кроме того они обладают признаком нормативности. Данный вывод обусловлен, в том числе и наличием нормы ч. 2 ст. 5 ТК РФ, где среди иных актов, содержащих нормы трудового права, упоминаются и коллективные договоры и соглашения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Об основополагающих принципах и правах в сфере труда: декларация МОТ (Женева, 18 июня 1998 г.) // РГ. 1998. № 238. 16 декабря.
2. Трудовой Кодекс Российской Федерации (Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ, ред. от 28.06.2014) // РГ, 2001. 31 декабря.
7. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / отв. ред. Н.Г. Гладков, И.О. Снигирева. М.: Профиздат, 2011.

BIBLIOGRAPHY

1. The ILO's Declaration On fundamental principles and rights at work (Geneva, 18 June 1998) // RG. 1998. No. 238. on December 16.
2. Labour code of the Russian Federation (Federal law dated 30.12.2001 No. 197-FZ, as amended on 28. 06. 2014) // RG. 2001. 31 december.
7. Comment to the Labour code of the Russian Federation / resp. Ed. N.G. Gladkov, Acting Snigireva. M: Profitat, 2011.

13 Киселев И.Я. Там же. С. 145-146.

14 Об основополагающих принципах и правах в сфере труда: декларация МОТ (Женева, 18 июня 1998 г.) // РГ. 1998. № 238. 16 декабря.

15 Шумилов В.М. Введение в правовую систему ФРГ. М.: Дека, 2002. С. 105.

16 Betriebsverfassungsgesetz. In der Fassung der Bekanntmachung vom 25. September 2001 (BGB1. I S. 2518). Zuletzt geändert durch Gesetz vom 18. Mai 2004 (BGB1. I S. 974).

К.А. ГИТЛИНА

Суррогатное материнство в законодательстве Израиля и России

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются вопросы защиты прав ребенка, родившегося с помощью суррогатного материнства. Автором были выбраны страны Израиль и Россия для анализа опыта правового регулирования в данной сфере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: суррогатное материнство, семейное право, установление происхождения детей.

ГИТЛИНА КАРИНА АЛЕКСЕЕВНА – аспирант кафедры гражданского и трудового права Российского университета дружбы народов.

K.A. GITLINA

Rights of the child to the context surrogacy for accepting the law of Israel and Russia

ANNOTATION. The article is devoted to the problems of children's rights, who was born via surrogate motherhood. The author has selected countries Israel and Russia for the analysis of the experience in the legal regulation of this sector.

KEYWORDS: surrogate motherhood, family law, establishing the origin of the children.

GITLINA KARINA A. – graduate student, Department of civil and labour law of the Russian University of friendship of peoples.

На естественный процесс репродукции пытались влиять во все времена, так, например, у евреев в священном писании – Торе – описывается ситуация с одним из праотцов Авраама, у которого жена, Сара, была бездетная, она прибегала к помощи служанки-наложницы, та и родила ребенка от супруга.¹

В Древнем Риме мужчины отдавали своих жен внаем (*ventrem locare*) супружеским парам, где жена была бесплодна, и ребенок, рожденный с помощью «наемной» матери, являлся законным ребенком бесплодной супружеской пары.

Научный прогресс способствовал частичному решению проблемы бесплодия. Суррогатное материнство в современном его понимании стало возможным после появления таких технологий, как искусственное оплодотворение. Технически это выглядит как получение генетического материала от генетических родителей с последующей «посадкой» оплодотворенного эмбриона для вынашивания и

рождения в организм суррогатной матери как в «биологический инкубатор».

В 1978 году с помощью метода искусственного оплодотворения был рожден первый ребенок, им стала британская девочка Лиза Браун. С того времени метод вспомогательных репродуктивных технологий изменился и стал массовым. Появился термин «суррогатное материнство». Согласно, п. 9 ст. 55 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям.

¹ Тора, книга Берешит глава Ваэра М., 2007/5767. С 1455.

Суррогатное материнство разрешено законами большинства штатов США (кроме Нью-Джерси, Мичигана и Аризоны), законами Австралии, Великобритании, Дании, Израиля, Испании, Канады, Нидерландов, Украины, Грузии, ЮАР.

Во Франции суррогатное материнство поставлено вне закона, т.к. оно противоречит законодательству об усыновлении и нарушает законодательно закрепленные принципы. Суррогатное материнство прямо запрещено законом в таких странах, как Голландия, Италия, Швейцария.

Израиль.

В 1996 году был принят закон «Суррогатное соглашение» (Об утверждении договора и статуса новорожденного ребенка). Для реализации закона была назначена Комиссия по утверждению договоров о вынашивании ребенка. Комиссия состоит из семи членов, среди них врачи специалисты в области гинекологии и новорожденных, клинический психолог, социальный работник, представитель обществуственности, юрист, представитель религии, в соответствии с вероисповеданием сторон договора.

Перед утверждением договора о суррогатном материнстве Комиссия должна убедиться, что будущая суррогатная мать не страдает психическим расстройством и не испытывает финансовую нужду.

Помимо этого, суррогатная мать должна отвечать следующим требованиям и критериями:

- возраст для суррогатной матери ограничен от 22 до 38 лет;
- такая процедура как роды у будущей суррогатной матери не должна превышать более трех раз, а сами роды должны были проходить без осложнений;
- должно пройти не менее одного года после последних родов;
- у суррогатной матери должен быть собственный здоровый ребенок;
- на момент принятия решения стать суррогатной матерью женщина не должна находиться в сложной ситуации, например: развод, потеря или тяжелая болезнь члена семьи и т.д.

Воспользоваться услугами суррогатной матери может лишь супружеская пара, состоящая в заре-

гистрированном браке и являющиеся гражданами Израиля.

Не имеют права воспользоваться услугами суррогатной матери в Израиле:

- люди, не состоящие в зарегистрированном браке;
- пары, в которых бесплоден мужчина;
- однополые пары.

Изучив социальную ситуацию, в январе 2014 г. правительство Израиля одобрило поправки к закону о суррогатном материнстве и передало законопроект на рассмотрение Законодательной комиссии. Наряду с другими вносятся следующие изменения:

- наравне с гетеросексуальными семейными парами, услугами суррогатной матери смогут воспользоваться гомосексуальные пары, а также родители-одиночки;
- в качестве суррогатных мам могут выступать близкие родственники (за исключением родства первой линии).

Данные изменения помогут ряду граждан стать долгожданными родителями.

Россия.

В России суррогатное материнство было легализовано с принятием Семейного кодекса Российской Федерации в 1995 г. Именно тогда и появился новый для российского законодательства термин «суррогатная мать». Однако наличие ст.51 и ст. 52 СК РФ не решило многих вопросов, возникших с введением данного термина, например: определение суррогатной матери и требования, предъявляемые к ней, какой вид договора должен регулировать данные отношения, каковы последствия нарушения условий договора и др.

В январе 2012 года вступил в силу Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»², где в ст. 55 предполагается ряд позитивных изменений в сфере регулирования суррогатного материнства. Так, в п.9 дается определение суррогатному материнству: «суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод

2 Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // РГ. 2011. 23 ноября.

после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям». В пункте 10 той же статьи определяется, что «суррогатной матерью может быть женщина в возрасте от двадцати до тридцати пяти лет, имеющая не менее одного здорового собственного ребенка, получившая медицинское заключение об удовлетворительном состоянии здоровья, давшая письменное информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство. Женщина, состоящая в браке, зарегистрированном в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, может быть суррогатной матерью только с письменного согласия супруга. Суррогатная мать не может быть одновременно донором яйцеклетки».

Анализ п. 10 ст. 55, дает возможность выделять критерии, которым должна отвечать суррогатная мать:

- Возраст 20-35 лет;
- Наличие здорового собственного ребенка;
- Состояние здоровья, позволяющее быть суррогатной матерью.

Данные положения повторяют содержание Приказа № 67 Министерства здравоохранения РФ от 2003 г. «О применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в терапии женского и мужского бесплодия», где определяются показания к проведению процедуры суррогатного материнства в России, требования к суррогатным матерям, а также объем исследований для заменяющей мамы и биологических родителей, который применялся до принятия закона о здравоохранении.

После принятия ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» вводится норма, согласно которой женщина, состоящая в браке, может стать суррогатной матерью только с согласия супруга. Заключить договор с суррогатной матерью разрешается и «одинокой женщине, для которой вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям».

Регистрация ребенка, рожденного суррогатной матерью, осуществляется в порядке, предусмотренном в ст. 16 Федерального закона «Об актах

гражданского состояния», в соответствии с которым «при государственной регистрации рождения ребенка по заявлению супругов, давших согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, одновременно с документом, подтверждающим факт рождения ребенка, должен быть представлен документ, выданный медицинской организацией и подтверждающий факт получения согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери), на запись указанных супругов родителями ребенка».

В случае использования метода суррогатного материнства между генетическими родителями и женщиной, в дальнейшем выполняющей роль суррогатной матери, заключается договор.

Содержание закона не позволяет определить тип договора, используемый при суррогатном материнстве. И это вызывает сложности, так как не установлены его правовая природа, содержание, механизм его реализации и другие вопросы.

Дискуссионным является вопрос о характере отношений между субъектами договора о суррогатном материнстве.

Так, согласно ст. 4 Семейного кодекса РФ, к «имущественным и личным неимущественным отношениям между членами семьи, не урегулированным семейным законодательством, применяется гражданское законодательство». Некоторые авторы, основываясь на ст. 420 ГК РФ, не рассматривают договор о суррогатном материнстве как гражданско-правовой.

Другой точки зрения придерживается в своей работе «Обязательства суррогатного материнства» Пестрикова А.А., определяющая договор о суррогатном материнстве как договор возмездного оказания услуг. Однако с данной позицией вряд ли можно согласиться, учитывая особый характер взаимоотношений сторон по такому договору.

Исходя из общих правил ГК РФ о договоре возмездного оказания услуг (гл. 39 ГК РФ), заказчик оплачивает услугу, а исполнитель обязуется оказать услугу, но несет риск за недостижение результата. В силу своей специфики по договору о суррогатном материнстве услугой будет беременность и роды, а результатом являться ребенок, родившийся с помощью суррогатной матери.

В ст. 782 ГК РФ заказчик вправе отказаться от исполнения услуги при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов. В подобной ситуации проблемы могут возникать и у исполнителя, в случае, если суррогатная мать уже беременна и срок беременности не позволяет ей сделать аборт, а у ребенка, который будет рожден суррогатной матерью, уже не будет родителей в случае отказа от него самой суррогатной матерью.

Учитывая особый характер договора о суррогатном материнстве, его сложно отнести к гражданско-правовому договору об оказании услуг.

Законом нигде не определены и существенные условия договора о суррогатном материнстве. Полагаем, что такими условиями следует считать:

- последствия при потере ребенка или при рождении больного ребенка;
- последствия отказа передачи ребенка генетическим родителям;
- последствия отказа заказчиков принять ребенка;
- как производится расчет с самой суррогатной матерью, а также с медицинским учреждением
- указание организации здравоохранения, где будут проходить процедуры, связанные от имплантации до рождения ребенка;
- место проживания суррогатной матери на необходимый для вынашивания и рождения ребенка период;
- обязанность суррогатной матери выполнять все предписания врачей, в том числе по соблюдению режима питания и распорядка дня, отказа от курения и прочих дурных привычек, обязательство

информировать генетических родителей о возникающих у суррогатной матери осложнениях и болезнях, независимо от того, представляются ли они несущими опасность самой суррогатной матери.

Помимо определения типа договора о суррогатном материнстве существует еще ряд других проблем, требующих своего разрешения. Это, например:

- признание ребенка, рожденного вследствие исполнения договора о суррогатном материнстве, стороной (не объектом), но субъектом правоотношений;
- правовые последствия неисполнения договора о суррогатном материнстве, то есть отказа суррогатной матери отдать ребенка генетическим родителям;
- правовые последствия отказа генетических родителей исполнить договор о суррогатном материнстве, оплатить его, принять ребенка;
- права ребенка на алиментные обязательства в случае отказа обеих сторон договора о суррогатном материнстве от его исполнения;
- проблема признания отцовства биологического отца в случае отказа суррогатной матери вернуть ребенка во исполнение договора, вытекающие из этого решения права и обязательства всех сторон;
- наследственные отношения, а также другие правовые проблемы.

Сравнительный анализ материалов и информации, относящихся к вопросу суррогатного материнства, в исследуемой области говорит о том, что в России назрела необходимость принятия специального федерального закона о суррогатном материнстве.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Конституция Российской Федерации. Принята 12 декабря 1993 года // РГ. 2009. 21 января.
2. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.11.2014) // URL: www.pravo.gov.ru.
3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // РГ. 2011. 23 ноября.

BIBLIOGRAPHY

1. The Constitution of the Russian Federation. Adopted on December 12, 1993 // RG. 2009. January 21.
2. The Family Code of the Russian Federation: Federal Law of December 29, 1995 N 223-FZ (ed. By 04.11.2014) // URL: www.pravo.gov.ru.
3. On the basis of the health of citizens in the Russian Federation: Federal Law of 21.11.2011 № 323-FZ // the RG. 2011. 23 November.

В.В. ИВАНОВА*

К вопросу о сущности российской адвокатуры

АННОТАЦИЯ. В статье уделено внимание понятию адвокатуры, данное в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», считая его несоответствующим действительному назначению адвокатуры, предложено авторское определение понятия адвокатуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: адвокатура, сообщество профессиональных адвокатов, институт гражданского общества, правозащитничество, частно-правовой, публично-правовой институт.

ИВАНОВА ВИКТОРИЯ ВЛАДИМИРОВНА – аспирантка РААН (scec_cpri@mail.ru).**V.V. IVANOVA***

To the question about the essence of the Russian advocacy

ANNOTATION. In the article attention is paid to the concept of advocacy given in the Federal law "On advocacy and the bar in the Russian Federation", considering it irrelevant to the actual purpose of advocacy, the author suggests his own definition of the concept of advocacy.

KEYWORDS: advocacy, community of professional lawyers, the civil society Institute, intercession of law, Institute of private law or public law.

IVANOVA VICTORIA – graduate student of RAAN (scec_cpri@mail.ru).

В соответствии с п. 1 ст. 3 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатура – это профессиональное сообщество адвокатов и институт гражданского общества, который не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Данное определение, по нашему мнению, не раскрывает в полной мере сути и правового значения адвокатуры как для государства в целом, так и для каждого, в частности, а лишь показывает его внешнюю сторону, да и то, только в узком аспекте.

Считаем, что от того, как четко и полно сформулированы и раскрыты законодателем дефиниции тех или иных институтов, понятий, терминов, отношений в нормативно-правовых актах зависит

понимание, уважительное отношение и исполнение закона как профессиональными правоведами, так и обычными людьми, не имеющими юридического образования, а что приводит к отсутствию противоречий с вновь принимаемыми нормативно-правовыми актами, подзаконными актами и судебными постановлениями, отсутствию споров среди правоприменителей, что в итоге обеспечивает правопорядок в государстве.

Советский ученый М.А. Гурвич очень метко заметил, что правильное применение законов, содержащих термины и смежные с ними обозначения, невозможно без ясного понимания смысла скрывающихся за этими словами понятий, т.е. содержания соответствующих правомочий, условий их возникновения и прекращения, юридических последствий их наличия и отсутствия¹.

* **Научный руководитель** – А.А. Власов, проректор по научной работе РААН, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, член Экспертно-консультативного совета Министерства юстиции РФ, доктор юридических наук, профессор.

* **The research supervisor** – A.A. Vlasov, the vice rector for scientific work of RAAN, the member of Scientific and advisory council at the Supreme Court of the Russian Federation, the member of the Expert advisory board of the Ministry of Justice of the Russian Federation, the doctor of jurisprudence, professor.

1 Гурвич М.А. Право на иск, Избранные труды/МГУ им. М.В. Ломоносова, юр. фак. Кубан. Гос. ун-т, Каф. гражд. процесса и труд. права – Краснодар: Совет. Кубань, 2006, с. 17.

Согласно Словарю русского языка С.И. Ожегова под «сообществом» понимается объединение людей, народов, государств, имеющих общие интересы, цели². Объединение людей происходит на добровольной основе, цели, задачи и интересы они определяют для себя самостоятельно.

Какие же общие интересы и цели имеют адвокаты? Думается, такие же, как и у всех остальных профессий в Российской Федерации, — должным образом исполнять свои профессиональные обязанности, жить достойно и быть счастливым в своей стране. Однако это не объясняет значения адвокатуры для современного общества, государства и гражданина.

Адвокатура — это не сообщество государственных адвокатов, так же, как, например, прокуратура и суд — это не сообщества профессиональных прокуроров и судей. Это институты, организованные системы органов, создаваемые государством, для осуществления определенных государственных задач, целей, функций и обязательств (достижения правопорядка, уважения закона, обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина). Предлагаем взглянуть на то, как законодатель определяет такие понятия, как «прокуратура» и «суд».

Прокуратура РФ — это единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории РФ. Неисполнение требований прокурора, вытекающих из его полномочий, а также уклонение от явки по его вызову влечет за собой установленную законом ответственность (ст. 1, 6 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1).

Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судами, учрежденными в соответствии с Конституцией РФ и ФКЗ «О судебной системе в Российской Федерации». Судьями являются лица, наделенные в соответствии с Конституцией РФ и ФКЗ полномочиями осуществлять правосудие и исполняющие свои обязанности на профессиональной основе. Проявление неуважения к суду или судьям влечет установленную законом ответственность (ст. 4, 11, 6 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» от 31.12.1996 № 1-ФКЗ; ст. 1 ФЗ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 № 3132-1).

Мы можем не иметь полного представления о деятельности этих органов, но первое прочтение об их функциональном предназначении сразу вызывает уважение к ним и представление о статусе лиц,

работающих в этих системах, а также о комплексе условий, которые должно обеспечить государство для эффективного функционирования этих конституционных систем. Что же мы имеем, когда обращаемся к понятию адвокатура, данное в федеральном законе, — профессиональное сообщество адвокатов, институт гражданского общества, который не входит в систему органов государственной власти и местного самоуправления.

В этой связи возникает вопрос: для чего была создана адвокатура, в чем состоит ее роль? Вызывает ли она у вас уважение? Каким образом адвокат как профессиональный субъект может призывать государство к его защите (административной и уголовной), уважению и обеспечению необходимыми условиями (налоговыми, пенсионными и социальными), если в самом законе об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ адвокатура определена как абстрактное, а не конституционно-правовое понятие? С какой целью государство придает значимость институту адвокатуры? Все это скрыто между строк в данном законе.

Для чего принимаются федеральные законы, как не для того, чтобы раскрыть более полно и содержательно главную идею, основные положения, касающиеся тех или иных общественных отношений и ценностей, которые были провозглашены в Конституции РФ. Важность закона об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ состоит в том, что на законодательном уровне заявлено об институте адвокатуры, а вовсе не в объединении адвокатов в профессиональное сообщество или в том, что она является институтом гражданского общества.

Относительно утверждения, что адвокатура является институтом гражданского общества, хотим обратить внимание на следующее.

Считаем, что нецелесообразно определять адвокатуру как институт гражданского общества хотя бы потому, что в Российской Федерации отсутствует определение «гражданского общества» на законодательном уровне. Как можно определять что-то через что-то неопределенное, не имеющего ни понятия, ни общих признаков. Это является, по меньшей мере, некорректно.

Понятие «гражданское общество» на данный момент является термином, употребляемым философами, политологами, социологами и политическими деятелями. Правоведы также взяли его в свой лексикон, однако правовед должен всегда пользоваться легитимными дефинициями либо доктринальными толкованиями, а не дискуссионными понятиями.

2 Электронная версия Словаря русского языка С.И. Ожегова // URL: <http://www.ozhegov.com/words/33709.shtml> (по состоянию на 28.08.2014г.).

Термин «гражданское общество» ввел Аристотель как сообщество свободных и равных граждан, в употребление вошло в 17–18 вв., когда заговорили о независимости и свободе граждан от произвола своего государства (правителя или правительства), в связи с чем создавались сообщества граждан в разных сферах как противовес всевластному государству. Развитое гражданское общество является важнейшей предпосылкой построения правового государства и в дальнейшем является его равноправным партнером.

Гражданское общество можно определить также как совокупность общественных отношений вне рамок властно-государственных структур, но не вне рамок государства как такового. Гражданское общество – это форма, система ограничения всевластия государства, взаимодействуя с ним, изменяет его и меняется само под воздействием права. Нельзя сказать, что государство его никак не регулирует, просто его вмешательство в регулирование гражданского общества минимально.

Целями гражданского общества являются обеспечение благополучия всех социальных слоев населения, создание условий, способствующих повышению жизненного уровня граждан, удовлетворение всех их потребностей в различных сферах общественных отношений, позволяющих раскрыть и реализовать творческие способности индивида. Основополагающие идеи гражданского общества раскрываются в трудах таких философов, как Г. Гегель, Д. Локк, К. Маркс и др.

Правовыми гарантиями гражданского общества является система правовых норм, принципов и институтов, условий и средств правового характера, направленных на защиту прав и свобод человека и гражданина, законных интересов любого института гражданского общества³.

Основы гражданского общества в Российской Федерации можно увидеть в Конституции РФ (ч. 1 ст. 7), поскольку Российская Федерация признается социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь человека и его свободное развитие. Однако понятие «гражданское общество» так нигде детально не раскрыто, включая даже положение «О Совете при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека»⁴.

Государство должно легально определить понятие «гражданского общества» и присущие ему призна-

ки, цели и задачи. А ведь деятельность институтов гражданского общества важна для государства, и заключена она в содействии органам государственной власти в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина, правового просвещения населения, да и совершенствование самих механизмов содействия.

Изучая в своей диссертации понятие «гражданского общества» Н.В. Андрианов высказал мнение, с которым хотелось бы согласиться, что адвокатуру нужно рассматривать как сферу особого внимания всех ветвей власти, как независимый институт, в котором выражена воля государства – защитить своих граждан и обеспечить каждого достойной юридической помощью, в связи с чем адвокатуру невозможно отнести к институтам гражданского общества, поскольку для институтов гражданского общества не характерна столь сильная, причем конституционно закреплённая зависимость от государственной власти.

Это подтверждается следующим:

– Федеральная палата адвокатов и адвокатские палаты субъектов РФ были учреждены во исполнение и в строгом соответствии с Федеральным законом, а не на основе добровольного волеизъявления адвокатов и никаких новых палат учреждаться не вправе, как и ликвидировать имеющиеся;

– учреждение палат осуществлялось при непосредственном участии территориальных органов юстиции (орган исполнительной власти);

– состав квалификационной комиссии, наделенной исключительным правом присвоения статуса адвоката и рассмотрением жалоб на действия адвоката, состоит почти наполовину из представителей законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти (п. 2 ст. 33 Закона об адвокатуре),

– территориальные органы юстиции вправе созывать внеочередные собрания (конференции) адвокатов (п. 4 ст. 31 Закона об адвокатуре);

– нормы УПК РФ (ст.ст. 50, 51) наделяют дознавателей, следователей, прокуроров и судей полномочиями по назначению адвоката;

– на органы государственной власти возложены функции финансирования деятельности адвокатов, оказывающих юридическую помощь бесплатно, так, согласно ч. 5 ст. 50 УПК РФ за счет средств федерального бюджета компенсируются расходы на оплату труда адвоката, участвующего в производстве предварительного расследования или в судебном разбирательстве по назначению;

3 Ануфриев Д.В. Адвокатура как институт гражданского общества в многонациональной России: дис...канд.юрид.наук. – М., 2005. С. 24.

4 URL: <http://www.president-sovet.ru/about/position/> (по состоянию на 15.10.2014г.).

– территориальные органы юстиции ведут реестры адвокатов, которые и выдают адвокатам адвокатские удостоверения⁵.

Все это говорит о том, что адвокатура имеет черты не только частно-правового, но и публично-правового института, что в общем-то не свойственно ни одному институту гражданского общества. О публично-правовом характере адвокатской деятельности говорит и Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 23.12.1999 № 18-П «...деятельность, имеющая публично-правовой характер, осуществляют также адвокаты, на которых возложена публичная обязанность обеспечивать защиту прав и свобод человека и гражданина (в том числе по назначению судов), гарантируя тем самым право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, что вытекает из статей 45 (часть 1) и 48 Конституции Российской Федерации...».

Особенность института адвокатуры выражена в его связи и с государством, и с гражданским обществом, и в то же время он полностью не принадлежит ни государственным органам, ни институтам гражданского общества. Эта сбалансированность публичных и частных начал, носящая смешанный характер в адвокатуре, необходима для фактического обеспечения и защиты прав и свобод каждого человека как высшей ценности государства.

Ранее мы уже говорили о важности закона об адвокатской деятельности и адвокатуре и ее урегулировании на законодательном уровне. Но это только первый шаг, второй и не менее важный шаг заключается в том, чтобы в нормах закона отразить суть института, т.е. его значение, ради чего он был создан.

Профессия адвокатов гораздо древнее ее названия⁶. С латинского языка адвокатура «advocare, advocatus» – это призывать, призванный. Изначально адвокаты не осуществляли обязанностей судебных представителей, адвокаты были исключительно законоведами, юрисконсультами, помощниками стороны в процессе и давали только правовые советы своему доверителю, а судебные представители были отдельные лица, так сказать, ходатаями по делу, уполномоченные сторон. Со временем произошло смещение функций судеб-

ного представителя и адвоката, и последние стали действовать в суде.

Обращаясь к трудам дореволюционных ученых, таких как Е.В. Васильковский и К. Малышев и др., можно увидеть, что адвокатура определялась как правозащитничество, т.е. юридическая помощь, оказываемая нуждающимся в ней лицам специалистами – правоведами, обладающими юридическим образованием. Его развитие и усовершенствование должно идти параллельно с усложнением юридического строя общества⁷.

Появление адвокатуры было вызвано жизненной необходимостью – ликвидировать беспомощность граждан в области права, уравнивать последних с государством в средствах защиты, так как незнание законов лишало их возможности ограждать свои права и бороться против тонких юридических уловок. Право было недоступным для всех и каждого. Человек стоял лицом к лицу с всемогущим государством в лице своего органа или органов и в любой момент он мог быть уничтожен этой властью. Это было и это есть. Государство обладает двойной силой: силой физической и силой знанием права. Кто должен взять этого человека под свое покровительство, как не само государство!

Если мы хотим иметь правовое демократическое государство, то оно должно не только гарантировать права и свободы, а предлагать каждому реальные меры их защиты, одним из которых является адвокатура, которая выступает в роли щита: адвокатурой государство защищает человека от самого себя, это реализованная гарантия защиты и независимости человека от государства.

И очень важно понимать, что эта гарантия заложена в самом важном механизме, созданном государством, – в правосудии, в его системе, где адвокатура имеет своей целью обеспечение полной защиты тяжущихся и обвиняемых, помогает существовать состязательности в гражданском и уголовном судопроизводстве, достижению истины в процессе. Эту роль отмечали дореволюционные ученые, называя адвокатуру: «истолковательницей законов и пособницей суда», «помощником или вспомогательным органом правосудия»⁸.

5 Андрианов Н.В. Гражданское общество как среда институционализации адвокатуры: дис.канд.юрид.наук. М., 2005. С. 100–108.

6 Буше д'Аржи Васильковский Е.В. Организация адвокатуры: Очерк всеобщей истории организация адвокатуры, ч. 1, Издание юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, Санкт-Петербург, 1893. С. 10.

7 Васильковский Е.В. Организация адвокатуры: Очерк всеобщей истории организация адвокатуры, ч. 1, Издание юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, Санкт-Петербург, 1893, с.10; Малышев К. Курс гражданского судопроизводства, I т., 1874. С. 205.

8 Васильковский Е.В. Организация адвокатуры: Очерк всеобщей истории организация адвокатуры, ч. 1, Издание юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, Санкт-Петербург, 1893, с. 334; Слиозберг Адвокатура за 25 лет // Журнал гражданского и уголовного права.1889. № 9. С. 32–36.

Адвокатура — институт юридический, а не политический, она преследует те же задачи, что и суд: защиту права, осуществление закона⁹. У адвоката должен быть особый статус, поскольку защищенность адвоката показывает на защищенность его доверителя (физического или юридического лица) точно так же как и незащищенность одного делает беззащитным другого.

Важной гарантией защищенности адвоката является его независимость. В ст. 18 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» говорится о запрете вмешательства в адвокатскую деятельность, осуществляемую в соответствии с законодательством, либо препятствованию этой деятельности. Независимость адвоката подразумевает отсутствие подчиненных отношений по роду службы различным начальникам (отсутствие властного вмешательства и ограничения). Адвокаты не должны страдать от последствий или подвергаться опасности любых санкций или давлению, когда они осуществляют свою профессиональную деятельность в рамках действующего законодательства наравне с судьями и прокурорами. Считаю необходимым не только прописать в законе о запрете вмешательства в адвокатскую деятельность и тем более ее воспрепятствованию, но и предусмотреть ответственность за такое вмешательство, внося соответствующие изменения в ст. 294 главы 31 «Преступления против правосудия» УК РФ и ст. 18 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ».

Гонорар служит второй гарантией и механизмом обеспечения независимости адвокатуры. Гонорар — это вознаграждение, получаемое адвокатом за оказание юридической помощи. Не исследуя природу данного явления, хотим лишь отметить, что если бы адвокат получал плату от государства, то рано или поздно он перешел бы на его сторону, склоняя тяжущихся к повиновению, признанию необоснованных претензий, к окончанию дела миром на невыгодных условиях. Все это нарушало бы баланс в объективности, состязательности, равноправия и делало государство еще сильнее.

Идеальным было бы получение этого вознаграждения от общества, которое стремится к защите своих членов, но данная система не продумана и пока в настоящее время не может быть реализована. В связи с чем гонорар оплачивается гражданами и

организациями, которым оказывается юридическая помощь. По этому поводу хорошо заметил Бентам: «Сравните работу невольника с работой свободного человека и увидите разницу между побуждением наказания и побуждением награды»¹⁰.

Делая вывод из всего вышеизложенного, хотелось бы предложить свое определение адвокатуры — как частно-правового и публично-правового института, созданного для реализации конституционных обязательств государства по обеспечению граждан достойной и высококвалифицированной юридической помощью, содействию в защите прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, осуществлению правосудия, достижения права порядка в обществе, уважения закона, правового просвещения физических и юридических лиц.

Если бы все это было указано в ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», то мнение в отношении адвокатов и адвокатуры было бы другим, и тогда адвокат мог бы призывать государство предусмотреть необходимые условия для эффективного функционирования института адвокатуры и более действенные меры защиты своей профессиональной деятельности.

Почему при выходе на пенсию человек, отработавший в адвокатуре более 20 лет, получает пенсию равную той, которую получает человек, который нигде и никогда не работал? Тогда для чего становится адвокатом? Адвокат — лицо, призванное защищать других, сам, в первую очередь, является незащищенным перед государством, и его статус непонятен и не определен. Должны же быть социальная справедливость и защищенность не только судей и прокуроров, но и адвокатов. Как правильно отмечает А.А. Власов, «деятельность адвоката в суде нелегкое и в нравственном отношении высоко ответственное дело»¹¹.

Почему бы законодательно не установить стаж по государственному пенсионному обеспечению для проработавших в адвокатуре — 20 лет и более?

Адвокаты хотят иметь льготы и реальные гарантии защиты от государства при выполнении своих профессиональных обязанностей, да и собственной жизни, но в законе, в самой главной его части, в разделении адвокатуры, адвокаты отделены от него и нигде не сказано о том, что адвокат содействует государству в выполнении им (государством) своих конституционных обязательств перед гражданами.

9 Васильковский Е.В. Организация адвокатуры: Очерк всеобщей истории организация адвокатуры. Ч. 1, Издание юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, СПб, 1893. С. 320.

10 Васильковский Е.В. Организация адвокатуры: Историко-догматическое исследование, Исследование принципов организация адвокатуры. Ч. 2. Типография Стасюлевича М.М., Санкт-Петербург, 1893. С. 59; Бентам. О судостроительстве. 1860. С. 106.

11 Власов А.А. Судебная адвокатура: учебник / Под общей ред. Мирзоева Г.Б. — М.: Изд. группа «Граница». — 2009. С. 7.

Адвокатура способствует стабильности и миру в обществе, выравниванию правового положения человека перед лицом государства, максимальной объективности в рассмотрении обстоятельств дел по гражданскому и уголовному законодательству и индивидуальному исправлению провинившихся. Появление адвокатуры было связано с развитием общества, а ее совершенствование зависит от развития юридического строя.

На данный момент мы видим, что адвоката и его профессиональную деятельность окружают представления и понятия, не имеющие четкого определения на законодательном уровне, к самым важным из которых можно отнести: «адвокатуру» и «юридическую помощь», от которых зависит отношение к адвокату, роль и место адвокатуры в государстве и обществе, значимость самого института.

Определить – значит раскрыть словами содержание, с точностью выяснить, установить. Определение – это объяснение, раскрывающее, разъясняющее содержание, смысл чего-нибудь, дефиниция. Понятие – это логическая оформленная общая мысль, идея, представление или сведения о чем-нибудь¹².

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андрианов Н.В. Гражданское общество как среда институционализации адвокатуры: дис....канд.юрид. наук. – М., 2005.
2. Ануфриев Д.В. Адвокатура как институт гражданского общества в многонациональной России: дис....канд.юрид. наук – М., 2005.
4. Васьковский Е.В. Организация адвокатуры: Историко-догматическое исследование, Исследование принципов организации адвокатуры. Ч. 2. Типография Стасюлевича М.М. СПб, 1893.
5. Власов А.А. Судебная адвокатура: учебник / под общ. ред. Мирзоева Г.Б. – М.: Изд. группа «Граница». 2009.

Следует признать, что в настоящее время отсутствует тождественность между определениями адвокатуры де-юре и де-факто. Де-факто адвокатура призвана содействовать реализации гарантированных государством и закрепленных в Конституции РФ прав человека на судебную защиту своих прав, свобод и на получение квалифицированной юридической помощи, т.е. исполнять государственные обязательства (обещания) и быть публично-правовым институтом, а де-юре – это всего лишь сообщество профессиональных адвокатов и институт гражданского общества, что-то неопределенное и самостоятельное, отделенное от государства.

Подводя итог всему вышеизложенному, считаем необходимым отметить, что норма Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» (п.1 ст. 3) требует изменений и доработок, поскольку она не раскрывает истинного предназначения адвокатуры и формирует неправильное представление об этом институте в обществе и перед органами государственной власти, а как следствие, лишает адвокатов необходимых, эффективных мер защиты и обеспечения их профессиональной деятельности и собственной жизни.

BIBLIOGRAPHY

1. Andrianov N.V. Civil society as the environment institutionalization of the bar. dis...candidate of law-M-2005.
2. Anufriev D.V. Advocacy as a civil society institution in multinational Russia. dis...candidate of law-M-2005.
4. Vaskovsky E.V. Organization of the legal profession: Historical and doctrinal study, the study of the principles of organization of advocacy, 2, the Printing house of Stasukevich M.M., St. Petersburg, 1893.
5. Vlasov, A.A. Judicial advocacy. The textbook under the General editorship Mirzoeva, G.B. M.: Publishing group "Granica", 2009.

12 Электронная версия словаря русского языка С.И. Ожегова – <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=22630> (по состоянию на 12.11.2014г.).

Д.Ш. ЛАНСКАЯ

Основные принципы осуществления адвокатской деятельности в условиях формирования гражданского общества

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются основные принципы деятельности адвокатов в условиях гражданского общества. Проведенное автором исследование показало важную роль адвокатуры в формировании гражданского общества, сочетающим в себе как публично-правовые, так и частно-правовые начала.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: демократия, государство, гражданское общество, права человека, адвокатура.

ЛАНСКАЯ ДИАНА ШУХРАТОВНА – магистр ПААН.

D.SH. LANSKAYA

Basic principles for the profession in the conditions of formation of civil society

ANNOTATION. The article discusses the basic principles of the lawyers in a civil society. By author studies have shown the important role of advocacy in civil society, combining both public law and private law beginning.

KEYWORDS: democracy, the state, civil society, human rights, advocacy,

LANSKAYA D.SH. – master of PAAN.

Исторически сложившееся словосочетание «гражданское общество», обозначающее общество (неполитическое сообщество людей) в его различии и соотношении с государством (политическим сообществом), явно не соответствует выражаемому им смыслу. Ведь гражданское общество – это не общество граждан (политических субъектов), а, напротив, сообщество частных (неполитических) лиц – носителей частных целей и интересов. Сообщество же граждан – это политическое сообщество, т.е. государство (политическое государство) в его отличии от общества (гражданского общества). Кстати, ведь и «гражданское право» (как отрасль права) – это право не граждан, а частных лиц.¹

С позиций дифференциации социальных феноменов на политические и неполитические явления и соответствующих развитых представлений об обществе и государстве ясно, что античное «общество» (civitas в Риме и аналогичные гражданские общины в древнегреческих полисах) было по своей природе и характеру политическим сообществом,

т.е., говоря современным языком, было государством, а не обществом. Политический характер имело и средневековое «общество», сословное деление которого означало прямую дифференциацию государственно-правовых статусов разных сословий и их членов.

Например, Л.М. Романенко предлагает выделить три элемента гражданского общества и, соответственно, три уровня анализа его институционализации: объективный, предполагающий изучение «фактического наличия институтов и структур гражданского общества во всех сферах жизни общества»; функциональный, представляющий собой «анализ процессов функционирования, связей и взаимосвязей различных элементов и структур гражданского общества»; субъективный, когда предметом становятся сами агенты социального действия. Показательно, что в странах с развитой демократической системой чаще всего исследуются второй и третий уровни, а в странах новой демократии внимание исследователей в основном сосредоточено на первом.

1 Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. Учебник для вузов. – М.: Норма, Инфра-М, 1999. – С. 279.

На наш взгляд, научный подход, плодотворность и объективность исследования предполагают анализ функционирования гражданского общества по нескольким четко определенным конкретным направлениям. Другими словами, многообразие подходов и позиций в данном вопросе необходимо редуцировать, максимально уменьшить, вычленив лишь системообразующие индикаторы, представляющие конкретные измерения институционализации гражданского общества.² В этом контексте анализ спектра проблем формирования гражданского общества в России может быть сведен к трем концептуальным уровням:

1. Структурно-институциональный уровень — индикатор, отражающий реальную картину институционализации «третьего сектора» — общественных, некоммерческих, негосударственных организаций, являющихся стержнем гражданского общества.

Ценностно-культурный уровень — индикатор, отражающий коррелятивные связи между системными ценностями идеи гражданского общества в этноправовом и поликультурном пространстве и их проекционной моделью, получающей закрепление в правосознании граждан.

Системно-правовой уровень — индикатор, отражающий процесс институционализации прав и свобод человека, базовых ценностей гражданского общества в правовой системе России.³

Что касается первого и второго индикатора — формирования и развития неправительственных структур, — то основная проблема их оценки сопряжена с выбором адекватной системы критериев мониторинга социальных связей гражданского общества.

В рамках структурно-институционального уровня делаются попытки выделить те слои, которые могут стать фундаментом гражданского общества, в связи с чем чаще всего речь идет о среднем классе, а в рамках ценностно-правового — осуществляется поиск тех характеристик личности, особенностей социального поведения индивидов, которые способствуют формированию гражданского общества. На наш взгляд, логика исследования требует оценки этого процесса в контексте количественного и качественного критериев.

Структурный подход основан на представлении о частной собственности как о ключевом институте

гражданского общества и предполагает наличие «многочисленного класса собственников».

На сегодняшний день Россия является членом практически всех международных организаций, провозгласивших права человека высшей ценностью; в течение последних десяти лет в стране создана своя национальная система защиты прав человека, в значительной степени отвечающая мировым стандартам.⁴ Кроме всего, была создана необходимая нормативно-правовая база, основанная на Конституции РФ 1993 г. Конституция обусловила дальнейшие изменения практически во всех отраслях законодательства в сфере прав и свобод человека. Немаловажную роль, безусловно, сыграло принятие Декларации прав и свобод человека и гражданина 1991 г. Конституционный строй России воспринимается как категория общества и государства.

В действующем Основном законе закрепляется качественно новая (по отношению ко всем предшествующим) система прав и свобод человека и гражданина. Она приведена в соответствие со сложившимися международными стандартами, с классификацией, закрепленной во Всеобщей декларации прав человека, международных пактах о гражданских, политических, социальных, экономических и культурных правах.⁵ Существенно расширена связь национального законодательства о правах и свободах с международным правом. Общеизвестные принципы и нормы международного права и международные договоры объявлены составной частью правовой системы России (п. 4 ст. 15).

Государственность нужна гражданскому обществу. Вопрос в том, с какими функциями, какой компетенцией можно наделить государство без ущерба для отдельной личности и гражданского общества в российской политико-правовой действительности.⁶

Как представляется, возможны, как минимум, три варианта действий государства в этом направлении. Во-первых, государство может попытаться навязать правила общежития «сверху», используя свои возможности для максимальной нейтрализации культурного разнообразия. Во-вторых, существует вероятность выстраивания общего государственного пространства «снизу» через делегирование центру полномочий, которые не

2 Гражданское общество: Мировой опыт и проблемы России. — М., 1998. — С. 315.

3 Становление гражданского общества в России (правовой аспект). — Саратов, 2002. — С. 141.

4 Стремоухов А.В. Человек и его правовая защита: теоретические проблемы. — СПб., 1996. — С. 272.

5 Комаров С.А. Общая теория государства и права. — М., 1998. — С. 45–49.

6 Баранов П.П. Институты гражданского общества в правовом пространстве современной России / Дисс... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2003. — С. 118–119.

могут быть успешно реализованы на локальном или региональном уровнях. В-третьих, государство может пойти по пути защиты своих корпоративных интересов, представленных чиновниками всех уровней государственной власти. В этом случае оно утрачивает функцию общественного диспетчера и превращается в общественную форму с самодовлеющими интересами и целями, подавляя все конкурирующие группы. Такой вариант является самым губительным, но он вполне реален.⁷

В современной России может реализоваться любой из указанных выше сценариев, ибо политические традиции и политическая культура обладают такой неопределенностью и пластичностью, что допускают любое развитие событий.

Гражданское общество характеризуется расширением сферы самостоятельности индивидов, действующих не только в соответствии с предписаниями и ожиданиями, но и исходя из собственных интересов и целей, взаимоотношения между людьми и институтами здесь приобретают личностную окраску, а индивидуальное существование становится доминирующей ориентацией гражданского общества.

Система гражданского общества отличается развитой структурой. В эту систему входят следующие основные компоненты (структурные части): 1) гуманитарный (человеческий) состав общества — свободные индивиды); 2) социальный (социальное деление общества на социальные группы, слои, классы); 3) экономический (экономический строй общества — формы отношения собственности, производства, обмена, потребления и т.д.); 4) духовный (нравка, образование, культура, религия и т.д.); 5) информационный (средства и формы информации, общественное мнение и т.д.); 6) территориально-управленческий (местное самоуправление); 7) организационный (разнообразные формы общественных и групповых объединений).

Адвокатура в соответствии с п. «л» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ относится к совместному ведению Российской Федерации и субъектов РФ, что в свою очередь означает, что нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность адвокатуры, принимаются как на федеральном, так и на региональном уровнях. Статья 10 Конституции РФ предусматривает разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, однако адвокатура не принадлежит ни одной из этих трех властей, но активно взаимодействует с ними.

В Конституции РФ закреплены нормы, непосредственно регулирующие организацию адвокатуры и осуществление адвокатской деятельности. Так, в частности, ч. 1 ст. 48 гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе и бесплатно, в установленных законодательством РФ случаях. При этом адвокат является одним из субъектов оказания квалифицированной юридической помощи, и именно на адвокату государства возложено обязательство по оказанию юридической помощи бесплатно в установленных законом случаях. В свою очередь ч. 2 ст. 48 определяет, что каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения. А ч. 1 ст. 46 Конституции гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод. Эти положения Конституции также непосредственно затрагивают деятельность адвокатуры, так как одной из ее задач является обеспечение доступа к правосудию. Таким образом, продекларировав данные права, государство взяло на себя обязанность их обеспечить, а адвокатура призвана помочь ему в этом нелегком деле.

Проведенное нами комплексное исследование показало, что адвокатура является исключительным правовым институтом гражданского общества, сочетающим в себе как публично-правовые, так и частно-правовые начала. Сегодня защита субъективных прав «перестала быть частным делом конкретного индивида, приобрела общегосударственное значение, стала задачей всего государства, всех его органов и институтов, а также институтов негосударственных. В связи с этим возросло значение адвокатской деятельности, за ней окончательно закреплен публичный характер»⁸. Согласно ст. 2 Конституции РФ, человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. Как известно публичный интерес присущ, как правило, государственной власти, однако в демократическом правовом государстве возможны ситуации, когда государство может делегировать некоторые свои функции другим субъектам. Такое положение является скорее исключением, чем правилом. Одним из примеров этого является передача адвокатуře обязанностей по предостав-

7 Влазнев В.Н. Гражданское общество как предмет конституционно-правового исследования / Дисс... канд. юрид. наук. — М., 2002. — С. 160.

8 Кучерена А.Г. Адвокатура. — М.: Юрист. 2004. С.122.

лению квалифицированной юридической помощи бесплатно в установленных законодательством РФ случаях. При этом публичная значимость адвокатуры проявляется и в том, что она является институтом гражданского общества, действующим в строгом соответствии с законодательством РФ, однако при этом является независимой и самоуправляемой организацией, способной отстаивать интересы физических и юридических лиц, в том числе и от посягательств со стороны государства. Адвокатура защищает права, свободы и законные интересы не только в публично-правовой, но и в частно-правовой сфере.

Таким образом, адвокатура, являясь институтом гражданского общества, призвана защищать частные интересы конкретных индивидов и их объединений. Проявляется это в том, что адвокат может представлять интересы доверителя в уголовном, гражданском судопроизводствах, в делах по административным правонарушениям, по жилищным, семейным, трудовым и иным делам, представлять интересы доверителя во взаимоотношениях с представителями органов государственной власти и местного самоуправления и иными органами и организациями, давать консультации, составлять документы правового характера и т.д. Необходимо отметить, что адвокатура, реализовывая частно-правовые интересы, не теряет своего публично-правового статуса, так как по сути для представления интересов физических и юридических лиц помогает реализовывать принцип состязательности судебного процесса, обеспечению доступа к правосудию и утверждению других принципов правового государства, что имеет значение для всего общества.

Согласно п. 2 ст. 3 Закона об адвокатуре, основными принципами адвокатуры являются: законность, независимость, самоуправление, корпоративность, а также принцип равноправия адвокатов. Однако необходимо особо отметить три основополагающих принципа – независимость, корпоративность и самоуправление. По словам Президента ФПА РФ Е. Семеняко, именно эти принципы являются «Тремя китами российской адвокатуры»⁹, поскольку позволяют адвокатуре сохранять свой исключительный статус.

Принцип законности выражается в соблюдении адвокатами законодательства РФ и имеет особое значение, так как находит отражение во всех аспектах адвокатской деятельности, при этом другие принципы являются условием реализации данного принципа. Все принципы по сути дела являются

выражением принципа законности и при нарушении любого из них происходит отступление от принципа законности.

Принцип независимости является фундаментальным при характеристике адвокатуры. Адвокатура не входит в систему органов государственной власти и местного самоуправления, таким образом она независима от государства, тем самым независимость адвокатуры является гарантией независимости самих адвокатов. При осуществлении своих профессиональных функций адвокат должен в первую очередь действовать независимо от каких-либо влияний, руководствуясь собственным правосознанием и профессиональным долгом, при этом он обязан соизмерять свои действия с законными интересами клиента.

Принцип самоуправления выражается в том, что все вопросы внутренней жизни адвокатуры определяются самим адвокатским сообществом, а не государством.

Принцип корпоративности тесно связан с принципом самоуправления и проявляется в том, что лица, осуществляющие одну и ту же деятельность, объединяются в корпорацию с целью защиты профессиональных прав и интересов входящих в нее членов, а также представление интересов корпорации перед государственными и иными органами и организациями.

И, наконец, принцип равноправия адвокатов свидетельствует о том, что все адвокаты равны при осуществлении своей профессиональной деятельности. Все эти принципы неизменно важны, и без них невозможно нормальное функционирование адвокатуры как социально значимой конструктивной организации.

Согласно ст. 2 Закона об адвокатуре, адвокатом является лицо, получившее в установленном законом порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность. Он является независимым профессиональным советником по правовым вопросам и не вправе вступать в трудовые отношения в качестве работника, за исключением научной, преподавательской и иной творческой деятельности, а также занимать государственные должности РФ, государственные должности субъектов РФ, должности государственной службы и муниципальные должности. Необходимо отметить, что в результате внесения поправок в редакцию этой статьи появились новшества по сравнению со старой, а именно добавлено слово «профессиональный» и снят запрет на занятие иной оплачиваемой деятельностью. Что

9 Семеняко Е.В. Три кита российской адвокатуры. // URL: <http://gra.litsa.ru>. Российский адвокат. 2007. № 2.

касается первого изменения, то, как известно, лицо, приобретающее статус адвоката, в любом случае должно отвечать определенным требованиям, в том числе и профессионализму (ст. 7, 13, 19 Закона об адвокатуре и Кодекс этики), таким образом, по нашему мнению, конкретизация понятия в данном случае ничего не дает, однако второе изменение, напротив, существенно расширяет интересы адвокатов.

При раскрытии понятия адвокат необходимо затронуть и качества его личности, среди которых английский адвокат Р. Гаррис особо выделял здравый смысл: «...Здравый смысл есть основание адвокатского искусства... Это то исключительное и единственное качество адвоката, без которого все прочие будут лишними; а есть здравый смысл — почти ничего другого и не надо»¹⁰. Но все же мы считаем, что на практике адвокат, помимо указанного качества, должен иметь хорошую теоретическую правовую базу, высокий уровень профессиональной культуры, обладать широким кругозором и общими знаниями, при этом адвокат должен постоянно совершенствоваться.

Безусловно, не лишним было бы для адвоката в своей профессиональной деятельности использовать знания в психологии, так как они могут очень пригодиться, в том числе в оценке нравственных страданий лица, при определении морального ущерба. Таким образом, абсолютно справедливо делается акцент именно на общественном служении адвоката.

Адвокат является неотъемлемой частью правосудия, без которого оно теряет свой смысл, так как суд в любом случае обязан выслушать обе стороны, и если нет состязательности, то это уже не правосудие.

В Гаване на VIII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями были приняты Основные принципы,

касающиеся роли юристов, согласно которым правительства должны обеспечить адвокатам:

а) возможность исполнить все их профессиональные обязанности без запугивания, препятствий, беспокойства и неуместного вмешательства;

б) возможность свободно передвигаться и консультировать клиента в своей стране и за границей;

в) невозможность наказания или угрозы такового и обвинения, административных, экономических и других санкций за любые действия, осуществляемые в соответствии с признанными профессиональными обязанностями, стандартами и этическими нормами;

г) там, где безопасность адвокатов находится под угрозой в связи с исполнением их профессиональных обязанностей, они должны быть адекватно защищены властями;

д) адвокаты не должны идентифицироваться с их клиентами и делами клиентов в связи с исполнением их профессиональных обязанностей;

е) суд или административный орган не должны отказывать в признании права адвоката, имеющего допуск к практике, представлять интересы своего клиента, если этот адвокат не был дисквалифицирован в соответствии с национальным правом и практикой его применения;

ж) адвокат должен обладать уголовным и гражданским иммунитетом от преследований за относящиеся к делу заявления, сделанные в письменной или устной форме при добросовестном исполнении своего долга и осуществлении профессиональных обязанностей в суде, трибунале или другом юридическом или административном органе;

з) обязанностью компетентных властей является обеспечение адвокату возможности своевременного ознакомления с информацией, документами и материалами дела, а в уголовном процессе — не позднее окончания расследования и до судебного рассмотрения дела¹¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 10.06.2002. № 23. Ст. 2102.
2. Гражданское общество в России: структуры и сознание. — М., 1998.
3. Мирзоев Г.Б. Конституция Российской Федерации и адвокатура // Ученые труды РААН. — 2013. — 4.

BIBLIOGRAPHY

1. On Advocacy in the Russian Federation: Federal Law of 31 May 2002 № 63-FZ // NW. 10.06.2002. № 23. St. 2102.
2. Civil society in Russia: Structures and consciousness. — M.: 1998.
3. Mirzoev G.B. Constitution of the Russian Federation and advocacy // Uchyonye trudy of RAAN. — 2013. — № 4.

¹⁰ Адвокатская деятельность / Под ред. Бурбина В.Н. — М.: Изд. «Статут». 2005. С. 35.

¹¹ Основные принципы, касающиеся роли юристов, принятые в Гаване на VIII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и борьбе с правонарушителями (27 августа — 7 сентября 1990 г.) // СПС Консультант-Плюс.

В.А. ЛЕОНТЬЕВ***К вопросу о законности**

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются современные взгляды на понимание такой важной правовой категории, как законность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Право, закон, законодательство, правовой закон, законность, правозаконность, диктатура закона.

ЛЕОНТЬЕВ ВЛАДИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ – аспирант РААН.

V.A. LEONTIEV***For questions about the legality**

ANNOTATION. The paper analyzes the current views on the understanding of this important legal category as law.

KEYWORDS: law, law, law, legal, law, legality, rule of law, the dictatorship of the law.

LEONTIEV V.A. – graduate student of RAAN.

В российской юридической доктрине и в правоприменительной практике особую остроту приобретает проблема законности как реального выражения права, так как именно это направление в исследовании права и законности в современной правовой науке мало изучено[†]. На основании этого вопрос соотношения современного понимания права и законности в сегодняшней России является исключительно значимым. Данные обстоятельства непосредственно связаны с характером проводимых реформ, которые затронули все основы общественной жизни страны, в том числе и сферу права.

В условиях столь значимых перемен важнейшим направлением формирования новых научных взглядов и развития правовой политики в стране становится идея законности как реального выражения права. В свою очередь,

реальность права, его действенность раскрывается через законность – строжайшее, неукоснительное претворение в жизнь действующего права, закона, а «истинная законность» – это и есть не что иное, как правозаконность. В.Н. Казаков справедливо отмечает: «Первостепенной задачей отечественной юридической науки в этой связи являются постановка и разработка таких проблем, решение которых позволило бы преодолеть одно из основных противоречий современного этапа функционирования российской государственности: объективной потребностью общества в стабильном правопорядке, законности и их реальным воплощением в общественной практике»¹.

Необходимым условием так называемой «правозаконности» является также понимание индивидом необходимости существования

* **Научный руководитель** – Казаков В.Н., профессор кафедры теории и истории права и государства РААН, доктор юридических наук, профессор.

* **Supervisor** – V. Kazakov, professor of theory and stories of the right and state RAAN, doctor of law, professor.

† Шагиева Р.В. Актуальные проблемы права: учебное пособие. М.: Норма, 2014. С. 164–174.

1 Казаков В.Н. Правомерное поведение в механизме формирования правового порядка (теоретико-правовые проблемы): Монография. – М.: Московская академия МВД России, 2001. С. 3.

системы права как ценности. Важно, чтобы законы стали осознаваться в качестве объективно необходимого условия развития общества. А требование их соблюдения — долгом, определяющим позицию личности и характер поведения. Нельзя забывать и о собственной оценке своего поведения.

Опираясь на принцип «правозаконности», человек может вступить «в спор о праве» и с самим законодателем, если действующее позитивное право не отражает идею ценности прав человека. Важное значение в этом плане имеет ст. 18 Конституции РФ, которая гласит: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием». Данная статья в позитивной форме содержит требование правовой законности во всех сферах правотворческой, правоприменительной и правозащитной деятельности, а также указывает на существенную роль в данном процессе судебной власти.

Для «правозаконности» принципиально важным условием является требование о соблюдении и исполнении положений только правовых законов. Действительно, Конституция РФ содержит прямой запрет антиправового (правонарушающего) закона: «В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина» (ч.2 ст.55). Уже сам факт признания Конституцией РФ прав человека в качестве оценочного критерия правового характера законов несколько смягчил дискуссионность теории законности в традиционном аспекте полемики позитивизма и естественного права.

Между тем, анализ современного состояния законности показывает, что существует значительный разрыв между провозглашенными ее принципами и практикой их осуществления. Особенно резко это проявляется в последнее

время на фоне «демократических преобразований». События последних лет лишний раз показали, что действующий у нас юридический механизм защиты конституционного строя явно недостаточен.

Среди широких слоев населения нарастает требование укрепления дисциплины и порядка, обеспечения стабильности и надежности, защищенности от уголовного произвола и социальной нестабильности. В связи с этим возникает настоятельная потребность в эффективном механизме осуществления требований законности и ее принципов.

В этой связи попытаемся проанализировать, насколько востребованы правовой порядок и законность в жизни российского общества. Так, при ответе на вопрос: «С какой оценкой нынешнего состояния правопорядка в стране Вы бы согласились?», мнения опрошенных распределились следующим образом. Большинство россиян считает, что усиливается административный произвол чиновников (см. таблицу)².

Утверждается «диктатура» закона	8,7
Усиливается административный произвол чиновников	46,3
Царит анархия	19,6
Другое	2,4
Затрудились ответить	23,0

В этой связи отметим, что для правового государства необходимо не только господство права, но и соответствующая правовая организация самой системы государственной власти. Речь идет об учреждении различных государственных органов, четком определении их компетенции, места в системе, характера отношений между собой, способов формирования, форм деятельности и т.д. Ясно, что без надлежащей правовой организации государственной власти, должного разграничения задач, функций и полномочий различных ветвей и органов власти, определенного правового порядка их взаимоотношений современная Россия не

2 Шереги Ф.Э. Социология права: прикладные исследования. СПб., 2002.

сможет решить задачу построения правового государства. Законность имеет место не в том государстве, где не нарушаются законы, а в том государстве, где такие правонарушения пресекаются с помощью правовых средств.

Для этого требуется последовательная и целенаправленная деятельность, соответствующий механизм правореализации для всех субъектов общественных отношений. Для начала целесообразно рассмотреть, прежде всего, причины низкого уровня законности и правопорядка, анализ которых имеет принципиальное теоретическое и практическое значение. Без этого невозможно разработать меры по реализации принципов законности и стабилизации общественных отношений.

Начнем с того, что негативные тенденции, характеризующие развитие экономической, социальной, духовной, политической, правовой, нравственной сторон жизнедеятельности общества, привели к глубокому и всестороннему кризису, что не могло не отразиться отрицательно на сознании и поведении людей.

К основным причинам низкого уровня законности, по нашему мнению, относятся следующие.

Во-первых, консерватизм и деградация социальных институтов, что выступает первопричиной искажения других компонентов социально-политической и экономической систем. А выражается это в несоответствии различных уровней управления обществом тем изменениям, которые произошли и происходят, а для самих институтов — их неспособность решать стоящие перед страной проблемы, ослабление контрольных функций, коррупция, злоупотребление властью, выход на общественно-политическую «арену» теневых структур управления и т.д. Во-вторых, деформация социальных норм. Это выражается в том, что правовые и иные нормы не соответствуют требованиям времени. В результате они перестают исполнять свое назначение, что ведет к игнорированию их со стороны участников отношений, к возникновению двойной морали. В-третьих, происходит изменение и извращение социальных

ценностей и представлений о них, которые выступают в качестве определяющего фактора мотивации поведения человека, критериев оценки их деятельности и результатов. В-четвертых, все вышеперечисленное коренным образом меняет отношения между членами общества, группами и слоями, приводит их к дестабилизации.

Вполне очевидно, что проблема обеспечения должного уровня законности, реализации ее принципов существует. Не претендуя на исчерпывающую разработку проблемы и рассмотрения всех ее аспектов, остановимся лишь на некоторых, наиболее очевидных и принципиальных, на наш взгляд, положениях, позволяющих определить правильный подход к механизму реализации принципов законности.

Необходимо иметь в виду, что закрепленные в законах и других актах правила поведения сами по себе могут остаться на бумаге, не превратившись в реальные общественные отношения, если не будет обеспечиваться законность, т.е. их соблюдение, исполнение. Таким образом, законность является обязательной и необходимой частью одного из важнейших методов государственного руководства обществом — метода правового регулирования общественных отношений. Государство, издавая нормы права и обеспечивая законность, влияет соответствующим образом на общественные отношения, обеспечивает закрепление одних, развитие других, пресечение третьих. На этот вывод не влияет то обстоятельство, что государство не может устанавливать законы произвольно, без учета объективно существующих пределов государственной деятельности и правового регулирования, определяемых, в частности, законами природы, закономерностям социального развития, уровнем культуры общества, целесообразностью государственного воздействия и другими реалиями общественной жизни.

Особое значение в аспекте заявленной темы приобретают проблемы взаимосвязи качества правового регулирования и состояния законности в обществе. Состояние законности находится в прямой зависимости от качества правового

го регулирования: чем совершеннее и эффективнее законодательство, тем выше уровень законности, и наоборот, чем больше в системе законодательства неправовых законов, тем больше предпосылок для нарушения законности. Потребности совершенствования законодательства и укрепления законности обуславливают необходимость всестороннего исследования влияния качества законодательства на состояние законности. Поскольку несовершенство законодательства влечет неэффективность правового регулирования и отрицательно влияет на состояние законности, возникает необходимость комплексного анализа состояния федерального и регионального законодательства в целях выявления факторов, снижающих эффективность действия законов и создающих предпосылки нарушения законности.

В свое время Президент Российской Федерации В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации отмечал: «Однако буква закона и реальная жизнь подчас далеки друг от друга. В России построен лишь каркас гражданского общества. Сейчас требуется совместная терпеливая работа, чтобы оно стало полноценным партнером государства. Нам пока не всегда удается совместить патриотическую ответственность за судьбу страны с тем, что Столыпин когда-то называл «гражданскими вольностями». Поэтому еще так трудно найти выход из

ложного конфликта между ценностями личной свободы и интересами государства. Между тем сильное государство немислимо без уважения к правам и свободам человека. Только демократическое государство способно обеспечить баланс интересов личности и общества, совместить частную инициативу с общенациональными задачами»³.

Право и законность являются основой взаимоотношений всех членов общества, в том числе и отношений между государством и личностью. Только они создают единственно реальную в современных условиях возможность, если не согласования разнородных интересов и притязаний в экономической, политической и иных сферах, то достижения компромиссов в существующих противоречиях, в частности, национальных, социальных, и др. В этом плане законность можно определить как установленный порядок течения жизнедеятельности в обществе, который согласуется с законом. Основной смысл и ценность такого взгляда на законность состоит в понимании закона в качестве важнейшего условия законности, в силу чего особое значение приобретает то, как интерпретируется сам закон и как он защищается.

Все это и определяет главное значение законности как средства, способа перевода правовых предписаний в реальные правовые отношения, в правомерное поведение, правопорядок.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Йеринг Р. фон. Борьба за право. М., 1991.
2. Казаков В.Н. Правомерное поведение в механизме формирования правового порядка (теоретико-правовые проблемы): Монография. – М.: Московская академия МВД России, 2001. С. 3.
3. Шагиева Р.В. Актуальные проблемы права: учебное пособие. М.: Норма, 2014.
4. Шереги Ф.Э. Социология права: прикладные исследования. СПб., 2002.
5. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации // Парламентская газета. 2000. 11 июля.

BIBLIOGRAPHY

1. Yering R. von. The struggle for the right. M.: 1991.
2. Cossacks Century. N. Good behavior in the mechanism of formation of the legal order (theoretical and legal problems): Monograph. – M.: Moscow Academy of the MIA of Russia, 2001. С. 3.
3. Shagieva R.V. Actual problems of the right: manual. M.: Norma, 2014.
4. Gorshkov F. E. the Sociology of law: applied research. SPb., 2002.
5. Message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian // Parlamentskaya gazeta. 2000. 11 july.

3 Парламентская газета. 11 июля 2000 г.

Б.Н. ЛОПОТУН

Финансовые правоотношения в правовом демократическом государстве

АННОТАЦИЯ. В рыночных условиях произошло усложнение и расширение финансового контроля в Российской Федерации, увеличение в государстве финансово-контрольных структур. В настоящее время финансовый контроль охватывает не только финансовую деятельность государственных, муниципальных, но и иных организаций, физических лиц, граждан-предпринимателей в целях поддержания законности и правопорядка в сфере финансов. Следствием этого является резкое увеличение с начала 90-х годов XX в. в нашей стране количества норм финансового права, регулирующих финансово-контрольную деятельность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: финансовое право, финансовый контроль, финансовые правоотношения, банковское право, правовое государство, демократия, теория права, эмиссионное право, права человека.

ЛОПОТУН Б.Н. – аспирант РААН.

B.N. LOPOTONG

The financial legal relationship in the constitutional democratic state

ANNOTATION. In market conditions there was a complication and expansion of financial control in the Russian Federation, increase in the state of financial and control structures. Now financial control covers not only financial activity of the state, municipal, but also other organizations, natural persons, citizens businessmen for maintenance of legality and a law and order in the sphere of finance. The sharp increase since the beginning of the 90th years of the XX century in our country of amount of the norms of the financial right regulating financial and control activity is a consequence of it.

KEYWORDS: financial right, financial control, financial legal relationship, bank right, constitutional state, democracy, theory of the right, issue right, human rights.

LOPOTONG B.N. – graduate student of RAAN.

Система финансового законодательства, по сути, находит отражение в особенной части финансового права. В науке финансового права неоднократно приводились суждения, касающиеся архитектоники и последовательности распределения крупных подразделений финансового права, а также иных правообразований, подпадающих с позиции науки финансового права под финансово-правовое воздействие.¹

Одним из наиболее важных таких суждений является определение роли и места эмиссионного права в системе финансового права России.² Крупнейший в истории глобальный мировой экономический и финансовый кризис не оставляет

России иного выбора, кроме быстрой, радикальной и хорошо продуманной реформы сектора финансовых услуг, определения концептуальных основ места и роли финансового контроля в обеспечении деятельности государства. Это обязательное условие для вхождения Российской Федерации в число лидеров мировой экономики. По данным международного индекса GFCI (Глобальный индекс финансовых центров), сейчас Москва находится на 68-м месте из 75 возможных. Один из факторов распространения кризисных явлений в российской экономике – слабость отечественной финансовой системы. В России недостаточно длинных ресурсов, производных финансовых инструментов, не в

1 Пиликин Г.Г. Понимание и соотношение категорий «система финансового права», «структура финансового права» и «система финансового законодательства» в современный период // Российский юридический журнал. 2011. № 6. С. 180 – 189.

2 Грудцына Л.Ю. Конституционно-правовые основы формирования государством институтов гражданского общества в России // Образование и право. 2010. № 7. С. 80.

полной мере с международными правилами гармонизировано российское законодательство.³

В настоящее время с сожалением следует констатировать отсутствие нормативной правовой базы, эффективно регулирующей механизмы реализации финансового контроля в обеспечении деятельности государства, а также экономико-правовые механизмы реализации рынка опционов, и в целом — нестабильность внутренней экономики страны. Эти негативные факторы оказывают значительное влияние на формирование теоретико-правовых и законодательных основ финансового контроля, а поэтому дальнейшее развитие концептуальных основ финансового контроля в обеспечении деятельности государства напрямую зависит от устранения противоречий в финансовом законодательстве Российской Федерации. Отсутствие в России вплоть до сегодняшнего дня единой государственной политики финансового контроля несет угрозу того, что в обозримой перспективе в России финансовый рынок будет неоптимальным, имеющим, в основном, спекулятивное значение. Это может быть преодолено с помощью долгосрочной и продуманной государственной политики развития внутреннего организованного рынка, политикой постепенного формирования его макроэкономического и международного значения, усиления его конкурентоспособности в привлечении денежных ресурсов, инвесторов, торговой активности во всех его сегментах. По мере усложнения рыночной структуры, появления новых рынков, расширения рыночных взаимосвязей и обособления финансовой сферы (формирование фондового и валютного рынков, рынка процентных ставок) возрастает степень неопределенности (энтропии) рыночной системы, а следовательно, возрастает и риск осуществления рыночных операций, который можно охарактеризовать как показатель степени неопределенности экономической системы. Это приводит к возникновению специального рынка, основным продуктом которого является риск, и на котором происходит его передача. Риск облекается в рыночную форму на рынке срочных контрактов; наиболее совершенным инструментом управления риском являются опционы, представляя собой вершину развития срочного рынка.⁴

Переход России в 90-х годах XX в. к рыночным отношениям предопределил бурное развитие норм налогового права, и, как следствие этих процессов,

принятие НК РФ в 1998 г. Количественные и качественные изменения в налоговом праве создали основу для выделения в данной подотрасли ряда правовых институтов. К ним относятся: федеральные налоги и сборы; налоги и сборы субъектов РФ; местные налоги и сборы; методы взимания налогов и сборов.

Банковское (публичное) право — подотрасль финансового права, которая включает правовые нормы, регламентирующие публично-правовую деятельность Банка России. В соответствии с Федеральным законом от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» — это деятельность в сферах:

1) монопольного осуществления Банком России эмиссии наличных денег и организации денежного обращения;

2) обслуживания счетов бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации посредством проведения расчетов по поручению уполномоченных органов исполнительной власти, на которые возложено исполнение бюджетов;

3) осуществления валютного регулирования и валютного контроля;

4) осуществления надзора за деятельностью кредитных организаций и банковских групп.⁵

Круг финансовых отношений, регулируемых банковским (публичным) правом, настолько широк, что это право могло быть названо подотраслью. Достаточно сказать, что в него входит целый ряд правовых институтов: эмиссионное право, расчетные отношения, валютное право, банковский надзор. Особую роль в системе банковского права играет институт эмиссионного права, который закреплен в статье 75 Конституции РФ.

Финансово-контрольное право представляет собой совокупность правовых норм, регламентирующих деятельность специальных органов по контролю за исполнением бюджетов всех уровней бюджетной системы и финансовой деятельностью органов исполнительной власти, предприятий и учреждений всех форм собственности.

В рыночных условиях произошло усложнение и расширение финансового контроля в Российской Федерации, увеличение в государстве финансово-контрольных структур. В настоящее время финансовый контроль охватывает не только финансовую деятельность государственных, муниципальных, но и иных организаций, физических лиц, граждан-

3 Грачева Е.Ю. Проблемы правового регулирования государственного финансового контроля. — М., 2000. — С. 111, 112.

4 Стажкина А.П. Рынок опционов и его значение в современной системе экономических отношений: Дисс... канд. экон. наук. — СПб., 1998. — С. 140.

5 СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

предпринимателей в целях поддержания законности и правопорядка в сфере финансов. Следствием этого является резкое увеличение с начала 90-х годов XX в. в нашей стране количества норм финансового права, регулирующих финансово-контрольную деятельность. Все это позволяет говорить о финансово-контрольном праве как подотрасли финансового права⁶. К правовым институтам, входящим в состав данной подотрасли, относятся: парламентский финансовый контроль; финансовый контроль органов исполнительной власти; негосударственный финансовый контроль в форме аудита; формы и методы финансового контроля.

Вторую линию согласно позиции названных авторов образуют самостоятельные правовые институты (государственного кредита, лотереи, ценных бумаг и т.д.), имеющие существенное значение в системе финансового права. По своему содержанию они являются комплексными, т.е. включающими как нормы финансового права, так и других отраслей права, прежде всего гражданского. Эти правовые институты дополняют систему финансового права, придавая ей завершенность.

Вместе с тем, по мнению целого ряда других исследователей, в системе финансового права в зависимости от особенностей предмета правового регулирования следует выделять такие группы общественных отношений, как эмиссионные, налоговые и бюджетные отношения, в правовой регламентации которых любое государство заинтересовано в первую очередь. Без этих финансовых отношений практическое функционирование государства немислимо. Исторически названные финансовые отношения возникли одновременно с государством, эволюционно развивались вместе с ним, были встроены во все его главные механизмы. На базе этих отношений, урегулированных правом, возникли первые правовые институты финансового права: эмиссионное право, налоговое право, бюджетное право.

Эмиссионные отношения — это финансовые отношения по разработке, изготовлению и выпуску в обращение денежных знаков в виде банковских билетов (банкнот) и монет Центральным (эмиссионным) банком РФ. Эмиссионные отношения связаны с хранением, перевозкой и инкассацией наличных денег для кредитных учреждений, экспертизой банковских билетов, заменой поврежденных банкнот и монет Банка России.

Эмиссионные отношения регламентируются нормами финансового права, образующими внутри

отрасли самостоятельное подразделение — институт эмиссионного права.

Налоговые отношения — это отношения по поводу уплаты налогов и сборов в государственные и муниципальные бюджеты, а также государственные внебюджетные фонды. Это — наиболее древние финансовые отношения, родившиеся вместе с государством и подвергавшиеся особенно тщательно правовой регламентации. История показывает, что неурегулированные правом налоговые отношения приводили к «возмущающим воздействиям» в государственном управлении, например рассказ летописца Нестора о том, как погиб князь Игорь⁷.

Бюджетные отношения — это общественные отношения, возникающие в процессе финансовой деятельности государства, но по поводу определения компетенции органов государственной власти и органов местного самоуправления в связи с установлением порядка составления и рассмотрения проектов федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ, бюджетов муниципальных образований, утверждения и исполнения названных бюджетов, осуществления контроля за их исполнением и т.д. Особое значение имеют бюджетные отношения, связанные с основным, наиболее значительным фондом денежных средств, т.е. с федеральным бюджетом, по которому ежегодно Государственной Думой РФ принимается федеральный закон.

В ходе финансовой деятельности государства возникают другие группы общественных (финансовых) отношений: отношения по государственному кредиту; складывающиеся в процессе финансовой деятельности предприятий и учреждений; страховые; возникающие в процессе валютного регулирования; финансово-контрольные и другие, в том числе общественные отношения в области бухгалтерского учета⁸.

Общественные отношения в области бухгалтерского учета представляют собой отношения по сбору, регистрации и формированию финансовой информации об имуществе, обязательствах организаций и их движении путем сплошного, непрерывного и документального учета всех хозяйственных операций. Эта группа финансовых отношений выделена сравнительно недавно и также входит в предмет финансового права, о чем свидетельствует Федеральный закон от 21 ноября 1996 г. «О бухгалтерском учете»⁹, который по духу и по характеру содержащихся в нем правовых норм является финансовым законом.

6 Грачева Е.Ю. Проблемы правового регулирования государственного финансового контроля. — М., 2000. — С. 111, 112.

7 Памятники истории Киевского государства IX-XII вв. — Ленинград, 1936. — С. 29.

8 Ашмарина Е.М. Некоторые аспекты расширения предмета финансового права в Российской Федерации. — М., 2004.

С исторической точки зрения они формировались значительно позже, чем эмиссионные, налоговые и бюджетные, уступали последним по политической значимости и вследствие этого шли (и идут) как бы во втором эшелоне. Однако и они требуют упорядочения, т.е. организационно-правового воздействия, которое осуществляется посредством финансово-правовых норм. Таким образом, проведенные научные исследования финансово-правовой материи в рассматриваемом аспекте делают очевидной необходимость создания фундаментальной основы, которая позволит понять природу элементов финансового права, осуществить анализ финансово-правового массива и выполнять научные разработки как в текущий момент, так и в средне- или долгосрочной перспективе.

Полагаем возможным согласиться с точкой зрения Г.Г. Пиликина о том, что фундаментальное изменение экономических отношений, происшедшее в 1991 г., в настоящее время требует перехода от «блокового» и «точечного» создания финансово-правового массива к концептуальному уровню построения системы финансового законодательства¹⁰.

При этом считаем во многом справедливой позицию ряда ученых-правоведов о необходимости принятия основополагающего финансового нормативного правового акта «Основы финансового законодательства в Российской Федерации». Его архитектура и содержание, полагаем, существенно воздействовали бы на гармоничное совершенствование общей части финансового права.

Финансовая деятельность государства – это осуществление им функций по планомерному образо-

ванию, распределению и использованию денежных фондов (финансовых ресурсов) в целях реализации задач социально-экономического развития, обеспечения обороноспособности и безопасности страны. Характеризуя финансовую деятельность государства, необходимо подчеркнуть, что это особый вид государственной деятельности, поскольку ею занимаются органы государства всех трех ветвей государственной власти: законодательной, исполнительной и судебной в пределах своей компетенции¹¹. Функции финансовой деятельности выполняют также органы государственного управления РФ и субъектов Федерации (министерства, государственные комитеты, департаменты и т. д.) в рамках, отнесенных к их компетенции отраслей или сфер управления.¹²

Федеральные государственные органы и государственные органы власти субъектов Российской Федерации осуществляют функции финансовой деятельности в соответствии с установленным Конституцией РФ разграничением предметов ведения между Федерацией и ее субъектами. Так, в ведении Российской Федерации находятся: установление основ федеральной финансовой политики, финансовое, валютное и кредитное регулирование, федеральные экономические службы, включая федеральные банки, федеральные налоги и сборы, федеральные фонды регионального развития (ст. 71). К совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов отнесено установление общих принципов налогообложения и сборов в Российской Федерации (ст. 72). Вне этих пределов субъекты РФ обладают в области финансов всей полнотой государственной власти (ст. 73, 76).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Грудцына Л.Ю. Конституционно-правовые основы формирования государством институтов гражданского общества в России // Образование и право. 2010. № 7.
2. Пиликин Г.Г. Понимание и соотношение категорий «система финансового права», «структура финансового права» и «система финансового законодательства» в современный период // Российский юридический журнал. 2011. № 6.
3. Шагиева Р.В. Финансовая деятельность: сущность, содержание и формы осуществления // Вестник Владимирского юридического института ФСИН. 2012. № 2.

BIBLIOGRAFIY

1. Grudtsyna L.Yu. Konstitutsionno-pravovyye osnovy formirovaniya gosudarstvom institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossii // Obrazovanie i pravo. 2010. № 7.
2. Pilikin G.G. Ponimanie i sootnoshenie kategoriy «sistema finansovogo prava», «struktura finansovogo prava» i «sistema finansovogo zakonodatel'stva» v sovremennyy period // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2011. № 6.
3. Shagieva R.V. Finansovaya dejatel'nost': sushhnost', sodержanie i formy osushhestvleniya // Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta FSIN. 2012. № 2.

9 СЗ РФ. – 1996. – № 48. – Ст. 5369.

10 Пиликин Г.Г. Понимание и соотношение категорий «система финансового права», «структура финансового права» и «система финансового законодательства» в современный период // Российский юридический журнал. 2011. № 6. С. 180 – 189.

11 Шагиева Р.В. Финансовая деятельность: сущность, содержание и формы осуществления // Вестник Владимирского юридического института ФСИН. 2012. № 2.

12 Грудцына Л.Ю. Концептуальные основы формирования институтов гражданского общества в Российской Федерации // Российская юстиция. 2008. № 12. С. 42-47.

А.О. НАДМИДОВ

Банковская система Российской империи в период 1900-1917 годов

АННОТАЦИЯ. Статья анализирует деятельность Государственного банка, развитие отечественной банковской системы, характерные черты, присущие ей в данный период. Выявлена характерная особенность российских банковских учреждений, состоящая в их строгой специализации. Дана характеристика основных тенденций развития банковского дела в России в начале XX века. Значительное внимание уделено деятельности Государственного банка по поддержанию стабильности финансовой системы России в период Первой мировой войны. Выявлены основные особенности функционирования Государственного банка Российской империи данного исторического периода.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: банковская система, Государственный банк Российской империи, Русско-Азиатский банк, эмиссия, Министерство финансов.

НАДМИДОВ АНТОН ОЛЕГОВИЧ – аспирант 2-го курса кафедры финансового и административного права РЭУ им. Г.В. Плеханова (Antonlawyer1988@yandex.ru).

A. NADMIDOV

The banking system of the Russian empire in the period of 1900-1917 years

ANNOTATION. The article analyzes the activities of the State Bank, the development of the domestic banking system, the characteristic features inherent in a given period. The characteristic feature of the Russian banking institutions, consisting in their strict specialization. The characteristic of the main trends in the development of banking in Russia in the early twentieth century. Considerable attention is paid to the State Bank to maintain stability of the financial system in Russia during the First World War. The basic features of the functioning of the State Bank of the Russian empire of the historical period.

KEYWORDS : banking system, State Bank of the Russian Empire , Russian – Asian Bank , the issue , the Ministry of Finance.

NADMIDOV A.O. – graduate student of the 2nd course of department of financial and administrative law of REU of G.V. Plekhanova (Antonlawyer1988@yandex.ru).

Экономические подъемы в конце 1890-х и 1909–1913 годов, благодаря которым Россия вошла в пятерку индустриально развитых держав, были во многом связаны с кредитно-инвестиционной активностью отечественных банков. Доля Российской империи в мировом промышленном производстве, оставшаяся в 1881–1885 годах 3,4%, возросла к 1896–1900 годам до 5,0%, а к 1913 году до 5,3%. По важнейшим экономическим показателям Россия значительно приблизилась к ведущим странам Запада. По абсолютным размерам добычи железной руды,

выплавке чугуна и стали, объему продукции машиностроения, промышленному потреблению хлопка и производству сахара она вышла на четвертое-пятое место в мире, а в нефтедобыче на рубеже XIX–XX вв. на время стала даже мировым лидером благодаря созданию Бакинского нефтепромышленного района. По протяженности железнодорожной сети Россия уступала только США.

Плата за помощь капиталами и технологиями была немалой, но экономический эффект оказывался выше, и в конечном счете эти инвестиции

способствовали индустриализации России. Их направления и отраслевая структура были обусловлены внутренними потребностями страны. А главное, иностранные инвестиции, безусловно, не были определяющим фактором экономического роста. В канун Первой мировой войны иностранные корпорации контролировали только 15% совокупного капитала российских акционерных компаний. Отечественный капитал, прежде всего банковский, сохранял лидирующие позиции в народно-хозяйственной системе страны.

Потребности капиталистической модернизации народного хозяйства определяли особенности кредитной системы, сложившейся в России во второй половине XIX века. К началу Первой мировой войны в стране действовала двухуровневая банковская система, кредитовавшая различные секторы экономики.

Во главе этой системы находился учрежденный в 1860 году Государственный банк, непосредственно подчиненный министру финансов. Государственный банк являлся крупнейшим коммерческим банком страны, а после денежной реформы 1895–1897 годов стал и эмиссионным банком, получив право эмиссии обеспеченных золотом кредитных билетов.

Концентрируя ресурсы с помощью широкой сети филиалов – к 1914 году у Госбанка было 136 отделений и контор и, пользуясь средствами Казначейства, особенно активно в канун мировой войны, Госбанк участвовал в кредитовании хлебной торговли, снабжал средствами частные коммерческие банки, постепенно превращаясь в банк, должниками которого являлись все основные коммерческие банки Российской империи.

В политике Государственного банка можно выделить две разнонаправленные тенденции: самостоятельное кредитование торгово-промышленного оборота и передачу капиталов коммерческим банкам. В начале XX в. Государственный банк из конкурента превращался для акционерных банков в источник средств, которые предоставлялись частным банкам путем переучета векселей и выдачи ссуд под залог векселей, ценных бумаг и товарных доку-

ментов. Россия переживала общую для развитых стран того времени эволюцию банковской системы, в ходе которой центральные банки постепенно становились так называемыми банками банков, выполняя роль резервной кредитной системы. Однако в России к началу XX века этот процесс еще не завершился, и Государственный банк продолжал активно финансировать народное хозяйство, особенно отрасли, связанные с хлебной торговлей, активно банк участвовал и в строительстве сети государственных элеваторов, тем самым способствуя росту сельскохозяйственного производства.

Тем не менее с конца XIX века акционерные коммерческие банки начинают играть в развитии кредитно-банковской системы страны все более активную роль. В канун Первой мировой войны сеть акционерных банков коммерческого кредита насчитывала 50 учреждений с 778 отделениями, в том числе 13 банков находилось в Петербурге, 7 – в Москве, 5 – в Варшаве, 3 – в Риге, по 2 – в Киеве, Одессе и Лодзи.

На 1900 год в Российской империи действовали 42 коммерческих банка, а благодаря созданной в начале 1900-х годов широкой сети из 268 отделений акционерные коммерческие банки занимали в кредитно-банковской системе России центральное место. По сумме баланса к 1914 году они почти в три раза опережали все остальные банковские учреждения коммерческого кредита, в том числе Государственный банк.

Отечественные коммерческие банки, бывшие изначально посредниками в платежах, со временем превратились в важнейшие составные части денежно-кредитной системы, от которых всецело зависело экономическое развитие страны. Десятку крупнейших коммерческих банков России возглавлял Русско-Азиатский банк, за ним шли еще 6 петербургских банков: Русский банк для внешней торговли, Международный банк, Азовско-Донской банк, Русский торгово-промышленный банк, Волжско-Камский банк, Сибирский Торговый банк, 2 московских коммерческих банка: Соединенный банк и Купеческий банк, а также Коммерческий банк в Варшаве. Крупнейшие банки активно кредитовали производствен-

ный сектор российской экономики. Например, Русско-Азиатский банк занимался кредитованием товарооборота, проводил масштабные операции по торговле хлебом, хлопком, сахаром и другими массовыми товарами.

Главным направлением его деятельности стало финансирование железнодорожного строительства, производства вооружений и ряда отраслей тяжелой индустрии. К началу Первой мировой войны Русско-Азиатский банк контролировал свыше 160 акционерных компаний. В их число входили 124 торгово-промышленных предприятия, 20 железнодорожных обществ, 4 пароходства, 3 страховые компании, 2 земельных банка. Лишь одна военно-промышленная группа банка включала 8 крупнейших акционерных обществ, в том числе такие знаменитые предприятия, как Путиловский, Невский судостроительный и Русско-Балтийский судостроительный заводы.

Здесь стоит обязательно отметить факт тесной кооперации ведущих российских банков с банками стран Западной Европы. В соответствии с банковским законодательством Российской империи иностранным банкам запрещалось открывать свои представительства в России; единственным исключением стал французский банк «Лионский кредит», иностранные банкиры выходили на российский рынок, участвуя в акционерном капитале российских банков. Привлечение иностранных инвестиций, стимулировавшее расширение операций отечественных банков, не приводило, однако, к росту зависимости отечественных банков перед зарубежными акционерами, так как руководители отечественных банков сохраняли за собой важнейшие финансово-кредитные рычаги воздействия.

Параллельно с этим активно шел процесс проникновения ведущих отечественных банков в финансово-кредитные системы развитых стран мира: к началу Первой мировой войны российские банки имели 17 заграничных филиалов, в том числе 5 таких филиалов было создано в Париже, 3 филиала в Лондоне и столько же в Берлине.

Основой активов коммерческих банков России были кредитование торгово-промышленного

оборота и финансирование производства по счетам учета векселей, ссуд под залог векселей, ценных бумаг и товаров. Особенно велико влияние российских акционерных коммерческих банков было в металлургическом секторе, машиностроении, нефтяной, цементной, сахарной, текстильной и табачной промышленности, в железнодорожном строительстве и водном транспорте, а также хлебной торговле на экспорт.

В результате за 8 месяцев нахождения у власти Временное правительство выпустило в обращение примерно такое же количество денежных знаков, какое было эмитировано за 2,5 предшествовавших года войны. Такой значительный выпуск сказался на ускорении обесценения денег, что вынудило правительство прибегнуть к эмиссии кредитных билетов крупного достоинства — 250 рублей и 1 000 рублей. С августа начался выпуск казначейских знаков достоинством в 20 и 40 рублей.

Несмотря на крупную эмиссию, денег в обращении все время не хватало. Рост цен и, следовательно, увеличение денежного выражения товарной массы, тезаврация крупных купюр состоятельными слоями города, и особенно деревни, вызывали недостаток денег в обращении и диспропорции в составе денежной массы.

В августе и сентябре 1917 года нехватка денежных средств приобрела характер кризиса в связи с сезонным расширением товарооборота. С целью ликвидации этого кризиса Временное правительство допустило в обращение в качестве законного платежного средства ряд ценных бумаг и начало выпуск денежных знаков упрощенного типа — марок-денег.

Недостаток в обращении денежных знаков особенно мелких и средних купюр, привел к тому, что кроме общегосударственных денежных знаков в некоторых городах и губерниях появились свои средства обращения. Подобные эмиссии свидетельствовали о том, что начался процесс распада единой финансово-кредитной системы страны.

Рост денежной массы в обращении сопровождался быстрым увеличением товарных цен: при Временном правительстве они выросли в 4

раза. К 1 ноября 1917 г. покупательная стоимость довоенного рубля равнялась 6 – 7 копейкам.

Таким образом, эмиссионная политика, проводимая Министерством финансов и Государственным банком в части поддержания 100% обеспечения банкнот золотом и ограничения их выпуска, стала гарантией платежеспособности России по внешним займам и в то же время вызвала необходимость брать новые займы для поддержания золотого запаса России. Такая политика также ограничила возможность Государственного банка снабжать банкнотами через коммерческие банки промышленные и торговые предприятия.

Несмотря на все преобразования организационного характера и на преобразования в самой коммерческой деятельности Государственного банка, Государственному банку не удалось полностью освободиться от ряда чуждых ему операций. Кредитная политика его продолжала находиться в противоречии с задачей выполнения функций центрального эмиссионного института. В организационном плане правительство России делало все возможное для того, чтобы сохранить Государственный банк в полном своем распоряжении и оградить его деятельность от вмешательства Государственной думы, которая формально была лишена права на получение официальных годовых отчетов банка, фактически доступных для довольно широкого круга дореволюционных экономистов.

Имея возможности для определяющего влияния на направление всего банковского кредита, Государственный банк своей политикой усиливал отвлечение ресурсов кредитной системы от непосредственного кредитования хозяйства.

Российское банковское законодательство того периода являлось юридической основой для самого широкого правительственного воздействия на банки, но не определяло ни границы вмешательства, ни сам его предмет. При осуществлении финансовой поддержки коммерческих банков вмешательство Министерства финансов нередко выходило за установленные законом пределы и принимало такие, например, формы, как правительственные ревизии по осо-

бым высочайшим разрешениям, вмешательство в управление банков или даже распространение случаев управления проблемных банков со стороны чиновников Министерства финансов и служащих Государственного банка.

Эти процессы становились отличительной особенностью развития банковской системы России в период Первой мировой войны и отличало отечественную банковскую систему от банковских систем стран Западной Европы, где публично-правовое регулирование деятельности банков осуществлялось только в отношении эмиссионных банков, являвшихся частными акционерными обществами. В отношении коммерческих банков этих стран господствовала система свободного учредительства, и эти банки были подчинены общим правилам регистрации для акционерных обществ. Надзор за коммерческими банками исчерпывался их обязанностью, подобно акционерным обществам, публиковать годовые балансы. Эти балансы отсутствием детализации операций существенно отличались от балансов русских банков, давая много меньше возможностей разобраться в существе банковских операций. Выезжавшие в 1911-1912 годах за границу для изучения постановки государственного надзора за банками чиновники Министерства финансов совместно со служащими Государственного банка с изумлением писали в своем отчете, что там нет ни специальной законодательной регламентации, ни надзора за коммерческими банками. К примеру, во Франции все влияние Министерства финансов на коммерческие банки ограничивалось тем, что по установившемуся неписаному порядку они согласовывали с ним эмиссии иностранных займов на парижском рынке. В Германии некоторая регламентация и надзор распространялись лишь на ипотечные банки. Даже промежуточные балансы коммерческих банков стали впервые публиковаться в Германии в 1909 году раз в два месяца, и то лишь крупными банками в добровольном порядке, без правительственного предписания. Некоторые зачатки банковского законодательства имелись в XIX – начале XX века только в США вследствие существования многих тысяч мелких национальных эмиссионных банков и банков штатов.

В свете изложенных фактов можно сделать вывод о том, что Россия в период доминирующего капитализма на 50-60 лет своим банковским законодательством опередила весь остальной мир. В Российской империи впервые в мире фактически установилась по существу запретительно-ограничительная система учреждения новых банков и банковских филиалов, регулирования банковских операций, введения обязательной публикации детальных банковских отчетов, строгого надзора за деятельностью банков.

Кроме того, законодательное регулирование и надзор со стороны Правительства, Министерства финансов и Государственного банка имели огромное практическое значение. Это значение заключалось в повышении доверия к банковской системе страны. Это, в свою очередь, имело огромное значение для укрепления коммерческих банков. Таким образом, резюмируя вышеизложенное, к особенностям формирования и функционирования Государственного банка в России с 1861 г. вплоть до октябрьской революции 1917 г. можно отнести следующее:

– Государственный банк находился в полной зависимости от Министерства финансов, что

придавало его деятельности весьма своеобразный характер;

– Государственный банк являлся крупнейшим коммерческим банком страны. В рассматриваемый период в Государственном банке сосредоточилось более 48% денежных капиталов, привлеченных всей системой коммерческих банков;

– Государственный банк в течение всего периода своего существования не только усиливал свою политику в области централизации кредитов, но и выступал самым крупным кредитором всей банковской системы России вплоть до своего упразднения;

– Государственный банк, несмотря на его специфическую деятельность в области денежного регулирования, в то же время являлся центральным эмиссионным банком и одновременно учреждением, осуществляющим аккумуляцию золотовалютного запаса России.

7 ноября 1917 года история Государственного банка и банковской системы Российской империи завершилась. Началась история развития банковской системы первого в мире государства рабочих и крестьян, публично-правовое регулирование банковской деятельности основывалось на совершенно иных принципах.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки Госфиниздат, М., 1948.
2. Бовыкин В.И. Формирование финансового капитала в России. Конец XIX в. – 1908 г. – М.: Наука, 1984.
3. Бовыкин В.И., Петров Ю.А. История коммерческих банков Российской империи. М.: Перспектива, 1994
4. Беляев С.Г. Русско-французские банковские группы в период экономического подъема 1909–1914 гг. СПб.: 1995.
5. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. М., 1997.
6. Вознесенский Е.П. Операции коммерческих банков. СПб., 1914.
7. Пахарнаев А. И. Обзор действующего Свода законов Российской империи. – СПб.: 1909.
8. [Электронный ресурс] cbr.ru.
9. [Электронный ресурс] en.wikipedia.org.

BIBLIOGRAPHY

1. Gindin Russian commercial banks Gosfinizdat, M. 1948.
2. Bovykin VI Formation of financial capital in Russia. The end of the nineteenth century. – 1908 – М.: Nauka, 1984.
3. Bovykin V.I., Petrov Yu.A. history of Russian commercial banks imperii. M. Perspektiva, 1994.
4. Belyaev S.G. Russko-French banking group in the period Economic Recovery 1909–1914 gg. SPb.: 1995.
5. A foreign enterprise and foreign investment in Rossii. M.: 1997.
6. Ascension EP Operations of commercial banks. SPb.: 1914.
7. Paharnaev AI Review of existing Laws of the Russian Empire. – SPb., 1909.
8. [Elektronnyyresurs] cbr.ru.
9. [Elektronnyyresurs] en.wikipedia.org.

Д. А. НАЗАРОВ

Особенности развития государственной национальной политики в условиях идеологического и политического многообразия в Российской Федерации

АННОТАЦИЯ. В статье автор рассматривает особенности развития государственной национальной политики в условиях идеологического и политического многообразия на опыте осмысления процессов образования современных наций, государств и гражданских обществ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государство, гражданское общество, политология, национальная политика, идеология, консерватизм, социализм, либерализм.

НАЗАРОВ ДЕНИС АНДРЕЕВИЧ – аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы.

D. A. NAZAROV

Features of development of the state national policy in terms of ideological and political diversity in the Russian Federation

ANNOTATION. In the article the author considers the peculiarities of the development of the state national policy in terms of ideological and political diversity in the experience of understanding the processes of the formation of modern Nations, States and civil societies.

KEYWORDS: state, civil society, politics, national politics, ideology, conservatism, socialism, liberalism.

NAZAROV DENIS ANDREEVICH – graduate student, Russian presidential Academy of national economy and public administration.

Попытки осмысления процессов образования современных наций, государств и гражданских обществ, предпринятые в сравнительной политологии еще в 60-е и 70-е годы (Роккан, Тилли и др.), неизбежно выявили высокую степень разнообразия современной политической организации в различных странах. И дело здесь даже не столько в пресловутой «исключительности» опыта стран за пределами евроатлантического ареала. На мой взгляд, эта «исключительность» достаточно легко анализируется хотя бы в силу того, что неевропейские модернизации в основном осуществляются с помощью сравнительно простых имитационных и совсем простых симуляционных процедур.

Существенное влияние на гражданское общество и на конкретное гражданское состояние оказали разные «траектории» модернизации, три различных формы территориальной организации. В «поясе городов» возникли мелкие территориальные образования, вынужденные федерализироваться (Швейцарское кляквенное сотоварищество и объединенные провинции в Нидерландах) в совместных границах. В старом, романском ареале, к юго-западу от «пояса городов» сложились унитарные территориальные образования, ориентированные на монокефальную организацию. Ярчайший пример этого – Франция. К северо-востоку, в германском ареале и, прежде всего, в зоне Священной Римской

империи возобладала поликефальная организация. По обе стороны территории консолидировались династическими центрами. С романской монокефальной стороны их соотношение было одноярусным, а с германской поликефальной — многоярусным.

Конфигурациям территориальных состояний вполне отвечают и разновидности национальных гражданских обществ. Самый предварительный компаративный анализ опыта эндогенной и эндогенно-имитационной модернизации Западной Европы позволяет выделить три основных модели формирования гражданского общества.

В современном мире политология обычно представляет собой сложное переплетение вышеуказанных течений, каждое из которых исследует складывающуюся политическую ситуацию определенными теоретически обоснованными методами.

На этой почве в первой половине XIX века возникает и такое методологическое течение, как позитивизм, основанный в значительной степени на базе «Системы позитивной политики» О. Канта. В настоящее время эта методология представлена в таких направлениях, как политическая социометрия, исследующая социально-психологические отношения между представителями в разных политических институтах экспериментальными методами, и структурно-функциональный анализ, уделяющий большее внимание направленности и содержанию политической деятельности различных субъектов.

Нередко на основе сравнительного анализа проводится прогнозирование путем прямого сопоставления сравниваемых явлений или путем экстраполяции (распространения) полученных данных на будущее на основе целого ряда гипотез. Такое прогнозирование, особенно на краткосрочный период, считается достаточно надежным, что позволяет отнести сравнительный подход в разряд наиболее перспективных.

Каждый из вышеуказанных подходов в той или иной мере используется и при исследовании различных видов политических идеологий и их ответвлений, что позволяет нам наиболее полно

изучить каждый из них, опираясь в основном на сопоставление этих типов между собой.

Основные политические идеологии современности. Наличие бесконечного множества социальных групп, преследующих личные цели и зачастую обладающих личными политическими интересами и ценностями, обуславливает наличие огромного количества политических идеологий, формулирующих и теоретически обосновывающих политические идеалы групп и нацеленных на их достижение. Существуют огромное количество идеологий: анархические, национальные, христианские, джамахирия и другие. Но определяющими в настоящее время являются консерватизм, социализм, либерализм и их многочисленные разновидности и сочетания, которым следует уделить особое внимание. Большое число идеологических направлений в современном мире обусловлено в том числе и тем, что в большинстве государств установлен демократический режим, связанный, как правило, с понятием идеологического плюрализма, то есть в демократической политической системе может одновременно сосуществовать несколько политических идеологий.

Таким образом, не только в рамках одной страны, но и в рамках одного государственного органа, одного политического блока, а иногда и одной партии может взаимодействовать несколько групп людей, приверженных разным политическим идеологиям. Такое разнообразие дает почву для тщательного анализа каждого из направлений и их сравнения по таким основополагающим вопросам, как эволюция развития и изменения каждого направления, основные идеологические ценности и принципы, набор признаваемых прав и свобод людей и граждан, и само понимание свободы, отношение к роли власти и отдельной личности в жизни общества и взгляды на происхождение государства, некоторые особенности, присущие конкретным идеологиям, и т.д.

Либерализм и неолиберализм. Основными ценностями идеологии классического либерализма, сложившейся в конце XVII-XVIII вв., стали идеи свободы личности и естественных прав

человека, индивидуализма, правового равенства граждан, частной собственности, свободной конкуренции и рынка, а также теория разделения властей (на исполнительную, законодательную и судебную) на основе системы «сдержек и противовесов», направленная на исключение злоупотребления властью и наиболее полно сформулированная в трудах французского мыслителя Ш. Монтескье.

Основателем идеологии классического либерализма считается английский философ Дж. Локк, отстаивавший договорную природу государства и идею разделения законодательной и исполнительной властей. Немалый вклад в развитие идеологии внесли и такие мыслители, как Т. Гоббс, Ш. Монтескье, И. Кант, А. Смит, Т. Джефферсон, Ж. Руссо и др.

Существенное значение в каждой политической идеологии приобретает отношение ее приверженцев к роли государства в различных сферах жизни общества. Согласно идеям классического либерализма, общество является первичным по отношению к государству, которое возникает на основе теории «общественного договора», впервые выдвинутой английским философом и политическим мыслителем Т. Гоббсом.

Первоначально либеральные идеи отражали интересы буржуазии, обосновывая процесс ее обособления и выражая ее притязания на власть. Первыми документами, выражавшими либеральные принципы, стали «Декларация независимости США» (1776 г.) и «Декларация прав человека и гражданина» (1789 г.). Первая партия, провозглашавшая идеологию либерализма, появилась в Великобритании (партия вигов), в США эти принципы изначально выражаются в деятельности Демократической партии.

С момента своего появления либеральная идеология пережила множественные изменения, преобразования, поправки, связанные с непосредственным применением в конкретно-исторических условиях. В то же время в идеях классического либерализма нередко не уделялось должного внимания развитию естественных человеческих прав, связанных с прогрессом в обществе, что приводило к появлению новых «внутренних

течений» в идеологии. В связи с этим на основе классического либерализма со временем возникло множество новых направлений.

Так, в XX веке, наравне с течениями, провозглашавшими сочетание положений традиционного либерализма с социальной ориентацией, сформировался и так называемый «консервативный либерализм», отвергающий социальную направленность деятельности государства. Теория либерализма, отстаивающая классические либеральные идеи, полностью исключала возможность каких-либо изменений.

Другой исторической формой либерализма становится неолиберализм, основным отличием которого от традиционной идеологии стало отношение к государственному вмешательству. Утверждая необходимость ограничения государственного регулирования экономической, социальной и духовной сфер жизни общества, неолибералы, тем не менее, допускали возможность некоторого участия государства в управлении ими.

Наиболее близка привычным нормативным установкам модель образования гражданского общества под сенью абсолютного государства, точнее, внешние результаты ее осуществления. Это неудивительно, так как в теоретической сфере исторически доминировали дискурсы самоутверждения абсолютистского государства. Неожиданным и неприятным следствием становится сущностная зависимость гражданского общества от государства, вертикальная, сверху вниз, направленность самого процесса «внешнего» выстраивания гражданского общества, когда граждане уравниваются перед законом простым установлением монополии суверена на принуждающее насилие. Тогда стандарты права и признание прав человека во многом зависят от того, как скоро и каким образом абсолютное государство становится правовым.

Прямо противоположная модель взращивания гражданского общества снизу увязывается с институтами консоциации. Однако и тут возникают проблемы. Они связаны с необходимостью создания или привлечения «крыши» для осуществления функций государства, прежде

всего, принуждающего насилия. Такая ситуация возникает при постепенном и попарном консолидировании гражданского общества снизу в виде разных консоциативных колонн. В этом случае его развитие опережает государственное строительство. Считающийся «аномальным», а фактически — образцовый для своего типа пример Швейцарского клятвенного сотоварищества демонстрирует, что создание государственных рамок для вполне сформировавшегося гражданского общества может завершаться очень поздно. В данном случае только в середине XIX века.¹

Наконец, межкорпоративная интеграция создает еще одну разновидность гражданского общества. Данная модель предполагает создание гражданского общества «сбоку». Это может быть достигнуто прежде всего с помощью создания корпораций и корпоративных структур, в равной мере противостоящих как непосредственному объединению населения (общины, первичные консоциации и т.п.), так и властным структурам.

Было бы точнее трактовать данные три модели как три класса моделей, поскольку в рамках общей логики выстраивания гражданского общества сверху, снизу и сбоку могут создаваться совершенно различные институты и институциональные дизайны, а значит, самостоятельные организационные модели, отвечающие данным логикам. Конечно, на практике все три класса моделей используются в каждом национальном случае одновременно и зачастую путем различных сочетаний в различных частях формирующихся национальных политик.

Однако при этом некоторые устойчивые практики, а вслед за ними институты, институциональные дизайны и логики получают приоритет-

ное развитие. В силу этого можно выделить более широкий ряд специфических «путей» формирования гражданского общества. Данная работа, однако, требует не только привлечения новой — по крайней мере для политологов — исторической фактуры, но также ее эмпирической обработки и анализа. Это, в первую очередь, страны, где обнаруживаются синдромы консоциативного устройства: Нидерланды, Бельгия, Швейцария, отчасти Австрия. Романское «крыло» характеризуется преобладанием моделей вертикального, сверху вниз, формирования гражданского общества, хотя периферийно могут использоваться и другие модели. Это касается ряда ареалов Иберии и, особенно, Италии.

С принятием Конституции в обеих европейских странах сделалась возможной в рамках закона реализация гражданского участия. Конституция санкционировала такую модель социального взаимодействия, которая предполагает в своей основе не апелляцию к классам или кантонам, к статусам, привилегиям или цеховым уставам, а опору на понятие «гражданина» как первоначального участника политической коммуникации. При этом факт закрепления гражданских прав и свобод в Конституции, как и факт введения самой Конституции, были призваны символически оформить взаимные отношения между государством и совокупностью независимых, самостоятельных и политически равных индивидов, регламентируемые единым правовым стандартом. Наметился переход от частных гражданских состояний в единое гражданское общество, и этому способствовало не только принятие Конституции, но и влияние на него смысловых оттенков других концептов.²

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Грудцына Л.Ю. Свобода и гражданское общество // Образование и право. 2011. № 1(17). С. 22-30.
2. Бачило И.Л. Информационное право. Учебник для ВУЗов, М.: ЮРАЙТ, 2011.
3. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. Учебник. — М.: ИНФРА-М, 1998.

BIBLIOGRAPHY

1. Grudtsyna L. Yu Freedom and civil society / Education and law. 2011. № 1(17). S. 22-30.
2. Bachelo I. L. Information law. Textbook for high schools, M: JURIT, 2011.
3. The Baglai, M. C. Constitutional law of the Russian Federation. The tutorial. — М.: INFRA-M, 1998.

1 Грудцына Л.Ю. Свобода и гражданское общество // Образование и право. 2011. № 1(17). С. 22-30.

2 Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. Учебник. — М.: ИНФРА-М, 1998.

Е.В. УЛЬЯНОВА

Конституционные положения законодательной инициативы в конституциях СССР и РСФСР

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется характеристика положений конституций, понятие законодательной инициативы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Законодательная инициатива, субъекты права законодательной инициативы.

УЛЬЯНОВА ЕЛЕНА ВЯЧЕСЛАВОВНА – аспирантка Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Le153@mail.ru).

E. V. ULYANOVA

Constitutional provisions of legislative initiative in the constitutions of the USSR and RSFSR

ANNOTATION: this paper characteristic of the provisions of Constitution, the concept of legislative initiative.

KEYWORDS: legislative initiative, subjects of the right of legislative initiative.

ULYANOVA E. V. – graduate student of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Le153@mail.ru).

История советского государственного управления берет начало со II съезда Советов. Он был в переломном моменте, когда Петроград был в руках восставших рабочих и крестьян, а Зимний дворец, где заседало буржуазное временное правительство, еще не был взят восставшими. Создание новой системы государственного управления начиналось с выработки и провозглашения политических постулатов. Первым управленческим документом новой нарождавшейся власти следует признать обращение II съезда Советов «Рабочим, солдатам, крестьянам!», принятое на первом заседании съезда 25 октября 1917 года. Этот документ провозглашал установление советской власти, то есть образование Советского государства¹.

После февральской революции 1917 года происходит изменение формы правления России,

принимается ряд актов, которые имели принципиальное значение для формирования новой государственной системы России, а наряду с этим в процессе революционных преобразований создавались, появлялись новые органы, претендующие на руководящие позиции государства. Октябрьская социалистическая революция установила в России тип власти – диктатуру пролетариата. По организационной форме государство в соответствии с идеями В.И. Ленина было объявлено Республикой Советов, т.е. органами государственной власти в центре и на местах стали Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Переход всей полноты власти в руки рабочего класса и беднейшего крестьянства, в руки Советов закрепил II Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов. Он принял 7 ноября 1917 г. обращение

1 Декреты Советской власти: Обращение II Всероссийского съезда Советов к рабочим, солдатам и крестьянам о победе революции и ее ближайших задач 25.10.1917. Т. 1. М., 1957. С.8-9.

«Рабочим, солдатам и крестьянам!», в котором была провозглашена программа социальных и демократических преобразований. Съезд сделал первые шаги и в практическом направлении. Он принял специальное обращение «О полноте власти Советов» и постановил, что вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Декретом от 8 ноября 1917 г. «Об учреждении Совета Народных Комиссаров» съезд образовал для управления страной рабочее и крестьянское правительство, установив одновременно, что контроль за деятельностью народных комиссаров и право их смещения принадлежит Всероссийскому съезду рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и его ЦИКу. Таким образом, решениями II Всероссийского съезда — и в этом их конституционное значение — были созданы практически все главные звенья государственного руководства страной, которые затем нашли отражение в Конституции РСФСР 1918 г.

Декреты, принятые в 1917 году, продолжили свое развитие, и в 1918 году было принято решение о разработке III Всероссийским съездом советов новой Конституции 1918 года. В резолюции «О федеральных учреждениях Российской Республики» были сформулированы главные положения в части организации новой власти. Последний пункт резолюции гласит: разработка этих основных положений Конституции Российской Федеративной Республики поручается Центральному Исполнительному Комитету Советов для внесения на следующий съезд Советов.

Конституция РСФСР 1918 года сыграла важную роль в конституционном строительстве других советских республик, возникавших в это же время. В конституциях советских республик отражались национальные особенности и условия, тем не менее для разработки своих конституций брали Конституцию РСФСР.

Конституции были едины в закреплении характера новой власти как власти трудящихся в форме Советов. Конституции сыграли свою важную роль в истории республик, одновременно содержали предпосылки для последующего объединения республик в Союз Советских Социалистических Республик.

Конституция 1918 года закрепила Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов, который являлся высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом РСФСР. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов давал общее направление деятельности Рабоче-Крестьянского Правительства и всех органов Советской власти в стране, объединял и согласовывал работы по законодательству и управлению, наблюдал за проведением в жизнь Советской Конституции, постановлений Всероссийских Съездов Советов и центральных органов Советской власти, рассматривал и утверждал проекты декретов и иные предложения, вносимые Советом Народных Комиссаров или отдельными ведомствами, а также издавал собственные декреты и распоряжения². Анализируя Конституцию РСФСР 1918 года и Конституции союзных республик, следует сделать вывод о том, что конституционно понятие право субъекта законодательной инициативы не было закреплено, хотя законотворческая деятельность присутствовала.

Первая Советская Конституция обобщила весь этот теоретический и практический материал, подвела итог начальному периоду строительства Советского государства. Закрепив первые победы Советской власти, Конституция обеспечила правовые условия для строительства социализма в нашей стране³.

К переходному периоду от Конституции 1918 года к Конституции РСФСР 1925 года подход неоднозначен, поскольку Конституция СССР

2 Постановление V Съезда Советов Союза Социалистической республики от 10.07.1918 «Об утверждении основного закона (Конституции) Союза Советских Социалистических Республик 1918 // СУ РСФСР. 1918. №51. Ст. 582.

3 Чистяков О.И. Конституция Российской Социалистической Федеративной Социалистической Республики 1918. М., 2003. С. 15.

1924 года в науке рассматривается, по меньшей мере, недостаточно, так как Россия не состояла в СССР, как и другие союзные республики. Поэтому 30 декабря I съезд Советов СССР утвердил Декларацию и договор об образовании нового государства – Союза Советских социалистических Республик. В этот союз объединились четыре советские социалистические республики: РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР, Закавказская Социалистическая Федеративная Советская республика, которая включала в себя Азербайджан, Армению и Грузию. На основании этого был заключен договор четырех равных республик, ставших после создания СССР союзными республиками⁴. Декларация и договор об образовании СССР были ратифицированы Центральными исполнительными комитетами союзных республик в 1923 году⁵. I съезд Советов СССР избрал (ЦИК Союза СССР) и по окончании съезда на состоявшейся I сессии ЦИК был сформирован Президиум ЦИК, который принял решения о разработке I союзной Конституции. При подготовке к Конституции Союза СССР шла полемика о разграничении полномочий между союзными республиками. После съезда 27 апреля 1923 года Президиум ЦИК Союза решил создать расширенную комиссию по подготовке Конституции Союза СССР. В ходе обсуждения по подготовке I Конституции СССР был найден компромисс между различными органами власти союзных республик, что позволило завершить процесс по обсуждению и утвердить 6 июля 1923 года проект Конституции СССР. Законность проекта Конституции был подтвержден высшими органами союзных республик. 29 января 1924 г., где XI Всероссийский съезд Советов

принял специальное постановление «О принятии Основного закона (Конституции) Союза Советских Социалистических Республик», 31 января 1924 года Конституция была утверждена⁶. Конституция СССР 1924 г. позволила сформировать новое государство – Союз Советских Социалистических Республик⁷.

Принятая Конституция РСФСР 11 мая 1925 года XII Всероссийским съездом Советов⁸ в значительной мере идентична тексту Конституции 1918 года, с отдельными изменениями. Новеллой Конституции РСФСР 1925 года в отличие от Конституции 1918 года было наличие главы Конституции об автономных советских социалистических республиках и областях, в которой определялся их правовой статус и характер отношений с федеральной властью. Высшим органом государственной власти в пределах территории каждой автономной советской социалистической республики были съезды Советов республики, а в период между съездами – избираемый ими Центральный Исполнительный Комитет, права которого определялись конституцией каждой автономной советской социалистической республики⁹.

Подводя итог, можно сказать, что в Конституциях СССР и Конституциях РСФСР существовали предпосылки законодательной инициативы, которые выражались в принятии Декретов народных комиссаров и Конституциях, но конституционно они закреплены не были.

К середине 30-х годов в развитии страны проявились новые реальности, которые накладывали свой отпечаток на систему государственного управления. Была провозглашена победа социализма. В связи с этим произошедшие изменения

4 Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р – 3316. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–2.

5 Постановление Верховного Совета Российской Социалистической Федеративной Социалистической Республики «О денонсации Договора об образовании Совета Союза Социалистических Республик». М., 12.12.1991. С. 1.

6 Постановление II-го Съезда Советов Союза Социалистической Республики от 31.01.1924 «Об утверждении основного закона (Конституции) Союза Советских Социалистических Республик 1924 // СУ РСФСР. 1924. № 81. Ст. 782.

7 Чистяков О.И. Конституция Российской Социалистической Федеративной Социалистической Республики 1918. М., 2003. С. 19.

8 Постановление XII-го Съезда Советов Союза Социалистической республики от 11.05.1925 «Об утверждении основного закона (Конституции) Союза Советских Социалистических Республик 1925 // СУ РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218.

9 Нудненко Л.А. Конституционное право России. М., 2013. С.60.

требовали соответствующего конституционного закрепления. Постановлением Чрезвычайного VIII съезда совета ССР 5 декабря 1936 года единогласно утвердили проект Конституции (Основного Закона СССР). В связи с этим возникла необходимость приведения Конституции РСФСР в соответствие с Конституцией СССР 1936 года¹⁰. 21 января 1937 года Чрезвычайный XVII Всероссийский съезд советов утвердил проект Конституции (Основного Закона РСФСР) 1937 года¹¹. Конституцией СССР 1936 г. были внесены серьезные изменения в структуру, порядок образования и формы деятельности государственных органов. Так, в Конституции 1936 года высшим органом государственной власти СССР является Верховный Совет СССР (ст. 30), который состоял из двух палат: Совета Союза и Совета Национальностей (ст. 33). Обе палаты Верховного Совета СССР были равноправны, и им в одинаковой мере принадлежала законодательная инициатива (ст. 38). Значительное число вопросов вносил в порядке законодательной инициативы на рассмотрение сессий Верховного Совета СССР его Президиум. Он проявлял законодательную инициативу, прежде всего, путем внесения принятых им указов нормативного характера на утверждение Верховного Совета СССР. Кроме того, Президиум вносил на рассмотрение сессии Верховного Совета СССР законодательные предложения. Также в соответствии с Положением о Верховном суде СССР право законодательной инициативы имел Верховный суд СССР¹². Новым положением в Конституции 1937 года является то, что Верховный Совет РСФСР образовывал Правительство РСФСР – Совет Народных Комиссаров РСФСР (далее СНК). Эта система

высших органов государственной власти была предусмотрена для автономных советских социалистических республик. Органами государственной власти в краях, областях, автономных областях, национальных округах, административных округах, районах, поселках, селах были Советы депутатов трудящихся, избираемые сроком на 2 года. Они избирали исполнительные комитеты в составе председателя, его заместителей, секретаря и членов¹³. Анализ Конституции СССР 1936 года и Конституции РСФСР 1937 года показывает, что обладающим правом законодательной инициативы закреплялось не только в Конституции, но и соответствующими законами СССР и РСФСР.

Состоявшийся в 1961 году XXII съезд КПСС поставил задачу обеспечить активное участие советского человека в управлении делами общества, в котором подчеркивалось: одним из путей решения задачи является развитие права законодательной инициативы. Это право проявлялось в социалистическом государстве и было неразрывно связано с руководящей ролью Коммунистической партии Советского Союза (далее КПСС). В решении этого вопроса важную роль играл Центральный Комитет КПСС, который указывал органам власти на необходимость разработки и принятия законодательных актов по тем или иным вопросам. Вопрос о развитии законодательной инициативы, расширение ее демократической основы нашел свое развитие в программе КПСС, в которой отмечалось: «Профсоюзам, комсомолу и другим массовым общественным организациям в лице их общесоюзных и республиканских органов предоставлялось право законодательной инициативы, то есть внесения проектов законов»¹⁴.

10 Об утверждении основного закона (Конституции) Союза Советских Социалистических Республик: Постановление VIII Съезда Советов Союза Социалистической Республики от 05.12.1936 // ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.

11 Об утверждении основного закона (Конституции) Союза Советских Социалистических Республик: Постановление XVII Съезда Советов Союза Социалистической Республики от 21.01.1937 // ЦИК СССР и ВЦИК. 1937. № 281.

12 Об утверждении положения о прокурорском надзоре в СССР: Указ президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик от 24.05.1955 г. // Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. 1955. №9. Ст. 222.

13 Нудненко Л.А. Конституционное право России. М., 2013. С.62.

14 Материалы XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961. С. 398.

С момента принятия Конституции РСФСР 1937 года прошло четыре десятилетия. За этот период изменилась экономика страны, иным стал социальный облик общества, возникла идея отразить в Конституции место КПСС как ядра политической системы общества, изменилось международное положение СССР, субъектом которого была РСФСР. Все эти изменения обусловили необходимость создания новой Конституции СССР, которая была принята 7 октября 1977 года¹⁵ и на ее основе была принята Конституция РСФСР 1978 года¹⁶. Конституция СССР 1977 г. уделила много внимания государственным органам. В ней содержалось немало новых норм об их полномочиях, порядка деятельности, например, о законодательном процессе в Верховном Совете СССР, и определила круг субъектов права законодательной инициативы¹⁷. Это право было предоставлено: Совету Союза, Совету Национальностей, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР, союзным республикам в лице их высших органов государственной власти, комиссиям Верховного Совета СССР и постоянным комиссиям его палат, депутатам Верховного Совета СССР, Верховному суду СССР, Генеральному прокурору СССР (ст. 113). Конституция РСФСР 1978 года аналогично закрепляла права законодательной инициативы, которые были закреплены в Конституции СССР 1977 года. Однако

отличием в Конституции РСФСР 1978 года является дополнение о том, что правом законодательной инициативы обладают также общественные организации в лице их общесоюзных и республиканских органов (ст. 108).

Конституция 1993 года определила право субъекта законодательной инициативы непосредственно Президенту РФ, Совету Федерации, членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы, Правительству РФ, законодательным органам субъектов РФ, Конституционному Суду РФ, Верховному Суду РФ и Высшему Арбитражному суду по вопросам их ведения, а также субъектам Российской Федерации¹⁸.

Проведенный в ходе исследования анализ позволяет сделать вывод, что проводимое в последние годы реформирование законодательной инициативы носило непоследовательный характер, хотя ей придавался вид масштабных перемен. Законодательная инициатива имеет сложную организацию и зависимые друг от друга различные элементы. Выявить ключевые звенья этой системы, увидеть механизм ее действия, оценить эффективность ее деятельности и выработать конкретные предложения по ее развитию позволяет раскрытие основных конституционных положений, которые были выстроены на основе анализа конституций СССР и РСФСР.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 2000. С. 421.
2. Нудненко Л.А. Конституционное право России. М., 2013.
3. Чистяков О.И. Конституция Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1918. М., 2003.

BIBLIOGRAPHY

1. Avakyan S. A. The Constitution of Russian: nature, evolution, of modern. M., 2000.
2. Nudnenko L. A. Russian constitutional right. M., 2013.
3. Chistyakov O. I. The Constitution of the Russian soviet Federative Socialist republic in 1918. M., 2013.

15 Об утверждении основного закона (Конституции) Союза Советских Социалистических Республик: Декларация Верховного Совета Союза Социалистической республики от 07.10.1977 №6365-IX // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст.617.

16 Об утверждении Основного Закона (Конституции) Союза Советских Социалистических Республик: Декларация Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12.04.1978 №6365-IX // Ведомости ВС СССР. 1978. № 15. Ст.407.

17 Авакян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 2000. С. 10.

18 Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // СЗ РФ. – № 31. – 2014. Ст. 4398.

Р.Ф. АЗИЗОВ

Методы правового регулирования в сети Интернет в Австралии. Сравнительно-правовой анализ

АННОТАЦИЯ. Автор дает обзор основных правовых актов и правоприменительной практике Австралии за последние годы, в том числе – материалам судебных дел. Показано, что австралийский законодатель уделяет большое внимание регламентации таких вопросов, как особенности интернет-архитектуры, ответственности информационных посредников, защита авторских прав в условиях глобальной информационно-телекоммуникационной сети, в связи с чем констатируется, что австралийский опыт может быть востребован в правотворческом процессе других государств, но с учетом глобального сотрудничества в рамках международных организаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Австралия, юрисдикция, интернет-архитектура, доменная зона, электронное право, электронная торговля, информационная безопасность, киберпреступность, спам, социальные сети, информационный посредник.

РАШАД ФИКРАТ ОГЛЫ АЗИЗОВ – докторант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета СПбГУ, кандидат юридических наук (azizoff1980@gmail.com).

R. F. AZIZOV

Methods of legal regulation in the Internet in Australia. Comparative legal research

ANNOTATION. The author gives an overview of major legislation and law enforcement practice of the Australia in recent years, including casework. It is shown that the Australian legislator pays great attention to issues such as regulation peculiarities of internet architecture, information intermediaries liability, copyright protection in the global information and telecommunications network, in connection with which states that the American experience may be required in the law-making process of other states, but given the global cooperation within international organizations.

KEYWORDS: Australia, jurisdiction, internet architecture, domain zone, electronic justice, e-commerce, information security, cybercrime, spam, social networking, information intermediary.

AZIZOV RASHAD FIKRAT OGLU – Doctoral student in the theory and history of state and law at the Law Faculty of the Saint-Petersburg State University, PHD (azizoff1980@gmail.com).

В условиях WEB 2.0, где в интернет-отношениях активно участвуют информационные посредники и «рядовые» пользователи, рассредоточенные по всем странам мира (а нередко и публикующие заметки во время путешествий, то есть за пределами государства своего гражданства) и генерирующие огромный массив общедоступного контента, проблема определе-

ния юрисдикции и выбора правильного «теста» становится особенно актуальной. Этот момент становится очевидным при анализе проблем соотношения интернет-архитектуры и правового регулирования и, очевидно, свидетельствует о необходимости разработки принципиально нового и универсального подхода к определению юрисдикции в отношении интернет-споров.¹

1 Азизов Р.Ф. Правовое регулирование отношений в сети «Интернет» (на примере США) // Ученые труды РААН. 2014. №3.

Австралия относится к числу тех стран, в которых установлены (как на уровне статутного права, так и на уровне прецедентов) нормы, специально регулирующие правовые отношения в сети Интернет. Поскольку Австралия по форме территориального устройства государства представляет собой федерацию, система правового регулирования данных отношений усложняется за счет наличия отдельных актов в данной области, принимаемых на уровне субъектов федерации. Дополнительный уровень регулирования обеспечивается промышленными стандартами.

Таким образом, правовые отношения в сети Интернет как предмет правового регулирования выделены в самостоятельную группу. В целом регулирование данных отношений входит в предмет ведения федеральных органов власти, главным из которых является Австралийское агентство массовой информации и коммуникаций (ACMA, Australian Media and Communications Authority), на которое данные полномочия возложены Актом об оказании услуг вещания (BSA, Broadcasting Services Act) 1992 года.² С точки зрения административного права, можно усмотреть прямую параллель с другими государствами в части организации распределения полномочий по регулированию Интернета, в том числе с Российской Федерацией, где таким органом фактически выступает Роскомнадзор. В то же время особенностью ACMA является то, что на данную инстанцию также возложены полномочия по утверждению отраслевых стандартов, т.е. систематизированных норм профессиональной этики интернет-индустрии.

Основными направлениями регулирования отношений в сети Интернет, главным образом в соответствии с BSA является обеспечение механизмов по работе с частными обращени-

ями относительно определенных категорий интернет-контента (в целом аналогичных по содержанию российской категории «информации, ограниченной к распространению в сети Интернет»), собственно ограничения доступа к интернет-контенту, который с наибольшей вероятностью будет нарушать права и законные интересы «разумного совершеннолетнего», а также защита детей от информации, способной причинить вред их здоровью и развитию.³ Любопытно, что основная направленность интернет-регулирования в Австралии, действительно, перекликается с подходом, развивающимся в Российской Федерации, и это подтверждается, в частности, и австралийской правоприменительной практикой.

Такие факторы, определяющие значение сети Интернет, как скорость и простота операций с информацией, находят свое первостепенное отражение в практике применения законодательства об интеллектуальной собственности. Как в случае и с большинством других стран, именно эта отрасль становится наиболее уязвимой в условиях современного информационного пространства.

Зарубежные исследователи отмечают следующее: «В то время как законодательство об интеллектуальной собственности в Австралии в равной степени применяется и к онлайн-миру, и к реальному миру, онлайн-мир бросает серьезные вызовы правообладателям. Высокие скорости передачи информации, а равно другие технологические прорывы усложняют задачи, стоящие перед правообладателями, прежде всего из игровой, кинематографической и музыкальной индустрии, обеспокоенными предотвращением распространяющихся с высокой скоростью нарушений их работ, охраняемых авторским правом».⁴

2 См. Cade A., Dang K., Australia // The Internet: Laws and Regulatory Regimes. Release 2. Juris Publishing, Inc. New York, 2013. P. 72. Здесь и далее, если прямо не указано иное, ссылки на отдельные факты, относящиеся к соответствующей правовой системе, а также на соответствующее законодательство и правоприменительную практику приводятся по данному изданию.

3 Ibid.

4 См. Cade A., Dang K. Australia // The Internet: Laws and Regulatory Regimes. Release 2. Juris Publishing, Inc. New York, 2013. P. 80.

Таким образом, скорость распространения информации – ключевой фактор, определяющий динамику законодательства и правоприменительной практики в области защиты интеллектуальной собственности в Австралии. Как отмечают исследователи, на текущий момент данная проблема рассматривается в Австралии преимущественно с точки зрения проблемы распределения ответственности между информационными посредниками и пользователями,⁵ что будет рассмотрено в соответствующей части работы далее по тексту.

При этом в контексте настоящей работы и конкретно исследования австралийской правовой системы в части регулирования отношений в сети Интернет, фактор простоты операций с информацией допустимо рассматривать как фактор, дополнительный по отношению к фактору скорости операций с информацией.

Кроме того, в контексте австралийской правовой системы фактор трансграничности отношений в сети Интернет находит прямое выражение в способах разрешения проблемы определения юрисдикции в спорах, связанных с отношениями в сети Интернет, что будет рассмотрено в работе далее.

Проблема идентификации пользователей в сети Интернет в более или менее явной форме рассматривалась в Австралии через призму договорного права. Исследователи отмечают, что такой вопрос, как идентификация сторон договора, до сих пор является актуальным в связи с определением того, считается ли договор заключенным и является ли он исполнимым.⁶ Следует, однако, помнить, что во многих, прежде всего принадлежащих к романо-германской правовой семье, правовых системах, данный вопрос чаще всего имеет более серьезное проблемное значение, чем в правовых системах, принадлежащих к англо-американской правовой семье, в которой вопрос

заключения договора формализован, скорее в меньшей степени.

Наиболее близким к данной проблеме на уровне австралийского прецедентного права считается решение по делу *Smythe v. Thomas*,⁷ предметом которого является сделка, фактически заключенная через известный онлайн-аукцион eBay. В случае с данным аукционом предложение к покупке товара было сочтено, проводя сравнительно-правовую аналогию, офертой (предложением, т.е. “offer” в смысле общего права) в ситуации, когда покупатель сделал «ставку» в надлежащий период, причем его ставка по истечении срока (требуется, таким образом, одновременное соблюдение двух условий), была рассмотрена как акцепт (принятие предложения, т.е. “acceptance” в смысле общего права). Поскольку в таком случае договор считался заключенным, у покупателя возникало право на взыскание убытков или требование об исполнении обязательства в натуре.

Учитывая контекст настоящей работы, в данном случае нельзя обойти вниманием возможность использовать сравнительно-правовой метод исследования на микроуровне и сравнить данный механизм, выработанный на уровне австралийского прецедентного права, с механизмом, предусмотренным российским гражданским законодательством.

Так, п. 2 ст. 434 ГК РФ предусматривает, что договор в письменной форме может быть заключен, в том числе, путем обмена документами посредством электронной связи, позволяющей достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору. В свою очередь, п. 2 ст. 160 говорит о том, что использование электронной подписи (которая, как предполагается, и будет основанием для достоверного установления стороны по договору) допускается в случаях, установленных законом или соглашением сторон. В отсутствие согла-

5 Ibid. P. 82.

6 Ibid. P. 96.

7 См.: *Smythe v. Thomas* (2007) 71 NSWLR 537 // LexisNexis Academic Database (16.05.2014).

шения сторон в «обычной» письменной форме, в силу положений Федерального закона от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи», признаваться равной собственноручной будет только усиленная квалифицированная электронная подпись (т.е. электронная цифровая подпись, в соответствии с ранее принятой терминологией), а другие виды, в том числе простая электронная подпись,⁸ с помощью которой реально заключается подавляющее большинство сделок в сети Интернет с участием частных лиц (речь идет о принятии пользовательских соглашений, бытовых сделках между обычными пользователями т.п.), в данном случае как бы не считаются, не являются достоверным доказательством того, что документ исходит от стороны по договору. Более того, общие положения гражданского законодательства (конкретно — п. 1 ст. 15 ГК РФ) говорят о том, что физические лица, например, приобретают гражданские права и обязанности под своим именем, включающим собственно имя, отчество (если иное не следует из национального обычая) и фамилию,⁹ а это — редкий и нетипичный случай для современного «анонимного» Интернета.

Но в то же самое время письменная форма договора считается соблюденной в том случае, если письменное предложение заключить договор принято в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 438 ГК РФ (об этом говорит п. 3 ст. 434 ГК РФ). В свою очередь, п. 3 ст. 438 ГК РФ указывает, что совершение лицом, получившим оферту, в срок, установленный для ее акцепта, действий по выполнению указанных в ней условий договора (отгрузка товаров, предоставление услуг, выполнение работ, уплата соответствующей суммы и т.п.) считается акцептом, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или не указано в оферте. Т.е. если пользователь, например, каким бы «анонимным» в Интернете он ни был, начнет

использовать программный продукт или интернет-сервис, можно с уверенностью утверждать, что имел место факт акцепта оферты, изложенной, например, в пользовательском соглашении, сопровождающем данный продукт или сервис.

Исходя из всего вышеизложенного, можно смело заключить, что механизм конклюдентных действий позволяет обойти проблему идентификации участников «анонимного» взаимодействия в сети Интернет как в правовых системах, относящихся к романо-германской правовой семье, так и в правовых системах, относящихся к англо-американской правовой семье. С другой стороны, сложно утверждать, что этот механизм является решением проблемы по существу.

Любопытно, что в Австралии проблема определения юрисдикции нашла свое отражение не в спорах относительно авторских прав на произведения и тому подобных, а в спорах относительно товарных знаков, хотя следует отметить, что и данная область также относится к сфере интеллектуальных прав.

Акт о товарных знаках 1995 года не предусматривает эксплицитное раскрытие данной проблемы правового регулирования отношений в сети Интернет. По мнению практикующих юристов, наиболее правильным будет толковать его таким образом, что он распространяется только на нарушения, совершенные в Австралии. Но что считать нарушением, совершенным в Австралии? И как раз здесь и всплывает проблема определения юрисдикции, раскрываемая через призму определения «места» совершения того или иного юридически значимого действия в том случае, если это действие совершается в сети Интернет.

С одной стороны, охрана товарных знаков в соответствии с общепринятой мировой практикой имеет исключительно территориаль-

8 Исходя из положений п. 2 ст. 5 Федерального закона «Об электронной подписи», к числу таких подписей можно отнести любую защищенную паролем учетную запись пользователя.

9 В соответствии с той же нормой и ее системной интерпретацией псевдоним применяется только в случаях опубликования произведений в смысле авторского права.

ную природу — товарные знаки охраняются в какой-либо юрисдикции в том случае, если они именно там и зарегистрированы. Таким образом, для защиты товарных знаков в нескольких странах требуется зарегистрировать товарный знак в каждой из них. С другой стороны, очевидно, что для того, чтобы интернет-сайт, который содержит товарный знак, зарегистрированный в Австралии, подпадал под действие Акта о товарных знаках, вовсе не обязательно владелец этого сайта должен находиться в самой Австралии — необходимо, чтобы деятельность, осуществляемая посредством этого интернет-сайта, была достаточно определенно направлена на Австралию или австралийских потребителей.

Ключевым судебным решением, в котором рассматривался данный вопрос, было решение по делу *Ward Group Pty. Ltd. v. Brodie & Stone Plc.*¹⁰ В данном решении содержится суждение, согласно которому иностранный интернет-сайт, который использует товарный знак, зарегистрированный в Австралии на имя другого лица, чтобы подпадать под действие австралийского законодательства, должен быть нацелен на австралийских потребителей, или продажи, осуществляемые посредством этого сайта, должны быть сделаны в адрес австралийцев. Соответственно просто предложение, адресованное как бы всему миру без конкретного указания на Австралию, не будет рассматриваться как достаточное основание для того, чтобы признавать распространение действия австралийского законодательства на данный акт.

С другой стороны, в рассматриваемом деле не было достигнуто определенности относительно того, когда с уверенностью можно считать, что зарубежный интернет-сайт прямо направлен на потребителей в Австралии. В то же время понятно, что австралийские суды, будучи судами общего права, скорее всего,

будут использовать ключевые решения США и Великобритании по данному вопросу для определения комплекса факторов, позволяющих установить необходимые обстоятельства дела. К числу таких факторов может относиться активный маркетинг и реклама непосредственно в Австралии, доля австралийских покупателей в общем числе покупателей, пользующихся соответствующим сайтом, возможность совершать оплату в австралийских долларах и осуществлять доставку в Австралию, наличие бесплатного телефонного номера, предназначенного для резидентов Австралии, и т.п.

Таким образом, можно заключить, что по вопросу юрисдикции в Австралии используется «тест минимума контактов» и в очередной раз отметить, что данная модель разрешения сквозной проблемы определения юрисдикции в сети Интернет свойственна системам общего права, тогда как романо-германским правовым системам в большей степени присущ «тест доступа».

Несмотря на то, что нормативных правовых актов или прецедентов, прямо подчеркивающих проблему гиперссылок, в австралийской правовой системе не выявлено, можно предположить, что эта проблема найдет конкретное отражение в последующих актах. На сегодняшний день данная проблема получила косвенное отражение при решении частного случая ответственности информационных посредников в деле, связанном с недобросовестной рекламой. Так, например, в деле *ACCC v. Google*¹¹ известная интернет-корпорация была признана ответственной за коммерческое размещение недостоверной рекламной ссылки своего партнера.

Для современной Австралии проблема информационных посредников представляет собой, прежде всего, следствие такого фактора, определяющего значение сети Интернет, как скорость и простота операций с информацией. Уже давно в Австралии, подобно дру-

10 *Ward Group Pty. Ltd. v. Brodie & Stone Plc* (2005) 143 FCR 479 // LexisNexis Academic Database (16.05.2014).

11 *Australian Competition and Consumer Commission v. Google Inc.* [2012] FCAFC 49 // LexisNexis Academic Database (16.05.2014).

гим странам мира, идет спор о том, в какой именно пропорции должна быть распределена ответственность между информационными посредниками и пользователями в спорах о нарушении интеллектуальных прав правообладателей. Сами правообладатели утверждают, что интернет-провайдеры должны принять обязательный отраслевой кодекс (здесь следует вспомнить роль отраслевых кодексов в системе источников интернет-права в Австралии), в котором будет предусмотрена обязанность выявлять систематических нарушителей авторского права. В свою очередь интернет-провайдеры сопротивляются такой инициативе, указывая на то, что таким образом, фактически, расходы на защиту прав правообладателей возлагаются ими на третьих лиц (интернет-провайдеров), не имеющих никакого отношения к соответствующим объектам интеллектуальной собственности.

Ключевым делом (обратите внимание, что правовая система Австралии относится к числу систем общего права), в котором к текущему моменту был рассмотрен данный вопрос, является дело *Roadshow v. iiNet*.¹² Ряд австралийских и американский теле- и киностудий подал иск в отношении австралийского интернет-провайдера iiNet в связи с тем, что данный провайдер предоставлял пользователям доступ к пиринговой файлообменной сети, к которой обращались нелегальные копии соответствующих фильмов и телепрограмм.

В соответствии с Актом об авторском праве 1968 года сообщение, за исключением вещания, считается совершенным тем лицом, которое ответственно за определение содержания сообщения (секция 22(6)). В соответствии с интерпретацией данного положения, примененной в деле, iiNet не могло нести «первичной» (“primary”) ответственности за действие пользователей сети. В то же время в апелляции было отмечено, что информационный посредник должен нести «вторичную» (“secondary”) ответственность за нарушение. В определенной

степени можно провести параллель с солидарной гражданско-правовой ответственностью. И Высокий Суд Австралии в итоге установил, что информационный посредник не может нести ответственность, а его поведение, соответствующее, является разумным, при одновременном соблюдении следующих условий:

1. У информационного посредника отсутствует техническая возможность препятствовать использованию пиринговой файлообменной сети своими пользователями, изменить функционал этой сети или исключить из нее обращение отдельных фильмов;

2. Возможности информационного посредника сводятся исключительно к предотвращению первоначальных нарушений посредством прекращения договорных отношений с пользователями;

3. В случае получения уведомления о нарушении от правообладателя, информационный посредник мог принять меры только посредством расторжения договора с пользователем, что, в свою очередь, с необходимостью повлекло бы ответственность информационного посредника перед пользователем за нарушение информационных обязательств.

Таким образом, рассмотренное дело содержит сформулированные на уровне австралийской судебной практики правила определения ответственности информационных посредников. Это аналог положений о «безопасной гавани» американского ДМСА. При этом процедура предварительного уведомления информационного посредника о том, что посредством его услуг пользователи распространяют незаконный контент, вытекает непосредственно из Акта об авторских правах.

Исходя из общего контекста правового регулирования отношений в сети Интернет в Австралии, можно заключить, что принятая модель регулирования носит скорее смешанный характер с приоритетом модели уровней интернет-архитектуры. Это выражается, в частности, на уровне контента: контент регулиру-

12 См.: *Roadshow Films Pty. Ltd. v. iiNet Ltd.* [2012] HCA 16 // LexisNexis Academic Database (16.05.2014).

ется отдельно (см. раздел о позитивном праве далее) и случаи блокировки целых ресурсов, и тем более целых IP-адресов по причине какого-либо одного элемента контента в Австралии практически неизвестны.

С другой стороны, элемент инфраструктурной модели в смешанной модели правового регулирования отношений в сети Интернет в Австралии выражается в том, что отдельные инфраструктурные элементы, прежде всего, доменные имена (а это системообразующий элемент сетевой инфраструктуры) подлежат регулированию как отдельные объекты.

Так, в Австралии регистрация доменного имени понимается как лицензия (право) на использование конкретного интернет-адреса. Таким образом, сама по себе регистрация доменного имени не предполагает правоустанавливающего значения для имени как такового, например, как товарного знака, — исключительных прав на доменное имя у зарегистрировавшего его лица не возникает. При этом, хотя и нельзя зарегистрировать несколько одинаковых доменных имен в одной зоне, можно зарегистрировать несколько одинаковых доменных имен в разных зонах (например, в общем домене верхнего уровня и в национальном домене верхнего уровня).

В то же время устанавливаются ограничения на регистрацию отдельных коммерческих доменных имен конкретно в австралийской доменной зоне (".com.au"). Так, доменное имя в данной зоне должно полностью соответствовать полному фирменному наименованию, коммерческому обозначению или товарному знаку, либо его аббревиатуре, либо иным образом непосредственно быть с ним связанным.¹³

Также любопытно отметить, что австралийское законодательство содержит специальный Акт о спаме 2003 года, хотя спам (устоявшийся термин, обозначающий нежелательные электронные сообщения) вряд ли можно считать

именно элементом сетевой инфраструктуры, скорее — неизбежным негативным следствием всех факторов, определяющих значение сети Интернет. Примечательно, что данный акт также косвенно содержит правило определения юрисдикции в сети Интернет, но конкретно для целей данного закона данные правила преимущественно используют «тест доступа» с некоторыми модификациями. Так, требования об ограничении спама применяются в одном из следующих случаев: сообщение происходит из Австралии, отправитель находится в Австралии, сообщение принимается компьютером в Австралии, сообщение принимается получателем, физически находящимся в Австралии. По общему правилу, спам запрещается в том случае, если отсутствует согласие конкретного получателя на получение данного электронного сообщения.

В остальном, несмотря на то, что практически все инфраструктурные элементы сети Интернет, имеющие значение для юридической стороны отношений, имеют либо легальные определения, либо определения, содержащиеся в отраслевых стандартах, регулирование правовых отношений в сети Интернет в Австралии строится преимущественно на модели уровней интернет-архитектуры.

Можно заключить, что Австралия выступает против сохранения "Status Quo" за ICANN. Как уже было отмечено ранее, в 2015 году истекает государственный контракт Правительства США с ICANN, и Министерство торговли США, которое выступает в качестве стороны данного контракта с 1998 года, объявило о готовности передать полномочия по администрированию корневой зоны Интернета непосредственно ICANN таким образом, чтобы данная организация осуществляла указанные полномочия самостоятельно, с опорой на полифоничный состав представителей различных государств и территорий.¹⁴

13 Ibid. P. 86.

14 Shaun N. US govt: You, ICANN. YOU can run the internet. We quit // The Register, URL: http://m.theregister.co.uk/2014/03/15/us_to_hand_dns_stewardship_over_to_icann/ (16.05.2014).

В связи с этим Малколм Тернбулл, министр телекоммуникаций Австралии, выразил поддержку позиции Министерства торговли США, отметив, что это «знаменательный день в истории Интернета», добавив, что роль США в данном вопросе «вызывала все больше и больше противоречий, а в некоторых случаях и неприязнь», поскольку заинтересованные лица задавались вопросом о том, «как Интернет может принадлежать всему миру, тогда как само его сердце администрируется в соответствии с контрактом, заключенным с Правительством США».¹⁵

В то же самое время, М. Тернбулл выразил сомнения в том, что «ICANN в настоящее время действительно репрезентативна и обладает достаточным кредитом доверия для администрирования корневой зоны DNS, распределения доменных имен верхнего уровня и национальных доменов верхнего уровня».¹⁶ При этом он отметил, что Австралия готова выразить поддержку данной модели, при условии, что данная модель будет действительно ориентирована на горизонтальное сотрудничество заинтересованных лиц в целях обеспечения свободы, стабильности и устойчивости Интернета как серьезной платформы для распространения свободы в мире.¹⁷

Таким образом, можно заключить, что Австралия по вопросу институциональных моделей Интернета придерживается альтернативного подхода. Вместе с тем данное государство, как, по крайней мере, следует из официальных и общедоступных источников, на данный момент не выражает каких-либо намерений по «локализации» Интернета, известных иным государствам.

В рассмотренном ранее выступлении М. Тернбулл подчеркнул, что заменяющий режим администрирования Интернета будет легитим-

ным в том случае, если он получит «широкую поддержку среди различных слоев интернет-сообщества, и при этом будет поддерживать и улучшать модель, основанную на участии всех заинтересованных сторон и, в частности, не будет заменять Правительство США каким-либо другим правительством или межправительственной организацией, такой как Международный союз по электросвязи или ООН».¹⁸

Таким образом, вариант регулирования, предлагаемый австралийским правительством, представляет собой альтернативу как сохранению status quo, что предполагает сохранение роли Правительства США в определении стратегии администрирования сети Интернет через ICANN, так и передаче прав на наднациональный, но, тем не менее, по-прежнему правительственный уровень. Можно предположить, что Австралия предлагает перевести администрирование сети Интернет на модель максимально возможного и допустимого саморегулирования.

Позитивное право является основным источником норм, регулирующих отношения в сети Интернет в Австралии, хотя они и органично дополняются нормами сообщества в виде отраслевых стандартов, а также прецедентами. Ключевым актом позитивного права, регулирующим общие вопросы оборота информации в сети Интернет, является Акт об оказании услуг вещания 1992 года, а центральным публично-правовым вопросом в данном случае является регулирование контента.

Приложения 5 и 7 Акта об оказании услуг вещания определяют нормативную основу для регулирования контента. Устанавливается заявительная система национального регулирования (в том смысле, что механизм контро-

15 Sharwood S. Australia doubts ICANN is ready to run the internet // The Register, URL: http://www.theregister.co.uk/2014/03/16/australia_doubts_icann_is_ready_to_run_the_internet/ (16.05.2014).

16 Ibid.

17 Ibid.

18 Sharwood S. Australia doubts ICANN is ready to run the internet // The Register, URL: http://www.theregister.co.uk/2014/03/16/australia_doubts_icann_is_ready_to_run_the_internet/ (16.05.2014).

ля и ограничения контента «запускается» при получении индивидуального заявления — это тот юридический факт, который служит основанием для возникновения правоотношений в данном случае). Основными участниками данных правоотношений являются лица, имеющие ключевое значение для интернет-инфраструктуры, — это интернет-провайдеры, хостинг-провайдеры и контент-провайдеры. Строго говоря, последние две категории на уровне законодательного текста объединены в одну и именуется «провайдеры услуг в области контента и хостинга» (“content and hosting service providers”).

Акт об оказании услуг вещания устанавливает, что интернет-контент должен быть классифицирован Австралийским советом по классификации по той же системе, которая используется в отношении фильмов и компьютерных игр в соответствии с Актом о классификации публикаций, фильмов и компьютерных игр 1995 года и дополняющим данный акт документом под названием «Кодекс и правила по классификации».

Любопытно, что Акт об оказании услуг вещания проводит разграничение между случаями, когда контент размещается на сайте, хостинг которого обеспечивается в Австралии и за пределами Австралии (Приложения 5 и 7 Акта соответственно). При этом контент прямо подразделяется по форме подачи, которая может влиять на природу рисков, связанных с ним. Так, в отдельную категорию выделяются прямые интернет-трансляции (“livestream services”), функция которых аналогична телевизионному прямому эфиру.

Как и в случае с Российской Федерацией, австралийское законодательство, по сути, предусматривает категорию «информации, распространение которой запрещено», а именно «запрещенный контент» (“prohibited content”). При этом, однако, есть и промежуточная (между запрещенным и разрешенным контен-

том) категория — это контент ограниченного доступа, подлежащий включению в «системы ограничения доступа» (RAS, restricted access systems). К таким категориям относится контент, маркированный “MA15+” и “R18+”.

Формулировки общих критериев отнесения информационных объектов к данным категориям носят открытый и оценочный характер, по крайней мере, если рассматривать их через призму правосознания, присущего романо-германской правовой системе. Так, например, категория “MA15+” (раскрывается как «в сопровождении взрослого», т.е. “mature accompanied”) предполагает контент, содержащий «сильные впечатления», связанные, как правило, со сценами секса или использования наркотиков. В свою очередь, категория “R18+” предполагает контент, который предназначен исключительно для взрослых. Он может подразумевать как более серьезные сцены из числа указанных выше, так и оскорбительное для определенных категорий населения содержание.¹⁹ К числу специальных категорий относятся “X18+” (законная порнографическая продукция, подлежащая распространению только в специальных местах и (или) сетях) и “RC” («отказ в классификации», “refused classification”), это контент, который в принципе нельзя распространять никаким образом, — «запрещенная информация» в чистом виде).

Стоит обратить внимание на то, как именно «промежуточный» по степени чувствительности контент, т.е. маркированный “MA15+” и “R18+”, должен включаться систему ограничения доступа (RAS). Если речь идет о контенте категории “MA15+”, то требуется соблюдение, как минимум, следующих условий:

1. Обязательное требование, обращенное к пользователю, дать согласие на получение контента и декларировать, что пользователю больше 15 лет;
2. Допускать к контенту только тех пользователей, которые прошли процедуру доступа;

19 Guidelines. Classification Categories // Australian Classification, URL: <http://www.classification.gov.au/Guidelines/Pages/Guidelines.aspx> (16.05.2014).

3. Разместить предупреждение о природе контента и информацию для родителей и (или) законных представителей относительно того, как можно ограничить контент для детей до 15 лет;

4. Иметь качественные меры (технические — Р.А.) для того, чтобы обеспечить удаление доступа к контенту тех лиц, которые получили его без оснований.

Контент категории “R18+”, в дополнение к указанным требованиям, должен также:

5. Требовать у пользователя предоставить подтверждение того, что пользователю исполнилось, как минимум, 18 лет;

6. Включать анализ рисков, связанных с достоверностью подтверждения указанного возраста;

7. В течение двух лет хранить данные, связанные с верификацией возраста.

Следует отметить, что аспект контроля за контентом, в действительности, выходит за узкие рамки института локального ограничения оборота информации и представляет собой своеобразную основу информационного права в современном обществе, прежде всего, в приложении к отношениям в сети Интернет, поскольку на данном уровне приближения именно информация как таковая (а не ее отдельные аспекты в виде произведений, т.е. информации, рассмотренной через призму авторского права, и т.п.) является предметом правового регулирования.

Австралийское законодательство о регулировании отношений в сети Интернет в явной форме поддерживает нормы сообщества и интегрирует их в общую регулятивную систему. Как уже было отмечено, Австралийское агентство массовой информации и коммуникаций, в том числе, осуществляет ряд полномочий, связанных с координацией саморегулирования отношений в сети Интернет.

Так, на Агентство возложены обязанности по регистрации отраслевых стандартов (кодексов

профессиональной этики). Данные стандарты (кодексы) могут быть зарегистрированы при соблюдении следующих условий:

1. Орган или организация, которые разрабатывают кодекс, представляют определенный сектор интернет-индустрии;

2. Кодекс приемлемым образом регулирует вопросы, имеющие отношение к интернет-сообществу;

3. Разработке кодекса предшествовало публичное обсуждение;

4. Кодекс соответствует основному законодательному акту в данной области — BSA.

С одной стороны, соблюдение требований таких профессиональных кодексов является добровольным. С другой стороны, Агентство может придать требованиям кодексов обязательную силу посредством вынесения предписания какому-либо участнику рынка действовать в соответствии с кодексом.

В качестве примера отраслевого стандарта можно привести положение п. 5.1 действующей на момент написания настоящей работы 6-й версии Кодекса практики интернет-отрасли, в соответствии с которым «интернет-провайдеры должны принимать разумные меры для того, чтобы обеспечить, что учетные записи доступа в Интернет не предоставляются лицам, не достигшим 18 лет, в отсутствие согласия родителя, педагога или иного ответственного лица». При этом данный Кодекс содержит примеры таких разумных мер. В частности, подобные ограничения могут включать в себя предложение установить один из программных продуктов, прямо определенных в Приложении 1 к Кодексу (данные продукты включают в себя, например, программу, обеспечивающую возможность «родительского контроля», а также иные программы, преимущественно содержащие функции фильтрации, которые, как предполагается, будут использовать родители и иные ответственные лица)²⁰.

20 Item 5.1 of the Internet Industry Code of Practice Version 6 // Internet Industry Association, URL: <http://iaa.net.au/codes-of-practice/internet-industry-code-practice-version-6.html#5> (16.05.2014).

На момент написания настоящей работы каких-либо исключительно репрезентативных примеров использования рыночных механизмов регулирования отношений в сети Интернет, имеющих значение для предмета исследования, относящегося к юридическим наукам, выявлено не было. Безусловно, этот элемент присутствует в каждой системе регулирования отношений в сети Интернет, однако представляется, что примеры, которые могут быть получены из австралийской практики, уступают по степени значимости рассмотренным ранее и не добавляют принципиальной новизны элементам настоящего исследования.

Достаточно сложно также выделить специальные элементы архитектурно-ориенти-

рованного регулирования отношений в сети Интернет в Австралии, вместе с тем нельзя не отметить, что архитектурный подход ярко выражен в рассмотренных ранее отраслевых стандартах, требующих введения, в частности, механизмов идентификации пользователей в отношении ограниченного к распространению контента. В том случае, если интернет-провайдер внедряет технологические средства и процессы, позволяющие ограничить доступ несовершеннолетних или малолетних пользователей к интернет-контенту, можно говорить о косвенном архитектурном воздействии на отношения, в отличие от прямого нормативного регулирования на уровне нормативных правовых актов или прецедентов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кад А., Данг К., Австралия//Интернет: Законы и Регулирующие Режимы. Выпуск 2. Juris Publishing, Inc Нью-Йорк, 2013.
2. Смит в. Томас (2007) 71 NSWLR 537 // LexisNexis Академическая База данных (16.05.2014).
3. Имущество Ward Group. Ltd. v. Brodie & Stone Plc (2005) 143 FCR 479//LexisNexis Академическая База данных (16.05.2014).
4. Австралийская Комиссия Соревнования и Потребителя v. Google Inc. [2012] FCAFC 49//LexisNexis Академическая База данных (16.05.2014).
5. Имущество Roadshow Films. Ltd. v iiNet Ltd. [2012] HCA 16//LexisNexis Академическая База данных (16.05.2014).
6. Шон Н. УС губернатор: Вы, ICANN. Вы можете управлять Интернетом. Мы уходим//Регистр, URL: http://m.theregister.co.uk/2014/03/15/us_to_hand_dns_stewardship_over_to_icann/ (16.05.2014).
7. Шарвуд С. Острэлия сомневается, что ICANN готов управлять Интернетом//Регистр, URL: http://www.theregister.co.uk/2014/03/16/australia_doubts_icann_is_ready_to_run_the_internet/ (16.05.2014).
8. Рекомендации. Категории классификации//австралийская Классификация, URL: <http://www.classification.gov.au/Guidelines/Pages/Guidelines.aspx> (16.05.2014).
9. Пункт 5.1 из интернет-Промышленной Версии 6 Свода правил//интернет-Отраслевая ассоциация, URL: <http://iia.net.au/codes-of-practice/internet-industry-code-practice-version-6.html#5> (16.05.2014).

BIBLIOGRAFIA

1. Cade A., Dang K., Australia // The Internet: Laws and Regulatory Regimes. Release 2. Juris Publishing, Inc. New York, 2013.
2. Smythe v. Thomas (2007) 71 NSWLR 537 // LexisNexis Academic Database (16.05.2014).
3. Ward Group Pty. Ltd. v. Brodie & Stone Plc (2005) 143 FCR 479 // LexisNexis Academic Database (16.05.2014).
4. Australian Competition and Consumer Commission v. Google Inc. [2012] FCAFC 49 // LexisNexis Academic Database (16.05.2014).
5. Roadshow Films Pty. Ltd. v. iiNet Ltd. [2012] HCA 16 // LexisNexis Academic Database (16.05.2014).
6. Shaun N. US gov: You, ICANN. YOU can run the internet. We quit // The Register, URL: http://m.theregister.co.uk/2014/03/15/us_to_hand_dns_stewardship_over_to_icann/ (16.05.2014).
7. Sharwood S. Australia doubts ICANN is ready to run the internet // The Register, URL: http://www.theregister.co.uk/2014/03/16/australia_doubts_icann_is_ready_to_run_the_internet/ (16.05.2014).
8. Guidelines. Classification Categories // Australian Classification, URL: <http://www.classification.gov.au/Guidelines/Pages/Guidelines.aspx> (16.05.2014).
9. Item 5.1 of the Internet Industry Code of Practice Version 6 // Internet Industry Association, URL: <http://iia.net.au/codes-of-practice/internet-industry-code-practice-version-6.html#5> (16.05.2014).

А.А. ГАЛУШКИН

Кибершпионаж: вопросы теории и практик

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье автор анализирует вопросы появления кибершпионажа, понятие термина «кибершпионаж», развитие кибершпионажа на современном этапе, отдельные теоретические и практические аспекты кибершпионажа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кибершпионаж, компьютерный шпионаж, Интернет-шпионаж, теория, практика.

ГАЛУШКИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Международного института информатизации и государственного управления им. П.А. Столыпина, доцент международного уровня Российского университета дружбы народов, старший научный сотрудник Московского городского психолого-педагогического университета (alexander.galushkin@yandex.ru).

A.A. GALUSHKIN

Cyber Espionage: Questions of Theory and Practice

ANNOTATION. In the present article author analyze questions of cyberespionage emergence, meaning of the term cyberespionage, development of cyberespionage at the present stage, some other theoretical and practical aspects of cyberespionage.

KEYWORDS: cyber espionage, computer espionage, Internet espionage, theory, practice.

GALUSHKIN ALEXANDER A. – candidate of jurisprudence, the associate professor, the chief researcher of the International institute of informatization and public administration of P. A. Stolypin, the associate professor of the international level of the Russian university of friendship of the people, the senior research associate of the Moscow city psychology and pedagogical university (alexander.galushkin@yandex.ru).

С развитием информационных технологий, в особенности информационных телекоммуникационных технологий и созданием полноценно функционирующей глобальной информационной телекоммуникационной сети Интернет, активным распространением и популяризацией портативных устройств в России и за рубежом появилось явление компьютерного шпионажа – кибершпионажа.

По своей природе кибершпионаж – это «новые методы шпионажа»¹, «шпионаж с помо-

щью коммуникационных сетей и кибернетических методов»². По определению Оксфордского словаря, кибершпионаж – это «использование компьютерных сетей, в целях получения незаконного доступа к конфиденциальной информации, как правило, хранящейся правительством или другой организацией»³. По мнению Блиц Дж., представленному в международной деловой газете «Financial Times», кибершпионаж – это «кража тайн, хранящихся в цифровых форматах или на компьютерах и сетях IT»⁴.

-
- 1 Бейсли-Уокер Б., Боммелаер К., Васильев В.Л., Вебер Р., Куммер М., Орлов В.А., Пондер Я., Рид У., Якушев М.В. Международная информационная безопасность и глобальное управление интернетом: взгляд из Женевы глазами российских и международных экспертов // Индекс безопасности. 2013. № 1 (104). С. 185-206.
 - 2 Кибершпионаж и его бессмысленность. И смысл... // Информационное Агентство Stop-News, 2014. URL: <http://stop-news.com/2379-kibershponazh-i-ego-bessmyslennost-i-smysl.html> (Дата обращения – 21 сентября 2014 г.)
 - 3 Oxford Dictionaries, Oxford University Press, 2014. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/cyberespionage> (Дата обращения – 21 сентября 2014 г.), (Перевод Галушкина А.А.).
 - 4 Blitz J. Definition of cyber espionage // Financial Times, 2014. URL: <http://lexicon.ft.com/Term?term=cyber-espionage> (Дата обращения – 21 сентября 2014 г.), (Перевод Галушкина А.А.)

В отличие от традиционного шпионажа, кибершпионаж является еще пока достаточно новым и не в полной мере изученным явлением. Хотя кибершпионаж и является в некоторой мере особым видом шпионажа, обладает целым рядом особенностей. Одной из основных особенностей можно считать отсутствие необходимости наличия разветвленных сетей резидентуры и агентуры в различных государствах. Кибершпионаж, в отличие от традиционных форм шпионажа, обычно осуществляется дистанционно из удаленной точки.

В 2013-2014 годах прогремел целый ряд скандалов, связанных с прослушиванием и снятием информации с мобильных телефонов, портативных компьютеров и электронной почты ряда высокопоставленных политиков многих государств мира.

«В начале июня 2013 года в США разразился скандал, связанный с разоблачениями бывшего сотрудника ЦРУ Эдварда Сноудена. Первые документы, переданные Сноуденом газетам "Вашингтон пост" и "Гардиан", были опубликованы 6 июня. Это была информация о слежке правительственных организаций США за пользователями в Интернете. Согласно обнародованным данным, Агентство национальной безопасности (АНБ) и Федеральное бюро расследований (ФБР) в течение нескольких лет собирают данные обо всех звонках пользователей таких крупных коммуникационных компаний США, как "Верайзон", "Эй-ти-энд-ти" и "Спирит нектел", а также имеют доступ к серверам компаний "Майкрософт", "Яху", "Гугл", "Фейсбук", "Скайп", "Ютьюб", "Палтолк", "Эй-оу-эл", "Эплл". По данным СМИ, в рамках сверхсекретной программы под кодовым названием ПРИЗМ (PRISM) спецслужбы собирают аудио- и виде-

офайлы, фотографии, электронную переписку, документы и данные о подключениях пользователей к тем или иным сайтам»⁵.

Многие посчитали данные высказывания политическими и необоснованными, однако уже 25 декабря 2013 года газета The Guardian со ссылкой на экс-сотрудника Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов Америки (ЦРУ США) Эдварда Сноудена сообщила, что Агентство национальной безопасности Соединенных Штатов Америки (АНБ США) отслеживало телефонные звонки как минимум 200 высокопоставленных государственных и общественных деятелей, в том числе 35 мировых лидеров⁶.

Развевая мнения скептиков о том, что подобное просто невозможно, 03 июня 2014 года Генеральный прокурор при Верховном суде Германии Харальд Ранге «все же возбудил уголовное дело в связи с прослушкой мобильного телефона канцлера Германии Ангелы Меркель американскими спецслужбами, сообщает немецкое издание Sueddeutsche Zeitung. Материалы уголовного дела получили статус официального расследования. В первую очередь планируется допросить свидетелей и послать запросы официальным лицам»⁷.

04 июля 2014 года Генеральный прокурор при Верховном суде Германии Харальд Ранге на заседании юридического комитета Бундестага Германии заявил, что «существуют достаточно фактических данных о том, что неизвестные мне сотрудники разведывательных служб США вели прослушивание телефона канцлера Ангелы Меркель». При этом, по словам Ранге, он решил не открывать расследование по поводу утверждений о более широкомасштабных операциях АНБ против германских граждан⁸.

5 Разоблачения Эдварда Сноудена // ИТАР-ТАСС, 2014. URL: <http://itar-tass.com/spravocnaya-informaciya/695264> (Дата обращения – 21 сентября 2014 г.)

6 СМИ: АНБ США отслеживало звонки 35 мировых лидеров // ИТАР-ТАСС, 2014. URL: <http://itar-tass.com/glavnie-povosti/695511> (Дата обращения – 21 сентября 2014 г.)

7 Дружественный шпионаж расследуют символически. Прокуратура Германии все-таки возбудила дело по факту прослушки канцлера Меркель спецслужбами США // Compromat.Ru, 2014. URL: http://www.compromat.ru/page_34651.htm (Дата обращения – 21 сентября 2014 г.)

8 Германия расследует дело о прослушке Меркель // BBC, 2014. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/06/140604_merkel_phone_probe.shtml (Дата обращения – 21 сентября 2014 г.)

Примерно в то же время в различных средствах массовой информации появилась информация о том, что прослушиваются мобильные телефоны, считывается информация с мобильных телефонов, электронных почт и ряда других информационных ресурсов некоторых политических деятелей и других граждан Австралии, Афганистана, Бразилии, государств Европейского Союза, Ирака, Ирана, Мексики, Пакистана, Саудовской Аравии и др.

С другой стороны, примерно в то же время появилась информация, о том, что, к примеру, «израильские спецслужбы в прошлом году прослушивали телефон госсекретаря США Джона Керри, передает со ссылкой на несколько источников в разведсообществе немецкий журнал *Der Spiegel*. ... В материале немецкого издания подчеркивается, что одновременно с израильскими спецслужбами переговоры госсекретаря прослушивала еще как минимум одна разведка. Ни Госдепартамент США, ни израильские власти комментировать полученные *Der Spiegel* данные не пожелали»⁹.

11 июля 2014 года Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин в своем интервью ИТАР-ТАСС назвал «кибершпионаж лицемерием в отношении партнеров, а также посягательством на государственный суверенитет и нарушением прав человека. Глава государства заявил о готовности РФ вместе с другими странами начать разработку системы международной информационной безопасности»¹⁰.

Данное заявление подчеркивает, насколько актуальной стала данная проблема. В различных средствах массовой информации представлено также и множество «данных», свидетельствующих о фактах кибершпионажа известными или неизвестными лицами в отношении корпораций, международных и межправительственных организаций, правозащитников и общественных деятелей. По некоторым из них возбуждены уголовные дела по законодательству стран их

местонахождения, однако по данным автора в основном подобные преступления не только остаются нераскрытыми, но и подчас дела не возбуждаются.

Еще несколько десятилетий назад техническая возможность прослушивания разговоров по телефону предполагала контроль канала связи, прослушивание помещения установкой специальных устройств, а слежка – физическим контролем интересующего лица.

За последние несколько десятилетий информационные технологии прочно вошли в повседневную жизнь практически каждого человека и работу большинства юридических лиц. При этом следует отметить, что активное развитие информационных технологий в последние годы связано не только с разработкой нового оборудования, а с созданием более совершенного, функционального и удобного в использовании программного обеспечения.

Компьютерная техника достаточно быстро стала не только персональной, но и настолько компактной, что ее стало возможным носить с собой без особых затруднений. Более того, большая часть населения не может обойтись без мобильных телефонов, смартфонов, планшетов и прочих устройств. Это относится как к школьникам и студентам, а также работающему населению и пенсионерам. Не являются исключением и политики, в том числе и высокопоставленные.

В некоторых странах существуют специальные системы государственной (правительственной) связи, однако практика показала, что значительная часть даже лидеров государств пользуются стандартными устройствами, находящимися в массовой продаже. Многие из указанных устройств подключены к глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

«Первые 12 лет XXI в. были отмечены революционными изменениями в результате невероятно быстрого развития информационных и телекоммуникационных технологий (ИКТ), и в

9 Израиль прослушивал госсекретаря США Джона Керри, сообщает немецкая пресса // NEWSru.com, 2014. URL: <http://www.newsru.com/world/04aug2014/kerrytapping.html> (Дата обращения – 21 сентября 2014 г.)

10 Шеметов М. Россия призывает разработать международную систему информационной безопасности, которая защитит лидеров от прослушки // ИТАР-ТАСС, URL: <http://itar-tass.com/politika/1310699> (Дата обращения – 11 июля 2014 г.)

первую очередь Интернета»¹¹. «Сегодня можно говорить, что Интернет охватывает все страны мира, так как с применением новых технологий (использование мобильных спутниковых устройств связи) возможно подключение к сети Интернет с любой точки земного шара. Если же говорить о развернутой инфраструктуре, то в таком контексте Интернет охватывает сегодня более 150 стран мира»¹².

Такое распространение информационных технологий, с одной стороны, служит великим благом, с другой стороны позволяет при наличии специализированного программного обеспечения успешно прослушивать разговоры с контролируемого мобильного устройства, снимать с него информацию о полученных и отправленных текстовых сообщениях и даже получать возможность записи информации с микрофона мобильного устройства, а также постоянно отслеживать местоположение устройства (а значит, и его владельца).

Особенно важным является то, что указанная информация может быть получена дистанционно как в режиме реального времени, так и в заранее определенное время. При этом, благодаря развитию информационных и телекоммуникационных технологий контролируемое устройство может находиться в одной стране, а получатель информации может находиться в другом государстве или даже континенте.

На сегодняшний день заниматься кибершпионажем могут позволить себе не только государства, но крупные корпорации, холдинги, а также частные разведывательные организации и группы лиц. У каждой из указанных групп лиц могут быть собственные мотивы. Одни могут руководствоваться политическими целями, другие религиозными, экономическими, социальными, научными и др.

В зависимости от поставленных целей выбираются способы наиболее эффективного получения информации, а также круг лиц, подлежащих негласному наблюдению. При этом под наблюдением могут быть не только политики, но и, к примеру, религиозные деятели, ученые, обладающие интересующей научно-технической информацией, ответственные сотрудники корпораций, физические лица, имеющие доступ к денежным ресурсам и/или финансовой информации.

В последние годы Интернет стал превращаться в особую сферу, «где сосредоточены и сеть обмена информацией, и структура, в рамках которой совершаются самые разные деловые отношения субъектов... Многие стороны социальной жизни приобретают в этом случае виртуальный характер, отношения реализуются в так называемом нулевом пространстве»¹³. «Информационные услуги пронизывают все сферы жизни общества»¹⁴.

По мнению автора целесообразно:

1) Активно привлекать органы государственной власти субъектов Российской Федерации к обеспечению национальной информационной безопасности Российской Федерации. Это касается и части создания и поддержания единых федеральных систем государственной информации и государственного учета информации, а также обеспечения единого способа ее применения, включая консолидацию информации, получаемой из различных источников государственной власти и субъектов Российской Федерации.

2) Создать специализированное подразделение по обеспечению национальной информационной безопасности Российской Федерации в структуре Следственного комитета Российской Федерации и Федеральной службы безопасности РФ.

11 Бейсли-Уокер Б., Боммелаер К., Васильев В.Л., Вебер Р., Куммер М., Орлов В.А., Пондер Я., Рид У., Якушев М.В. Международная информационная безопасность и глобальное управление интернетом: взгляд из Женевы глазами российских и международных экспертов // Индекс безопасности. 2013. № 1 (104). С. 185-206.

12 Чесноков Н.А. Правовые основы информационной безопасности в современных условиях // Правовая инициатива. 2013. № 4.

13 Бачило И.Л. Свободный доступ к информации и Интернет // Информационное общество. 2000. № 4. С. 42-44.

14 Бачило И.Л. О законодательстве в информационной сфере отношений // Информационное общество. 2001. № 4. С. 25-32.

3) Ввести специальный правовой режим национальной информационной безопасности Российской Федерации «Информационная угроза». В пределах территории, на которой присутствует информационная угроза, вводится специальный правовой режим, предусматривающий ограничение ряда конституционных прав и свобод человека и гражданина, в том числе: запрет на предоставление услуг связи и доступа в глобальную информационно-телекоммуникационную сеть Интернет и иные сети общего пользования; ведение контроля абонентов, находящихся на заданной территории; мониторинг всех попыток соединения и передачи информации, а также другие меры технического и оперативно-розыскного характера, физическое отсоединение Российского сегмента информационно-телекоммуникационной сети Интернет от глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бачило И.Л. О законодательстве в информационной сфере отношений // Информационное общество. 2001. № 4.
2. Бейсли-Уокер Б., Боммелаер К., Васильев В.Л., Вебер Р., Куммер М., Орлов В.А., Пондер Я., Рид У., Якушев М.В. Международная информационная безопасность и глобальное управление интернетом: взгляд из Женевы глазами российских и международных экспертов // Индекс безопасности. 2013. № 1 (104).
3. Чесноков Н.А. Правовые основы информационной безопасности в современных условиях // Правовая инициатива. 2013. № 4.

4) Организовать профессиональную переподготовку соответствующих кадров правоохранительных и иных государственных органов, экспертов, судей в целях обучения новым методикам, технологиям. Это может осуществляться по специализированным программам магистратуры или по программам дополнительного профессионального образования, в целях обеспечения качества указанных программ необходимо предусмотреть обязательное согласование рабочих учебных планов и учебно-методических комплексов с уполномоченным в сфере национальной или национальной информационной безопасности органом. На уровне бакалавриата целесообразно ввести в качестве дисциплины базового цикла дисциплину «Информационное право». О выпуске подготовленных лиц целесообразно сообщать в уполномоченный орган или заносить в специализированный реестр.

BIBLIOGRAPHY

1. Bachilo I.L. About the legislation in the information sphere of the relations // Information society. 2001. No. 4.
2. Beysli-Walker B., Bommelaye K., Vasilyev V. L., Weber R., Kummer M., Eagles of VA. Ponder Ya., Read At. Yakushev M. V. International information security and global management of the Internet: look from Geneva eyes of the Russian and international experts // Safety Index. 2013. No. 1 (104).
10. Chesnokov N.A. Legal bases of information security in modern conditions // Legal initiative. 2013. No. 4.

В. Ф. ДЖАФАРЛИ

Уголовно-правовая борьба с высокотехнологичными преступлениями в странах постсоветского пространства

АННОТАЦИЯ. Анализ аспектов уголовно-правовой борьбы в указанной сфере позволяет сделать вывод о наличии в странах постсоветского пространства значительного теоретического и практического опыта. Автор указывает на различные подходы к решению актуальных проблем, приводит примеры из практики. На основании этого автор делает вывод о необходимости использования зарубежного опыта с целью восполнения пробелов в российской правотворческой и правоприменительной практике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: страны постсоветского пространства, высокотехнологичные преступления, компьютерные преступления.

ДЖАФАРЛИ ВУГАР ФУАД ОГЛЫ – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин РААН (e-mail: nizami.66@mail.ru).

V.F. DZHAFARLI

Criminal Law fight of the countries of the former Soviet Union Against Hi-tech Crimes

ANNOTATION. The analysis of aspects of the criminal law fight in the specified sphere allows to draw a conclusion on existence of significant theoretical and practical experience in the countries of the former Soviet Union. The author specifies on various approaches to the solution of actual problems, gives examples from practice. On this ground the author came to the conclusion about need of use of foreign experience for the purpose of completion of the gaps in the Russian law-making and law-enforcement practice.

KEYWORDS: countries of the former Soviet Union, hi-tech crimes, computer crimes.

DZHAFARLI V.F. – candidate of jurisprudence, associate professor of Department of Criminal Law of RAAN (e-mail: nizami.66@mail.ru).

Анализ уголовного законодательства ряда стран СНГ в достаточной степени дает представление о системе юридических норм, регулирующих правоотношения в сфере высоких технологий, и, насколько возможно, позволяет оценить недостатки, восполнить имеющиеся пробелы в правотворческой и правоприменительной практике современной России.

Компьютерные преступления стали предметом научного исследования сравнительно недавно. Гносеологические аспекты природы и сущность

уголовно-правовой характеристики преступлений данного вида определяют и общие методологические подходы к разработке этой характеристики. В связи с этим представляется весьма важным формулирование понятия компьютерного преступления.

Ахраменка Н.Ф. под компьютерным преступлением понимает «совершение виновно-общественно-опасного противоправного деяния с использованием информационно-вычислительных систем либо с воздействием на них»¹.

¹ Ахраменка Н.Ф. Проблемы криминализации общественно-опасного поведения с использованием информационно-вычислительных систем: Автореферат дис. канд. юрид. наук. – Минск, 1996. С. 7.

Батурин Ю.М. считает, что компьютерных преступлений как особой группы преступлений в юридическом смысле не существует, отмечая, однако, тот факт, что многие традиционные виды преступлений модифицировались из-за вовлечения в них вычислительной техники, поэтому правильнее было бы говорить лишь о компьютерных аспектах правонарушений, не выделяя их в обособленную группу преступлений².

Причина отсутствия общепризнанного определения компьютерного преступления заключается в том, что, по мнению ряда ученых, существует множество трудностей при формулировании определения, которое, с одной стороны, было бы достаточно емким, а с другой — достаточно специальным. Применяется два понятия компьютерного преступления — в узком и широком смысле. В узком смысле — это совершение преступления, которое невозможно выполнить без использования компьютера или другого автоматического устройства, в широком — использование компьютера или автоматического устройства как объекта или инструмента преступления³.

Ряд ученых подвергают сомнению целесообразность использования термина «компьютерные преступления». Например, Крылов В.В. предлагает в качестве альтернативы более широкое понятие «информационные преступления», которое позволяет абстрагироваться от конкретных технических средств⁴.

По мнению автора, к числу компьютерных преступлений целесообразно отнести как преступления в сфере компьютерной информации, так и преступления, совершаемые с использованием компьютерных технологий.

Приступая к анализу уголовного законодательства, весьма важно установить предмет посягательства в компьютерных преступлениях. В уголовно-правовой литературе под предметом

преступления понимают конкретный предмет вещного мира, путем воздействия на который происходит преступное посягательство на объект преступления⁵ (другой вариант — материальные предметы, воздействуя на которые лицо посягает на те или иные общественные отношения⁶).

По мнению Савенка А.Л.⁷, использование термина «информация» предполагает возникновение материально-энергетического сигнала, воспринимаемого сенсорно или на приборном уровне. Анализируя его физическую природу, можно констатировать, что он отвечает всем требованиям, предъявляемым к предмету преступления в уголовно-правовом смысле. Следовательно, предметом преступления является также и информация в виде программных средств, обеспечивающих работу технических устройств, а также файлов данных. Компьютер является лишь одной из разновидностей оборудования, предназначенного для работы с информацией. Использование этого оборудования не может быть исчерпана совокупность общественных отношений, связанных с обращением информации. В уголовно-правовом смысле она может выступать как предмет преступного посягательства, так и инструмент криминальной деятельности. Данное обстоятельство существенно влияет на квалификацию того или иного деяния.

В первом случае действия виновного должны быть отнесены к категории информационных преступлений, во втором — к категории того вида преступных деяний, которые, собственно, и обозначены в уголовном законе (т. е. использование информации является средством совершения другого, более тяжкого, преступления). Если же электронная информация выступает предметом преступления, то в этом случае необходимо вести речь о преступлениях против информационной безопасности. Однако при использовании элек-

2 Батурин Ю.М. Проблемы компьютерного права. — М., 1991. С. 129.

3 Памфилова Е.И., Попов А.С. Компьютерные преступления. — СПб., 1998. С. 10–11.

4 Крылов В.В. Информационные компьютерные преступления. — М., 1997. С. 11.

5 Уголовное право: Слов. — справ. / Авт.-сост. д.ю.н. Лесниевски-Костароева Т.А. — М., 2000. С. 269.

6 Советское уголовное право / Под ред. Гришаева П.И., Здравомыслова Б.В.: Часть общая. — М., 1982. С. 100.

7 Савенок А.Л. Квалификация информационных преступлений // Управление защитой информации. 1999. — Т. 3, № 4. С. 474.

тронной компьютерной информации в качестве средства совершения другого преступления неизбежно страдают отношения по ее охране, т. е. она сама становится предметом общественно опасного деяния.

Автор солидарен с мнением ученых-правоведов, отмечающих, что все преступления, связанные с использованием информационных технологий, можно разделить на три группы⁸.

1. Преступления против информационной безопасности. Электронная информация выступает здесь предметом преступного посягательства (ст. ст. 272–274 УК РФ).

2. К данной группе относятся преступления, где электронная информация является орудием или средством совершения другого преступления. Эти составы имеют место как в УК РФ, так и в УК ряда иностранных государств (например, ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации», ст. 212 УК Республики Беларусь, которая называется «Хищение путем использования компьютерной техники» и подробнее рассматривается ниже).

3. К этой группе относятся различные преступления, совершаемые с использованием в той или иной мере компьютерной и другой электронной техники. К ней можно, например, отнести такие статьи УК РФ, как ст. 128.1 «Клевета», ст. 138 «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений», ст. 168 «Уничтожение либо повреждение имущества по неосторожности», ст. 205 – «Терроризм», ст. 275 «Государственная измена» и др.

Необходимо подчеркнуть, что преступления, связанные с подделкой кредитных и расчетных пластиковых карт, – это преступления в сфере экономики, посягающие на чужую собственность, и, вместе с тем, во многих случаях их мож-

но отнести непосредственно к компьютерной преступности, преступлениям в сфере высоких технологий.

Приступим к более детальному рассмотрению и анализу законодательства государств СНГ, предусматривающих уголовную ответственность за преступления, совершаемые с использованием высоких технологий.

В Уголовном кодексе Республики Таджикистан 1998 г. содержится глава 28 «Преступления против информационной безопасности» (дополнена законом № 35 от 17.05.2004 г.), в которой предусмотрены такие составы высокотехнологичных преступлений, как неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 298); модификация компьютерной информации (ст. 299); компьютерный саботаж (ст. 300); незаконное завладение компьютерной информацией (ст. 301) и т.д.⁹

Согласно информации МВД Республики Таджикистан, трое жителей Душанбе, используя специальное оборудование, незаконно внедрили в компьютерную систему и использовали сим-карты компаний «Вавилон М» и «Индиго», причинив существенный материальный ущерб. Следствием данные действия были признаны киберпреступлением в соответствии со ст. ст. 298 и 299 УК РТ¹⁰.

В УК Республики Казахстан 1998 г. предусмотрена уголовная ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации, создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ (ст. 227)¹¹.

Для системной борьбы с преступлениями подобного рода в 2006 г. в Казахстане был создан Национальный контактный пункт по борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий, осуществляется постоянный обмен информацией со странами СНГ и дальнего зарубежья¹².

8 Савенок А.Л. Указ. раб. С. 473.

9 Уголовный кодекс Республики Таджикистан // URL: www.ugolovnykodeks.ru.

10 В Душанбе арестованы три хакера // URL: www.rus.ozodi.org/articleprintview/25041662.html.

11 Памфилова Е.И., Попов А.С. Указ. раб. С. 20.

12 Бадайллина Г.Ш. Киберпреступления – проблема современного общества // URL: www.rusnauka.com/14_ENXXI_2012/Pravo/5_110241.doc.htm.

В 2009 г. судом Азербайджанской Республики по тяжким преступлениям была осуждена группа лиц, состоящая из семи граждан Азербайджана и одного гражданина Нигерии, которые «взломали» сайт компании «Azerbaicasan Nava Yollari» и незаконно пользовались данными кредитных карт граждан США и других стран. Данные неправомерные действия причинили компании ущерб на сумму приблизительно 100 тыс. манатов.

Действия указанных лиц были квалифицированы статьями 271.2.1 (неправомерный доступ к компьютерной информации, группой лиц по предварительному сговору), 271.2.3 (неправомерный доступ к компьютерной информации, с причинением крупного ущерба), 177.3.1 (кража, совершенная организованной группой), 177.3.2 (кража, совершенная с причинением крупного ущерба), 205.2.2 (изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов, неоднократно) Уголовного кодекса Азербайджанской Республики¹³.

Уголовный Кодекс Республики Беларусь (1999 г.) содержит статью, конкретно предусматривающую уголовную ответственность за совершение хищения путем использования компьютерной техники. Это статья 212 УК Республики Беларусь, которая так и звучит «Хищение путем использования компьютерной техники». В ней предусмотрена уголовная ответственность за хищение имущества путем изменения информации, обрабатываемой в компьютерной системе, хранящейся на машинных носителях или передаваемой по сетям передачи данных, либо

путем введения в компьютерную систему ложной информации.

Под хищением применительно к ст. 212 УК РБ понимается умышленное противоправное завладение чужим имуществом или правом на имущество с корыстной целью путем использования компьютерной техники. Состав преступления формальный. С объективной стороны преступление выражается в совершении хищения имущества¹⁴.

За хищение в особо крупном размере путем использования компьютерной техники по ч. 4 ст. 212 УК РБ в 2010 г. была осуждена одна из сотрудниц филиала ОАО «Беларусбанк». Работая специалистом отдела учета операций физических лиц и имея доступ к ряду компьютерных баз данных и право проведения в них операций, она в период с 31 мая 2005 г. по 3 марта 2009 г. совершила хищение денежных средств банка на общую сумму более 88,2 млн. рублей. Совершала преступления виновная путем ввода в соответствующую базу данных заведомо ложных сведений о погашении задолженности по кредитным договорам на свое имя, а также на имена бывшего мужа и близких родственников. В данном случае совершено именно хищение, а не какое-либо иное преступление¹⁵.

Несомненно, что творческое использование законодательного опыта зарубежных стран пошло бы на пользу российскому законодательству, ибо очевидно, что нормы действующего Уголовного кодекса России не охватывают всего круга противоправных деяний, совершаемых в сфере высоких технологий.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Батулин Ю.М. Проблемы компьютерного права. – М., 1991.
2. Памфилова Е.И., Попов А.С. Компьютерные преступления. – СПб.: 1998.
3. Крылов В.В. Информационные компьютерные преступления. – М., 1997.
4. Уголовный Кодекс Республики Беларусь. – М., 2001.

BIBLIOGRAPHY

1. Baturin Y.M. Problems of computer law. – Moscow, 1991.
2. Pamfilova Y.I., Popov A.S. Computer crimes. – Saint Petersburg, 1998.
3. Krylov V.V. Information computer crimes. – Moscow, 1997.
4. The Criminal Code of the Republic of Belarus. – Moscow, 2001.

13 В Азербайджане начался суд над бандой кардеров // URL: www.itsec.ru/newstext.php?news_id=60358.

14 Уголовный Кодекс Республики Беларусь. – М., 2001. С. 77.

15 Хилюта В.В. Квалификация преступлений против собственности: Монография. – Гродно, 2013 // URL: www.edu.grsu.by/books/prestyp_protiv_sobstv/index.php/glava-3-formy-khishchenij/8-khishchenie-putem-ispolzovaniya-kompyuternoj-tehniki.

РЕЦЕНЗИЯ
на монографию «Гражданско-правовые договоры:
актуальные проблемы
правового регулирования отдельных видов»
(под редакцией доктора юридических наук, профессора
В.В. Кулакова и кандидата юридических наук, доцента
С.В. Николюкина. М.: ЮРЛИТИФОРМ, 2014)

ШАГИЕВА РОЗАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА – первый проректор РААН, доктор юридических наук, профессор

В условиях реформирования российской экономики по пути повышения роли гражданско-правовых институтов регулирования имущественных отношений гражданско-правовой договор, по сути, становится главным средством регулирования взаимоотношений субъектов гражданского оборота.

Вряд ли можно представлять в качестве системы совокупность всех закрепленных в законодательстве договоров в их законодательном понимании (юридические факты), поскольку они представляют собой частные акты, в которых проявляется воля отдельных индивидуумов и которые никак между собой не связаны. Однако образуют систему договоры, если их участники преследуют достижение некой общей цели. Таковыми будут договоры, заключаемые в лизинговой сфере; при оказании медицинской помощи в рамках обязательного медицинского страхования; основные и обеспечительные договоры и т.д.

Безусловно, договор порождает некую модель обязательного поведения, пусть и обязательную только для его участников. Соответственно нельзя отказывать ему в роли регулятора, точнее индивидуального регулятора общественных отношений.

Говоря о договоре как о регуляторе, в работе отмечается, что общественные отношения могут иметь разноотраслевую юридическую природу. Так, допуск в оборот объектов и требования к лицам устанавливаются нормами публичного права, однако отношения по поводу самого обо-

рота носят исключительно гражданско-правовой характер, поскольку целью их является удовлетворение частного интереса заказчика в излечении и т.п. Соподчиненность – вовсе не признак исключительно публично-правовых отношений. Закон предусматривает в ряде случаев обязанность заключить договор (ст. 445 ГК РФ); должник в обязательстве связан долгом, т.е., по сути, подчинен кредитору. Для гражданско-правового регулирования целого ряда отношений применяется преимущественно императивный метод, в первую очередь для защиты «слабой» стороны, например, потребителя. Любая норма права является императивной (потому она и является обязательным правилом поведения).

Представленная на суд читателя книга посвящена анализу договоров, входящих в «субординационную» группу, при этом авторы не ставили целью анализ проблем применения всех договорных конструкций, предусмотренных в ГК РФ. Вместе с тем, в монографии затронуты актуальные проблемы, в той или иной степени затрагивающие все типы гражданско-правовых договоров, а именно: договоры купли-продажи, аренды, хранения, транспортные договоры, договор доверительного управления имуществом и др.

Вышедшая в свет монография будет полезна и найдет своего читателя среди научных работников, преподавателей, аспирантов, магистров, бакалавров, юристов, а также всех, кто интересуется проблемами гражданского права.

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию Л.А. Букалеровой и Р.А. Питикина «Служебный подлог – коррупционное преступление» (М.: ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2014)

КРУТЕР МАРК СОЛОМОНОВИЧ – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин РААН, доктор юридических наук, профессор.

ГУРОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики РУДН.

В теории уголовного права есть мнение, что незаконный оборот информации, в частности служебный подлог, присутствует в каждом коррупционном преступлении. Действительно, при незаконном получении, предоставлении права, освобождении от обязанностей должностное лицо оформляет какие-либо документы (справки, удостоверения, паспорта, др.).

Нередко подлог документов является приготовительным действием для совершения других, более опасных преступлений (например, терроризма, хищений, контрабанды), либо средством их сокрытия. Следственно-судебная практика по уголовным делам о различных видах служебного подлога показывает, что практически во всех случаях они возбуждаются в рамках расследования дел по другим составам преступлений, в частности, предусмотренным ст. 159, 160, 285, 290, 327 УК РФ.

Противостояние рассматриваемым преступлениям с учетом их распространенности и высокой опасности относится к числу важнейших задач правоохранительных структур.

Монография Л.А. Букалеровой и Р.А. Питикина «Служебный подлог – коррупционное преступление» обладает несомненной новизной и актуальностью, так как на фоне большого количества работ, посвященных уголовно-правовым и криминологическим аспектам противодействия коррупции, довольно мало исследований затрагивают проблемы борьбы с ее «стержнем» – служебным подлогом.

Не только в России, но и во всем мире сформировался гигантский рынок коррупционных услуг, и служебный подлог, как раз является одной из них, тем более что он существенно облегчает иные коррупционные преступления и активно стимулирует их. Недавние изменения в уголовном законодательстве

относительно ответственности за коррупционные преступления и принятые разъяснения высшей судебной инстанции о судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях придали новый импульс исследованиям проблем ответственности за подлоги. Это тем более важно, учитывая необходимость изучения международного и зарубежного опыта противодействия данному преступлению, что свидетельствует о новизне подхода к теме.

Научная новизна монографии заключается в том, что авторы осуществили комплексное исследование уголовно-правового противодействия служебному подлогу.

В работе проанализированы: международно-правовые нормы о коррупции и подлогах, нормы зарубежного уголовного права о служебных (должностных) подлогах; действующее уголовное законодательство РФ, предусматривающее ответственность за совершение служебных подлогов; научные публикации (монографии, статьи, диссертационные исследования) и учебная литература, в которых исследуются вопросы уголовной ответственности за коррупционные преступления, в частности служебные подлоги; судебная и следственная практика по делам о служебных подлогах.

Авторами использовано новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

Теоретическая значимость работы заключается в компаративном анализе уголовно-правовых проблем служебного подлога.

Авторы правы, отмечая, что в зарубежных странах накоплен солидный законодательный и практический опыт уголовно-правового противодействия служеб-

ным подлогам, на основе анализа которого следует сформулировать предложения по совершенствованию российского законодательства в целях повышения эффективности уголовно-правовых норм.

Следует согласиться с авторами, что в большинстве стран с развитой экономикой деяния, связанные с подлогом, охватываются, как правило, нормами, предусматривающими ответственность за различные виды подлога. Не всегда субъектами этих преступлений признаются только должностные лица. Чаще речь ведется о лицах, наделенных специальными полномочиями как в государственной, так и в экономической сфере. И именно этот ракурс позволяет говорить о том, что на фоне большого количества работ, посвященных уголовно-правовым и криминологическим проблемам борьбы с коррупцией, рецензируемая работа выгодно отличается от других.

Первая глава монографии посвящена историческому анализу противодействия служебным подлогам в истории России и в международном праве. Необходимо отметить, что представленный в настоящей главе опыт зарубежных государств в сфере регулирования ответственности за преступления, связанные с подлогом и смежных с ними преступлений, весьма разнообразен, часто противоречив и изменчив (даже когда речь идет об одной и той же стране), но, во всяком случае, крайне поучителен, что позволяет учесть его и при необходимости – имплементировать в ткань российского законодательства.

Авторами проведен серьезный анализ значительного количества документов, на основе которого выделено место служебного подлога в системе коррупционных преступлений в российском праве.

Вторая глава посвящена исследованию непосредственно состава служебного подлога. Авторы делают справедливый вывод, что видовым объектом должностных преступлений по УК РФ является совокупность общественных отношений, складывающихся в сфере государственной власти и нормальной управленческой деятельности государственных и муниципальных органов и учреждений, а непосредственным объектом служебного подлога определяются порядок официального документооборота и документарного удостоверения юридических фактов, осуществляемых должностными лицами, а также государственными служащими или служащими органов местного

самоуправления, с чем, на наш взгляд, вполне можно согласиться.

Серьезной научной ценностью и существенной информативностью обладает четвертый параграф второй главы «Проблемы определения субъектов служебных подлогов». Необходимо отметить, что проведен серьезный компаративный анализ значительного количества уголовных законов всех правовых систем мира. На основе исследования сформулировано актуальное предложение о необходимости введения в российское право нового субъекта – государственного служащего и служащего органа местного самоуправления, не являющегося должностным лицом. Следует сказать, что авторы обладают определенной научной смелостью, выдвигая такое спорное для отечественной науки предложение.

В третьей главе проанализированы проблемы квалификации служебных подлогов в уголовном праве России и зарубежных стран. Следует согласиться с Л.А. Букалеровой и Р.А. Питикиным, что в настоящее время не сложилась единая практика применения норм, и как следствие – имеются неоднократные ошибки в реализации права, и именно Постановление Пленума ВС о судебной практике по судебным подлогам может решить все проблемные вопросы.

Авторы сформулировали научно обоснованное понятие «официальный документ» – это документ, исходящий от должностного лица, а также государственного служащего или служащего органа местного самоуправления, не являющегося должностным лицом, который удостоверяет события или факты, имеющие юридическое значение либо влекущие юридически значимые последствия, изложенный в определенной законом форме и содержащий реквизиты, которые устанавливаются законами и подзаконными нормативными правовыми актами применительно к каждой из групп официальных документов. Авторы отличают знание предмета исследования, владение основными научными и специальными методами, умение подать материал, грамотность и последовательность изложения, высокая культура, которая проявляется как в манере изложения, так и в умении формулировать свои выводы и предложения.

Следует отметить и такие достоинства монографии, как хороший литературный язык, которым она

написана, а также простоту и логичную ясность изложения сложных вопросов, исследуемых авторами в работе. По дискуссионным вопросам авторы высказали интересные собственные мнения и дали им теоретическое обоснование.

Наряду с несомненными достоинствами в монографии содержатся и некоторые спорные либо недостаточно обоснованные положения и выводы. К таковым относятся следующие: мы не согласны с точкой зрения авторов о необходимости отнесения служебного подлога к категории тяжких преступлений, т.к. данное предложение идет вразрез с общими принципами проводимой в стране уголовно-правовой политики.

В целом монография Л.А. Букаловой и Р.А. Питикина «Служебный подлог – коррупционное преступление» представляет собой решение важной проблемы, содержит ряд положений и выводов, отличающихся достаточной научной новизной и имеющих большое значение для теории и практики противодействия коррупции. С теоретической точки зрения

авторам удалось в полной мере использовать возможности системного и компаративного методов изучения служебных подлогов. Еще в большей мере указанный подход усилил практическую значимость исследования, предоставив вполне готовый к реализации вариант решения проблем борьбы с рассматриваемыми посягательствами, основанный не на абстрактных рассуждениях, а на глубоком, обстоятельном и разностороннем исследовании существующих в доктрине мнений, а также практики правоприменения.

Анализируемая монография может быть использована для дальнейших научных исследований по таким научным направлениям, как юриспруденция и политология, а также может быть рекомендована студентам, обучающимся по программам обучения бакалавров и магистров направлений подготовки «Юриспруденция», преподавателей правовых дисциплин, аспирантов юридических кафедр, всех интересующихся актуальными вопросами научного осмысления коррупционных преступлений.

РЕЦЕНЗИЯ
на монографию Р.В. Шагиевой и В.Н. Казакова
«Человек в правовой сфере:
лично-деятельностный подход»
(М.: НОРМА, 2015. -13 п.л.)

В.М. ШАМАРОВ – заведующий кафедрой теории и истории государства и права Национального института имени Екатерины Великой, доктор юридических наук, профессор.

Современная правовая жизнь – яркое свидетельство тому, что понимание права как строгого, формального, чисто внешнего, ограничивающего свободу, обязательно-принудительного явления, исчерпало себя. Сформированные данной теоретической традицией идейные правовые основы не только не вписываются в конституционную модель правового демократического и социального государства, но и не соответствуют истинной природе, сущности и назначению права вообще. Сегодня как никогда требуется такое видение права, для которого мерой всех вещей действительно выступает благополучие социально-правовой жизни каждого конкретного человека и

гражданина. Речь идет не просто об учете, уважении интересов личности, а о человеческом измерении права. А это уже совершенно другой подход, выражающий принципиально иной взгляд на право.

И авторы монографии, безусловно, правы, когда обращают внимание на то, что обращаясь к личностной проблематике, правовая наука, в основном, уделяла внимание таким проблемам, как правосознание, правовая культура, правовое воспитание, правомерное поведение и т.д. В этой связи хотелось бы обратить внимание на то, что авторы не оказались в плену сложившихся представлений о предмете в общественной науке; их

работа далека от того, чтобы просто компоновать известные положения и доказывать лишь глубокое знание предмета. Научной общественности представлено интересное монографическое исследование, в котором, вместе с тем, определены задачи практического плана, что сообщает его результатам очевидную перспективу.

Следует отметить, что монографическое исследование построено на базе весьма разнопланового как классического, так и современного научного аппарата. О различных видах человеческой деятельности написано много монографий и научных статей. На первый взгляд, может показаться, что все здесь ясно, все досконально изучено. Однако такой вид человеческой деятельности, как правовая деятельность, в сегодняшних условиях трансформации нашего социума нуждается в новом научном анализе. И это позволяет понять, почему авторам удалось выработать целостный взгляд на проблему, связанную с изучением правовой деятельности в аспекте человеко-центристского подхода, убедительно показать, что сама эта проблема носит междисциплинарный, комплексный характер.

Оценивая содержание монографии, следует обратить внимание на логически стройное, последовательное изложение материала, позволившее с достаточной полнотой раскрыть тему. Что из предложенного авторами можно отнести к оригинальным теоретическим новациям и наиболее практически значимым результатам? В качестве ответа можно выделить несколько аспектов представленной работы.

Во-первых, в условиях реформирования современного российского общества, возлагая на правовые средства организации жизни большие надежды, а также вследствие стремления преобразовать систему российского права в соответствии с международными, цивилизованными стандартами практически многие вопросы юридической теории права и государства нуждаются в пересмотре, развитии, расширении представлений о сторонах социальной жизни людей. Как считают авторы, особенно перспективным представляется использование категории «правовая деятельность» при исследовании правовой система-

тики, которая проявляется двояким образом. С одной стороны, речь идет о системных представлениях, касающихся всей правовой действительности, т.е. об изучении правовой системы общества. С другой стороны, сама правовая деятельность всегда рассматривается как система (с. 67-68).

Во-вторых, важен авторский посыл: «Деятельность в правовой сфере не имеет никакого смысла вне ее основного субъекта – человека. Невозможно понять, что делает человек, каким образом себя ведет (правовая деятельность), не зная, что он собой представляет, и наоборот. С одной стороны, человек должен быть способен к правовой деятельности (качества, склонности); с другой стороны, его способности формируются в действии» (с. 69).

В-третьих, избранная проблематика является особенно актуальной в связи с тем, что мы стали обращать внимание на права человека, а не только на право как способ организации общественной жизни. Активность правовой позиции человека напрямую зависит от степени развитости его правовых качеств. В свою очередь, активная правовая позиция неразрывно связана с задачами построения правового общества и государства, демократизации всех сфер общественной жизни.

Вообще монография изобилует рассуждениями, которые чрезвычайно плодотворны с точки зрения выработки теоретической позиции во взгляде на предмет. Многие из них побуждают к полемике, вызывают богатые ассоциации, что в целом свидетельствует о значительном творческом потенциале исследования.

Делая общие выводы, можно сказать, что научной общественности представлен весьма интересный труд, развернута стройная система взглядов на предмет, использован современный научный и понятийный аппарат.

Авторским коллективом использовано значительное количество разнообразных источников, привлечен богатый эмпирический материал.

Работа может быть рекомендована не только для ученых-юристов, аспирантов и студентов, но и для работников правоприменительных органов.

Центральный дом адвоката совместно с Российской академией адвокатуры и нотариата провели Международную научно-практическую конференцию по теме «Содействие адаптации и интеграции мигрантов усилиями НПО и юридического сообщества» в рамках социально-значимого проекта «Дорогу осилит идущий» - Президентского гранта, выделенного в целях поддержки некоммерческих неправительственных организаций, реализуемых социально значимых проектов и участвующих в развитии институтов гражданского общества.

В ней приняли участие представители законодательной, судебной и исполнительной власти, правоохранительных органов, адвокаты, нотариусы, представители научных учреждений, члены правозащитных и общественных организаций, студенты, аспиранты, соискатели, докторанты, преподаватели вузов.

Открыл конференцию ректор РААН, президент Гильдии российских адвокатов, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор Г. Б. Мирзоев. С докладом выступил А.С. Брод, куратор проекта, член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, член Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, председатель Координационного совета Общероссийской общественной организации «Юристы за права и достойную жизнь человека».

В ходе конференции был организован «круглый стол» по актуальным проблемам развития законодательства, регулирующего миграционные отношения в России, с видными учеными Академии, адвокатами и специалистами.

Требования к оформлению статей

1. **Представляемая статья должна быть оригинальной по содержанию.** В статье необходимо сформулировать рассматриваемую проблему, отразить объект исследования, новизну результатов исследования и область их применения. Статья должна заканчиваться выводом.

2. Редакция журнала заинтересована в публикациях результатов научных исследований, связанных с деятельностью адвокатуры и нотариата, судебной власти, правоохранительных органов, исследований в области истории, теории государства и права и остальным отраслям права, а также в материалах по экономике, социологии и другим гуманитарным наукам.

Кроме этого в журнале могут быть опубликованы тезисы выступлений на научно-практических конференциях, симпозиумах, «круглых столах», обзоры о проведенных научных мероприятиях, рецензии, отзывы на докторские, кандидатские диссертации, монографии, учебники и другие материалы, представляющие научный интерес для наших читателей.

3. **Объем статьи** 6-12 страниц; обзор, рецензия, информация – не более 3 страниц.

4. **При определении объема материала просим исходить из таких параметров:**

- текст печатается на стандартной бумаге формата А-4, через 1,5 интервала;
- размер шрифта основного текста – 14, в Microsoft WORD 2000-2003;
- поля – 2 см;
- название (заглавие) статьи оформляется 14-м жирным шрифтом, межстрочный интервал – оди-
нарный, отделяется от текста сверху и снизу 1 строкой.

5. **Соблюдать при оформлении статьи следующую последовательность:**

- над заглавием (справа) указывается автор (инициалы, фамилия);
- заглавие;
- под заглавием дается краткая аннотация и ключевые слова; сведения об авторе (фамилия, имя, отчество – полностью, должность, место работы, уч. степень, звание и адрес электронной почты);

6. В конце статьи приводится «Библиография» (оформляется в соответствии с действующим ГОСТ-ом, в алфавитном порядке).

7. **Все указанные позиции под пп. 5 обязательно оформляются и на английском языке.**

8. **Ссылки, сноски проставляются постранично автоматически,** шрифт для сносок – 12, нумерация сквозная. В сносках на авторов источников сначала следует указать фамилию, затем инициалы, обязательно привести название публикации, затем источник – место, год, номер, страница. Постраничные сноски делаются в усеченном варианте (без тире).

9. **Перед библиографическим списком аспирант или соискатель указывает** научного руководителя, сведения о нем (фамилия, имя, отчество – полностью, должность, место работы, уч. степень, звание).

При использовании нормативного акта следует привести полное (без сокращений) наименование, указать его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т.д.), дату (день принятия – цифрами, месяц – словом, год принятия – четырьмя цифрами). Например: Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 2 октября 2007 г. №229-ФЗ // СЗ РФ. 2007. №41. Ст. 4849.

10. **К рукописи прилагаются:**

- сведения об авторе (фамилия, имя, отчество); статус: уч. степень, уч. звание (при наличии), должность и место работы, учебы;
- почтовый служебный или домашний адрес с индексом и телефон;
- рецензия на статью с подписью, заверенной соответствующей кадровой структурой, выписка из протокола заседания кафедры с рекомендацией к опубликованию. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения). Отзыв научного руководителя (для аспирантов, адъюнктов, соискателей). Статья сдается с подписями автора (-ов) на последней странице.

11. **Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует** правильность всех све-

дений о себе, отсутствие плагиата и др. форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем. За любые неправомерные заимствования или использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, авторы несут ответственность в соответствии с законодательством РФ. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.

12. Настоятельно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания юридических терминов, оформление текста работы и ссылок в соответствии с рекомендуемыми Правилами.

13. Плата за публикацию рукописей с аспирантов не взимается.

14. Автору предоставляется право получить бесплатный электронный вариант журнала, а также печатный экземпляр журнала при условии возмещения расходов по его пересылке на указанный автором почтовый адрес.

15. Представленные авторами статьи регистрируются, подлежат обязательному рецензированию членами редакционного совета журнала или приглашенными редакцией учеными, научная специализация которых близка к теме статьи. Авторам предоставляется возможность ознакомиться с содержанием рецензий. При наличии замечаний рукопись возвращается автору на доработку.

16. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения и размещение его в электронной версии журнала.

17. В случае невыполнения предъявляемых к оформлению статьи требований редакция имеет право отказать автору в публикации.

18. Журнал выходит 1 раз в три месяца (март, июнь, сентябрь, декабрь). Срок выхода статьи 3 месяца.

Рукопись направляется в редакцию по адресу:

105120, г. Москва, Малый Полуярославский пер., д.3/5, стр.1, Российская академия адвокатуры и нотариата (с обязательным приложением электронной версии) и может быть направлена по электронной почте: nkosarenko@yandex.ru в Microsoft WORD 2000–2003 (файлу присваивается имя по фамилии автора с указанием «для журнала», «в материалы конференции», например: Кузнецова Г.П., для журнала).

Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдачи рукописей, принимаются по телефону редакции: +7-495-917-38-80, Косаренко Николай Николаевич.

Литература дается в в следующей транслитерации:

Буква	Транслит	Буква	Транслит	Буква	Транслит	Буква	Транслит
а	a	з	z	п	p	ч	ch
б	b	и	i	р	r	ш	sh
в	v	й	y	с	s	щ	sch
г	g	к	k	т	t	ь и ъ	опускаются
д	d	л	l	у	u	ы	y
е	e	м	m	ф	f	э	e
е	e	н	n	х	kh	ю	yu
ж	zh	о	o	ц	ts	я	ya

На сайте <http://www.translit.ru> можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу, предварительно настроив программу по нашим правилам: й (y), щ (sch), э (e), ю (yu), я (ya)!

ВНИМАНИЕ!

**Уважаемые читатели! Продолжается подписка на журнал
«Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата».
Наш индекс в каталоге Агентства «Роспечать» – 36802.**

Стоимость подписного издания

**один номер 500 рублей,
на полугодие 1000 рублей,
на год 2000 рублей.**

Чтобы оформить подписку на журнал «Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата» через редакцию журнала, можно воспользоваться опубликованной квитанцией, оплатить в любом отделении Сбербанка России, а копию квитанции об оплате отправить по e-mail: nauka-gaa@nm.ru или почтой по адресу: Малый Полуярославский пер., д.3/5, стр.1, г.Москва, 105120, Россия.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Получатель платежа „Российская академия адвокатуры и нотариата“ <small>Форма ПД-4</small>			
ИНН 7709255964			
ОАО „Банк ВТБ“			
БИК 044525187			
Корреспондентский счет	30101810700000000187		
Расчетный счет	40703810900030000197		
Ф.И.О., адрес плательщика			
Вид платежа	Дата	Количество комплектов	Сумма
Подписка на журнал „Ученые труды РААН“			
Плательщик			R0903

Кассир

КВИТАНЦИЯ

Получатель платежа „Российская академия адвокатуры и нотариата“ <small>Форма ПД-4</small>			
ИНН 7709255964			
ОАО „Банк ВТБ“			
БИК 044525187			
Корреспондентский счет	30101810700000000187		
Расчетный счет	40703810900030000197		
Ф.И.О., адрес плательщика			
Вид платежа	Дата	Количество комплектов	Сумма
Подписка на журнал „Ученые труды РААН“			
Плательщик			R0903